

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

**СТАРОЕ И НОВОЕ
В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ**

*Очерки по историографии
и источниковедению*

Санкт-Петербург
2014

УДК 93/94+39(954)

ББК 63.2

С77

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

А.Г. Новожилов, А.И. Терюков

Ответственный редактор и составитель

П.Л. Белков

С77

Старое и новое в изучении этнографического наследия Н.Н. Миклухо-Маклая. Очерки по историографии и источниковедению / Отв. ред. и сост. П.Л. Белков. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 252 с.

ISBN 978-5-88431-247-0

Авторы очерков, которые вошли в настоящую книгу, ставили перед собой задачу интерпретации научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая (отдельно от его общественно-политической, или, как тогда говорили, филантропической, деятельности) с точки зрения самой науки, в рамках проблемы роста научного знания. В существующей литературе данная задача обычно решается путем апелляции к общественно-политической деятельности выдающегося российского ученого. Предлагаемый подход подразумевает, с одной стороны, теоретический анализ трудов Н.Н. Миклухо-Маклая на фоне научных достижений его современников и коллег, с другой — поиск новых видов источников. Одним из таких видов являются выписки Н.Н. Миклухо-Маклая из работ других ученых или его пометки при чтении книг по антропологии и этнографии. В этом отношении особое значение приобретает Маклаевская коллекция книг в библиотеке МАЭ РАН. Данный подход, однако, не исключает обнаружения новых источников (в обычном понимании этого слова), например ранее неизвестных рисунков или автографов, или возвращения к старым источникам.

Сборник адресован этнографам, антропологам, историкам науки и другим специалистам в области изучения культурного наследия как в России, так и за рубежом.

УДК 93/94+39(954)

ББК 63.2

ISBN 978-5-88431-247-0

© МАЭ РАН, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
1. Происхождение Н.Н. Миклухо-Маклая как «человека науки». Записная книга “ <i>Ethnologia</i> ”: проблема выбора главной задачи	9
2. Физическая антропология в исследованиях Н.Н. Миклухо-Маклая. Антропологический материк Лемурия	51
3. Этнографические открытия Н.Н. Миклухо-Маклая. «Иллюстрированный труд по этнологии меланезийцев».	79
4. Неизвестные рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая, автографы и дарственные надписи в Маклаевской коллекции библиотеки МАЭ РАН	108
5. Материалы к исследованию этнографических рисунков Н.Н. Миклухо-Маклая. Из истории Маклаевской коллекции МАЭ РАН.	124
6. Предания о Н.Н. Миклухо-Маклае в культуре жителей Берега Маклая.	157
7. Легенды папуасов деревни Бонгу округа Маданг Папуа — Новой Гвинеи. Отрывки из полевого дневника.	193
Приложения	206
Источники	244
Библиография	245

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составители шеститомного собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая особо подчеркивают, что в процессе подготовки издания наиболее сложная проблема состояла в поиске единого принципа деления материалов, включающих дневники путешествий, письма, научные статьи, конспекты лекций, рукописи, рисунки, коллекции предметов, газетные отчеты и другие документальные свидетельства весьма разнообразной деятельности ученого¹.

В качестве решения был принят «принцип жанрово-предметного расположения материалов» [Миклухо-Маклай I: 18]. Предложенный подход обрел окончательную форму в оглавлении томов: «Дневники, путевые заметки, отчеты», «Статьи и материалы по антропологии, этнографии и естественным наукам», «Письма, документы и материалы», «Этнографические коллекции и рисунки». Правда, редколлегия вынуждена была сделать одну существенную оговорку в отношении «небесспорности некоторых отнесений текстов к соответствующим томам», поскольку очень трудно провести четкую грань, например, между отдельными «жанрами», дневниковыми записями, личными письмами и научными отчетами [Там же]. Впечатление спорности классификации усиливается при ознакомлении с тем, что составители называют «своей для каждого тома организацией внутри», вопреки уверениям, что, несмотря на отмеченные трудности, «принятая структура издания позволяет сравнительно четко упорядочить сложный, пестрый по составу и тематике материал и представить научное наследие Миклухо-Маклая в систематизированном виде» [Там же: 19].

Существующая научная литература о Миклухо-Маклае обладает, по сути, структурой мифа, а главная особенность мифологической системы в широком смысле слова заключается именно в том, что ее пространство «прерывно» или, лучше, выглядит как прерыв-

¹ Разнородность наследия Миклухо-Маклая сама по себе является нарушением принципа деления. В этом смысле поставленная задача вообще не имеет решения.

ное. В терминах М.И. Стеблин-Каменского, наше знание о Миклухо-Маклае составлено из множества конкретных кусков, отдельных локусов в виде дневников, писем, лекций или статей, которые очень слабо сориентированы относительно друг друга.

Не отрицая результатов работы, которая была проведена коллективом ученых при подготовке шеститомного собрания, нельзя не заметить, что даже с узко «текстологической» точки зрения издание архивных материалов, эпистолярного наследия, музейных коллекций и т.п. подчиняется заметно различающимся, в том числе и формальным, требованиям. В таких условиях для того, чтобы создать нечто единое, необходимо было бы пожертвовать довольно многими, с точки зрения конкретных исследований, безусловно, важными аспектами. На этом фоне пятитомное собрание сочинений 1950–1952 гг. выглядит гораздо более целостным. Вообще подобрать единую схему расположения столь разнородных по свойствам материалов невозможно без определенного принципа отбора, что, конечно, противоречит основному замыслу рассматриваемого издания, а именно: введению в научный оборот максимального числа документов, связанных с жизнью и деятельностью Миклухо-Маклая. В таких случаях надо четко осознавать, что является целью — собрание *сочинений* или собрание *источников*. Термин «собрание сочинений» предполагает, что мы имеем дело с неким памятником истории науки, что несовместимо с понятием внутренней критики источников. Даже печатные работы Миклухо-Маклая в рамках темы изучения его научного наследия являются источниками, и именно с этой точки зрения к ним и следует относиться.

Помимо прочего, необычайно сложная система сносок, примечаний и комментариев, по сути, предвосхищающая, но не переходящая в стадию исследования, превращает рассматриваемое издание в некий лабиринт, не столько облегчая, сколько затрудняя работу. В связи с этим можно отметить и явную неравномерность усилий, затраченных на публикацию отдельных видов материалов. Речь идет прежде всего о рисунках и этнографических коллекциях. Относительно рисунков составители фактически прямо заявляют, что на тот момент в их планы не входило ничего, кроме ознакомления читателей с графическим наследием Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай VI: 346]. Как известно, недостаточная исследованность вопроса обычно компенсируется «спрямлениями». Так, до сих пор подавляющее большинство авторов, обращавшихся к этой теме,

считали необходимым характеризовать Миклухо-Маклая как «искусного рисовальщика» [Там же: 344]. Весьма примечательно, что на экземпляре издания 1923 г., хранящемся в библиотеке МАЭ РАН, в том месте, где Д.Н. Анучин пишет, что Миклухо-Маклай был «посредственным рисовальщиком», имеется пометка: слова Анучина подчеркнуты, а на полях поставлен знак вопроса [Анучин 1923: 12]. Кем-то выраженное удивление простительно для человека, не знающего, как правильно держать карандаш. В данном случае парадокс заключается в том, что именно недостаток профессиональных навыков в рисовании делает рисунки Миклухо-Маклая ценными этнографическими источниками. Он прорисовывал те детали, которые профессиональный рисовальщик прорисовывать никогда не станет, жертвуя деталями ради целого образа. Конечно, сказанное не означает, что у Миклухо-Маклая вообще не было художественного таланта. Так «набить» руку в рисовании может далеко не каждый.

Что же касается «Каталога этнографических коллекций» Миклухо-Маклая, то эта часть собрания представляет собой по сути перерегистрацию кратких описей. Создание настоящего каталога этнографических коллекций Миклухо-Маклая остается делом будущего.

Несмотря на имеющиеся недостатки, шеститомное собрание можно и нужно использовать в качестве источника. Необходимо только учитывать, что данный источник является основой для изучения наследия Миклухо-Маклая в каждой отдельной области. Это означает, что акцент должен быть сделан на необходимости рассматривать шеститомное собрание как множество источников, каждый из которых заслуживает особого рассмотрения и особой публикации. Единицей изучения наследия Миклухо-Маклая является не «жанрово-предметное» объединение текстов, т.е. некая тема, а самостоятельный источник в виде коллекции рисунков, предметов, записной книги или научной статьи. Только в этом случае можно понять и оценить действительную величину его научного вклада. Главное противоречие Миклухо-Маклая, точнее многочисленных исследований о нем, состоит в том, что он до сих пор, в сущности, абсолютно неизвестен именно как ученый-профессионал.

В недавно вышедшей статье А.Я. Массов по-своему, как историк, возвращает нас к этой проблеме. В частности, он приходит к выводу, что в отечественной научной литературе до настоящего момента нет сколько-нибудь фундированных исследований о «есте-

ственно-научных воззрениях и общественно-политических представлениях» Миклухо-Маклая. Обращаясь непосредственно к изданиям, считающимся эталонными в области маклаеведения, А.Я. Массов формулирует свои выводы, на наш взгляд, более определенно. Он говорит, что в таких работах излагается прежде всего «научная биография» Миклухо-Маклая, цель изучения его «научного мировоззрения и философских взглядов», его «роли и места» в истории науки просто не ставится [Массов 2013: 116].

Данный сборник, по существу, выполняет функцию начала исследования этнографического наследия Миклухо-Маклая с точки зрения его теоретического (здесь коннотативного) значения. В рамках выполнения этой задачи требуется своего рода инвентаризация научных знаний того времени в отдельных областях, а также проведение множества конкретных исследований по истории отдельных видов документов, например коллекций рисунков, автографов на страницах книг из личной библиотеки Миклухо-Маклая. Это ценнейший вид источников, содержащих информацию о его научных взглядах. До сих пор совершенно игнорировался и такой вид источников, как письма, адресованные Миклухо-Маклаю. Отдельная тема — изучение этнографических фактов, которые связаны с тем обстоятельством, что образ самого Миклухо-Маклая в качестве мифологического персонажа стал частью традиционной культуры населения некоторых регионов Новой Гвинеи. Как можно будет убедиться при чтении настоящего сборника, во всех этих сферах остается еще очень широкое поле для новых открытий.

Предисловие, 1-й, 2-й и 3-й разделы написаны П.Л. Белковым, 4-й — Т.И. Шаскольской, 5-й — А.А. Лебедевой, 6-й — А.В. Тугорским, 7-й — А.А. Винецкой и А.В. Тугорским, приложения составлены Т.И. Шаскольской.

1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ КАК «ЧЕЛОВЕКА НАУКИ». ЗАПИСНАЯ КНИГА “*ETHNOLOGIA*”: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ГЛАВНОЙ ЗАДАЧИ

В современной литературе сложилось двойственное, даже противоречивое отношение к Миклухо-Маклаю как «человеку науки», по его собственному выражению. Это отражается в двух, казалось бы, противоположных подходах к изучению его научного наследия. Биографы Миклухо-Маклая, условно говоря, делятся на «оптимистов» и «пессимистов». Первые исходят из того, что высокая оценка научного вклада Миклухо-Маклая должна быть ясна сама по себе, учитывая его яркую деятельность на гуманитарном поприще. Вторые почти столь же настойчиво опровергают значимость его достижений для современной науки. Впрочем, на практике даже сугубо положительные отзывы о трудах Миклухо-Маклая сочетаются с утверждениями о «некотором преувеличении» его научных заслуг, а отрицательные высказывания уравниваются воздаянием ему почестей в качестве «выдающейся личности». Например, принято отмечать, что Миклухо-Маклай «обычно избегал широких выводов и обобщений», но в связи с конкретными изысканиями мог «занести» в свой дневник «поистине новаторскую» гипотезу, «не утратившую своего значения до наших дней» [Тумаркин 1999: 585; 2011: 282].

Создается странное впечатление, что авторы, защищающие Миклухо-Маклая, сами не до конца убеждены, чего же в нем все-таки больше — «великого гуманиста» («человека с Луны») или «великого ученого». Отсюда так называемая «идеализация и мифологизация» образа Миклухо-Маклая, о которой пишет Д.Д. Тумаркин [Тумаркин 1998: 149]. Психологически, при повторяющихся характеристиках Миклухо-Маклая как «ученого-гуманиста» или «путешественника и гуманиста» (сам он всеми силами старался отойти от стандартного образа «путешественника»), скептическое отношение к нему как «человеку науки» только возрастает. Вследствие этого

появляются некие «разрушители мифа», а в ответ звучат призывы к «сбалансированной оценке» Миклухо-Маклая «как ученого и общественного деятеля» [Там же]. Вопрос из содержательной области окончательно переносится в область семантики. С этим связан и тот факт, что повествовательный стиль при описании личности Миклухо-Маклая преобладает над аналитическим.

В частности, Д.Д. Тумаркин так определяет значение этнографических материалов Миклухо-Маклая: «Несмотря на несовершенство его методики, эти материалы остаются и по сей день важным источником по этнографии Новой Гвинеи, уникальным образцом полевой работы во влажных тропиках, среди людей каменного века» [Тумаркин 2011: 223]. Не совсем ясно: как возможно на основе несовершенной методики создать образцовый этнографический источник? И каким образом полевая этнографическая работа во влажных тропиках среди людей каменного века отличается от полевой работы среди сельского населения в средней полосе России или в городских условиях современной Англии? Наконец, в чем же именно состояла методика Миклухо-Маклая, чтобы мы могли судить о ее «несовершенстве»? (На самом деле по работам Миклухо-Маклая можно читать студентам курс полевой этнографической практики.)

Вероятно, мы будем ближе к истине, если примем точку зрения, как кажется, присутствующую в высказываниях Е.В. Ревуненковой по поводу путешествий Миклухо-Маклая по Малаккскому полуострову [Ревуненкова 1992: 16, 19; 1994: 142]. На наш взгляд, эта точка зрения сводится к требованию рассматривать научную деятельность Миклухо-Маклая отдельно от общественной. В актуальности этой задачи сомневаться не приходится. Научные взгляды Миклухо-Маклая как таковые никогда не становились предметом самостоятельного исследования.

Собственно об этом пишет А.Я. Массов, указывая на отсутствие сколько-нибудь фундированных исследований «естественно-научных и общественно-политических представлений русского ученого и путешественника» [Массов 2013: 116]. Мы продолжаем настаивать на упомянутом выше разделении хотя бы потому, что именно общественно-политические взгляды Миклухо-Маклая всем известны. При этом у нас нет никаких оснований опасаться, будто бы без добавления такого «связующего вещества» от научного наследия Миклухо-Маклая в конечном счете останутся только разроз-

ненные сведения эмпирического характера. В этом плане особенно обнадеживает работа немецкой исследовательницы Фридерики Шнейдер. Анализируя новогвинейские дневники Миклухо-Маклая и его статьи на эту тему, она пришла к заключению, что в его высказываниях обнаруживаются параллели с основополагающими принципами, впоследствии развитыми Малиновским (цит. по: [Тумаркин 2011: 224]). Следовательно, верно, что поиск «баланса» (на деле всегда искусственного) между научной и общественной деятельностью Миклухо-Маклая не располагает к объективной оценке результатов его исследований.

До сих пор вопрос об отношении Миклухо-Маклая к занятиям теорией оставался открытым. «Если на заре своей научной деятельности, — пишет Д.Д. Тумаркин, — Николай Николаевич — по примеру Эрнста Геккеля — был склонен к выдвижению самых смелых гипотез и к широким обобщениям, то теперь (по Д.Д. Тумаркину, после 1871 г. — *П.Б.*), проникнув в непознанный папуасский мир, он, похоже, склонился к другой крайности — придерживался точно установленных, по его мнению, фактов и воздерживался от добавления к личным наблюдениям каких бы то ни было догадок и гипотез» [Там же: 223, 282]. Однако если это так (а это действительно так), Миклухо-Маклай, проводя полевые исследования, следовал строгому научному методу, основанному на том теоретическом положении, с которого впоследствии начинал Малиновский, опередив выдающегося британского ученого на несколько десятилетий.

Как думается, именно миф о так называемом «эмпиризме» («ярко выраженном позитивизме») и, соответственно, плохом знании Миклухо-Маклаем современных ему учений развевать легче всего. Д.Д. Тумаркин, кажется, совершенно напрасно (хотя и в благих целях) поддерживает в сущности ни на чем не основанный тезис о «слабом знакомстве» Миклухо-Маклая с текущей литературой по теории первобытности, указывая на то, что из трудов «трех столпов английской школы социокультурного эволюционизма» — Э. Тэйлора, Дж. Лёббока и Дж. Макленнана — в его текстах упоминается только книга Лёббока «Происхождение цивилизации и первобытное состояние человека» [Там же: 224]. К этому он добавляет, что основным пособием для Миклухо-Маклая служили труды Т. Вайца и Г. Герланда, представлявшие свод эмпирических сведений этнографического характера [Там же]. Конечно, формальное упоминание тех или иных книг не означает, что Миклухо-Маклай не знал

или не принимал идей, заключенных в этих книгах. Помимо английской, существовала неплохая немецкая школа. Труды Вайца и Герланда при подготовке первой экспедиции были для Миклухо-Маклая в большей степени справочными изданиями. Основным научным пособием для исследователя на этом этапе должен был служить классический труд английского эволюциониста Дж.К. Причарда, являвшийся, по сути, учебником этнологии того времени.

Безусловно, Миклухо-Маклай был в курсе всех новых идей, постоянно пополняя свой теоретический багаж в области и физической антропологии, и этнологии. Общеизвестно, что он вел обширнейшую переписку со многими авторитетными учеными, которым он часто напоминал о высылке тех или иных изданий, сам посылал регулярные отчеты в различные европейские издания, знакомился с новой литературой и даже пополнял личную библиотеку во время путешествий. Ведь он не только бродил по джунглям, но останавливался в крупных колониальных городах, центрах европейской науки и культуры. Все это противоречит утверждению о его оторванности от европейского научного сообщества. На самом деле он был важной частью этого сообщества. Скорее приходится говорить о его «оторванности» от российского научного сообщества. Неслучайно в газетном интервью 1882 г. он признался, что, если не найдет материальной поддержки для издания своих трудов в России, ему «по неволе» придется обратиться к Англии [Миклухо-Маклай V: 541]. Вероятно, он знал, что говорил.

Обвинения Миклухо-Маклая в эмпиризме, слабом владении теорией и т.п., а если называть вещи своими именами, дилетантизме имеют довольно длинную историю. Ему самому приходилось затрагивать эту болезненную для него тему. В интервью 1882 г., говоря о намерении издать «отчет о результатах своих путешествий», он указывал, что это сочинение будет «специально научного характера»: «Не ради “беллетристики” скитался я среди диких, по таким местностям, где никогда не ходил еще “белый человек”, подвергал свою жизнь опасности...» [Миклухо-Маклай V: 541]. И далее он отмечает: «Я знаю, что русские ученые не считают меня “своим”, они, кажется, сомневаются в моих знаниях» [Там же]. Столь странное положение, когда на родине ему приходилось доказывать, что он, по его словам, «не дилетант в науке», сам он пытался оправдать тем, что «не получил в России высшего образования» [Там же]. Как следствие, Миклухо-Маклаю, видимо, ничего не оставалось, кроме как

отдать себя — с теми или иными издержками — на суд более широкой аудитории: «Русская печать, относившаяся ко мне, как мне передавали, благосклонно, русское общество, интересовавшееся моею судьбою, по моим чтениям пусть судят меня как *человека науки...*» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Таким образом, «русские ученые» попросту не принимали Миклухо-Маклая в свою среду, ибо для этой среды он действительно был инородным телом, в каком-то смысле «западником».

Фактически Миклухо-Маклаю приходилось вести скрытую борьбу за новое место этнографии в той классификации наук, которая преобладала в российской научной жизни (география \supset этнография²). Так что причина холодного отношения к Миклухо-Маклаю заключается в качестве научной среды, обрекавшей его на почти полное одиночество в России. Его представления об этнографии существенно отличались от представлений соотечественников. Суть дела заключается, во-первых, в том, что в свое время в России он был единственным профессиональным этнографом, во всяком случае единственным ученым, который относился к этнографии как к научной дисциплине, требующей специального образования, а, во-вторых, в том, что его интересы выходили за рамки территорий, принадлежавших России. Безразличие Русского географического общества к материалам Миклухо-Маклая вытекает из особенностей структуры этого учреждения, определявшей отношение к этнографии в целом как к «отделению» географии, не имеющему самостоятельного предмета исследования. Видимо, по этой же причине он не смог найти полного понимания и в Академии наук, в рамках которой интерес к этнографии ограничивался по большей части сбором музейных коллекций. В частности, фундаментальный труд Л.И. Шренка “*Reisen und Forschungen in Amur-Lande*” (1860–1895) по материалам экспедиции по Дальнему Востоку и Амуру, в то время (1879–1894) возглавлявшего Музей антропологии и этнографии, по своей структуре — зоология, этнография, лингвистика, метеорология — укладывается в Устав Географического общества, Отделе-

² Включение этнографии в состав географии в 1845 г. путем создания Отделения этнографии в Русском географическом обществе само по себе было прогрессом, поскольку до того времени этнография в России в дисциплинарном отношении была «бесхозной» наукой, что, конечно, препятствовало систематическому проведению исследований в этой области.

ние этнографии которого было создано также в целях изучения народов «преимущественно России».

Сказанное во многом объясняет, почему труды Миклухо-Маклая не были изданы сразу после его смерти. По воспоминаниям Анучина, ему было совершенно непонятно такое отношение к делу, проявлявшееся в «крайнем пренебрежении», «ледяном равнодушии» со стороны Географического общества к научному наследию Миклухо-Маклая, и это при том огромном интересе, который проявляли к этому изданию многие как в России, так и за границей [Анучин 1923: 14, 15].

Привычным оправданием такого положения дел служит доклад Н.В. Каульбарса, по словам которого рукописи Миклухо-Маклая представляют собой «совершенно сырой, несвязанный материал, неподдающийся обработке без личного участия автора» [Там же: 9]. Вероятно, по этой причине возобладало мнение об «отрывочности и недостаточной обработанности материала», делающих практически невозможным посмертное издание трудов Миклухо-Маклая [Там же: 9–10]. Однако действительная трудность заключалась лишь в «приискании лица», которое согласилось бы взять на себя выполнение этой задачи. По-видимому, в то время было трудно найти ученого, который соответствовал бы по своему рангу Миклухо-Маклаю. Когда Анучин, ученый именно такого уровня, приступил к работе, он мгновенно отбросил поверхностное, а может быть, и предвзятое мнение о записях Миклухо-Маклая. «Просмотрев бегло, — писал он, — присланные мне рукописи, записные книжки, брошюры и рисунки, я убедился, что в них имеется материала на два тома: один, который мог бы быть посвящен Новой Гвинее, и другой, в который могли бы войти путешествия по Малаккскому полуострову, по другим островам Тихого океана и различные, преимущественно антропологические (отчасти и зоологические), наблюдения, собранные главным образом в Австралии» [Там же].

К сожалению, существующие способы обоснования непреходящей ценности этнографических наблюдений Миклухо-Маклая в различных регионах, безусловно, неодинаковых по полноте, страдают односторонностью, поскольку предполагают, что эти наблюдения приобретают какое-либо значение только в контексте упоминаний в чужих работах. Вероятно, Анучин, столь много — и правильно — сделавший для издания трудов Миклухо-Маклая,

ошибался, соглашаясь с людьми, считавшими, что Миклухо-Маклай не обладал способностью сосредоточиваться на определенном «научном задании», довольствовался «предварительными сообщениями», откладывал на будущее «более крупный труд» и т.п. [Там же: 66]. В подтверждение своих слов он ссылается на одно место из биографии Миклухо-Маклая, написанной О. Финшем: «Когда однажды в тесном кругу специалистов в Берлине (1886) зашла речь о Миклухо-Маклае, я оказался единственным его защитником. *Все отдавали должное его путешествиям и наблюдениям*, но все ставили ему в упрек, что в течение пятнадцати лет он не пошел далее предварительных сообщений, и выражали даже сомнение, чтобы при его непостоянстве от него можно было бы ожидать законченного труда» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Или: «Посвятив ряд лет на путешествия в отдаленных областях Меланезии, Малаккского полуострова, Полинезии, Австралии, другой на его месте еще при жизни написал бы несколько книг и тем прочно увековечил бы свое имя, но Н.Н. ограничивался обыкновенно короткими отчетами и заметками, увлекаясь постоянно новыми поездками и новыми объектами для наблюдений» [Там же: 65–66]. Вероятно, с этих пор, чтобы как-то смягчить критику или скепсис в его адрес, «все отдают должное его путешествиям и наблюдениям».

Неудивительно, что еще при жизни Миклухо-Маклая некоторые авторы, вероятно, плохо знающие его работы, ставили ему в заслугу исключительно роль отважного первопроходца. В книге “*Picturesque New Guinea*”, изданной Дж.У. Линдтом в 1887 г., в качестве первооткрывателей (“*first explorers*”) называются Уоллес, Миклухо-Маклай³ и д’Альбертис. Автор отмечает, что Альфред Уоллес, побывавший на Новой Гвинее до Миклухо-Маклая, и Луджи д’Альбертис, совершивший путешествие во внутренние районы Новой Гвинее в 1872 г., внесли заметный вклад в изучение местного населения, несмотря на тот факт, что для обоих сведения этнографического характера носили побочный характер, в основном их интересовала местная фауна, и прежде всего райские птицы. Д’Альбертис попутно делал этнографические наблюдения и приобретал некоторые предметы традиционной культуры. Линдт восторженно писал, что по величине своего вклада в изучение Новой Гви-

³ Данная ссылка на Миклухо-Маклая была недавно обнаружена Т.И. Шаскольской.

неи д'Альбертис превосходит остальных исследователей, поскольку очень близко (*intimately*), как никто до него, познакомился с обычаями местного населения [Lindt 1887: 3]. О Миклухо-Маклае Линдт не нашел что сказать, кроме: «После него (Уоллеса. — П.Б.) прибыл доктор Миклухо-Маклай, в 1871 г. Он жил с туземцами (*natives*) в течение пятнадцати месяцев, подвергаясь самым суровым лишениям и рискуя жизнью ради науки» [Ibid.].

Надо иметь в виду, что книга д'Альбертиса написана в жанре популярных тогда «иллюстрированных путешествий». В предисловии к французскому изданию, между прочим, так и говорится: книга предназначена «любителям путешествий» (“amis des voyages”) [Albertis d' 1883: VII]. В ней содержатся некоторые самые общие этнографические данные. По сути, это дневник, снабженный небольшим числом иллюстраций с изображением орудий, жилищ и предметов культа. Все сведения этнографического характера собраны в специальном разделе «Жители», занимающем 10–12 страниц. Интересная деталь: в то время, когда Миклухо-Маклаем уже была доказана ложность гипотезы о существовании расы «альфуров», д'Альбертис в своей книге рассказывает о встречах с ними [Albertis d' 1880: 216–217]. Даже если ограничиться опубликованными в 1873 г. «Этнологическими заметками о папуасах Берега Маклая», в 80-х гг. XIX в. еще никто не был в состоянии превзойти Миклухо-Маклая в плане создания полновесного этнографического источника, описывающего традиционную культуру населения той или иной части Новой Гвинеи.

Следует также учесть, что, как известно, к 1888 г. Миклухо-Маклай уже подготовил к печати два тома дневников своих путешествий вместе с иллюстрациями к ним. Теперь, когда мы знаем эти дневники по многим изданиям, ясно, что достаточно было опубликовать их сразу после его смерти, чтобы снять все вопросы относительно его вклада в науку, хотя бы потому что это были дневники не натуралиста, мимоходом записывающего любопытные этнографические факты. Это были дневники ученого-этнографа. Даже антропологические факты подаются им сквозь призму этнографического интереса. Чтобы понять значение вклада Миклухо-Маклая в этнографическую науку, надо лишь мысленно перенести в 1888 г. издание Д.М. Анучина 1923 г. или издание А.Б. Пиотровского 1941 г. и сравнить их с книгой д'Альбертиса. Естественно, возникает вопрос: за что Миклухо-Маклай был так наказан своими соотече-

ственниками (а вместе с ним и вся российская этнография), на несколько десятилетий задержавшими издание его дневников?

Итак, именно с мнением Финша связано рождение одного из мифов о Миклухо-Маклае, получивших столь широкое хождение в научных кругах. Как уже отмечено, к числу таковых относятся мифы о беспорядочности его научных интересов и голом эмпиризме, основанном на непонятно откуда взявшемся у него предубеждении к любым теоретическим построениям, с одной стороны, и на слабом знакомстве с современной ему научной литературой — с другой. Распространение подобных мифов мало чем отличается от прямых обвинений в дилетантизме. Этот главный миф о Миклухо-Маклае можно попытаться опровергнуть путем доказательства того факта, что вся научная карьера Миклухо-Маклая вполне целенаправленно кроилась по этнографическим лекалам. Внутренне он абсолютно последовательно двигался в сторону этнографии, постепенно оставляя за собой сначала зоологию, а затем и антропологию.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что при любых трансформациях мнений о Миклухо-Маклае как ученом в них все же сохраняется одно инвариантное свойство. В 1960 г. М.Г. Левин писал: «Составленное им описание хозяйства и материальной культуры папуасов — людей, стоявших тогда на уровне неолитической техники и совершенно не тронутых влиянием европейской “цивилизации”, его наблюдения над их бытом, общественными отношениями, верованиями и *по сей день остаются важнейшим источником по этнографии Новой Гвинеи, непревзойденным во многих разделах образцом этнографического исследования*» (курсив мой. — П.Б.) [Левин 1960: 66]. Спустя несколько десятилетий, в 1999 г., эта формулировка повторяется в работе Д.Д. Тумаркина: «Он тщательно и подробно описал хозяйство и материальную культуру своих темнокожих друзей, их повседневный быт, нравы и обычаи, уделил много внимания их самобытному искусству. Эти материалы и *по сей день остаются важным источником по этнографии Новой Гвинеи, непревзойденным во многих отношениях образцом полевого этнографического исследования*» (курсив мой. — П.Б.) [Тумаркин 1999: 576]. Прообраз рассматриваемого высказывания мы найдем в первом издании трудов Миклухо-Маклая, в предисловии Д.Н. Анучина: «Факт, что со дня смерти путешественника прошло 25–30 лет, что его данные отчасти устарели, не мог служить доводом против издания; многие

из записанных Маклаем наблюдений были собраны над населением, не выдавшим ранее белых, и потому навсегда должны остаться ценными этнографическими материалами» [Анучин 1923: 14, 15].

Примерно такой же позиции придерживался С.А. Токарев, когда оценивал значение этнографических исследований Миклухо-Маклая: «Каков же был вклад Миклухо-Маклая в собственно этнографическую науку? Маклай не был специалистом-этнографом, он был натуралистом, а этнография была для него предметом лишь побочного интереса. Понятно, что его этнографические исследования не могли быть полными и всесторонними. Тем не менее они представляют для этнографии огромную важность» [Токарев 1966: 348]. Важность этих исследований обосновывается опять-таки только его ролью первопроходца, а их неполнота оправдывается тем, что он был «ученым особого склада», для которого «наука была, видимо, лишь одной из форм более глубокой общественной деятельности» [Там же: 346, 348]. Но тогда получается, что Миклухо-Маклай вообще не был ученым. О каком вкладе в этнографическую науку можно говорить, если этнография представляла для него лишь объект побочного интереса?

Впрочем, подобные высказывания, какими бы противоречивыми они ни были, парадоксальным образом аккумулируют интуитивно верное представление: основные научные достижения Миклухо-Маклая связаны с этнографией. Не замечая противоречия собственным словам о том, что Миклухо-Маклай был не специалистом-этнографом, а натуралистом, С.А. Токарев писал: «В сущности именно ради... антрополого-этнографических исследований Маклай выбрал местом экспедиции Новую Гвинею как область, почти незатронутую в то время европейцами» [Там же]. Это именно то, из чего все должно исходить и к чему все должно возвращаться. Ниже приводятся многочисленные факты, доказывающие приоритетность для Миклухо-Маклая этнографических занятий, что позволило ему войти в историю науки как выдающемуся ученому-этнографу, невзирая на множество принадлежащих ему заметных работ по зоологии и антропологии. Вопрос заключается только в одном: с помощью каких аргументов можно «измерить» действительную величину его вклада в этнографию?

Тезис «Миклухо-Маклай не был специалистом-этнографом» не очень корректен с любой точки зрения. Если иметь в виду отсутствие диплома этнографа, то этнография, как известно, стала уни-

верситетской дисциплиной только несколько десятилетий спустя. Если иметь в виду основную сферу деятельности, то систематические занятия этнографией в жизни Миклухо-Маклая всегда оказывались на первом месте, как в «поле», так и в «кабинете». Сожаления современников по поводу того, что он часто отвлекался от науки, — это способ выражения мнения, согласно которому он должен был сосредоточиться исключительно на этнографии.

Зарубежные исследователи, находясь на отдалении от реалий научной жизни в России, прошлой и настоящей, видят в нем только или, во всяком случае, прежде всего этнографа или этнолога. А.Я. Массов, совершенно правомерно поднимая вопрос об изучении «мировоззрения» Миклухо-Маклая, видимо, из соображений научной добросовестности создает еще одно искусственное препятствие на пути решения данной задачи. «Непомерная» трудность усматривается в «многогранности научных интересов» Миклухо-Маклая и «известной противоречивости его взглядов» [Массов 2013: 116]. Безусловно, интересы Миклухо-Маклая лежали в области нескольких дисциплин, но это было обычным явлением той эпохи. Естествоиспытатели брали на себя функции гуманитариев, в первую очередь в области этнографии, поскольку в их представлении этнографические факты подпадали под понятие естественной истории. Так, до сих пор никого не ставила в тупик многогранность интересов Р. Вирхова, Л. Шренка или Д.Н. Анучина. Что же касается противоречивости его взглядов, то откуда это может быть нам известно, если, по авторитетному мнению Д.Д. Тумаркина (см. выше), он «воздерживался от добавления к личным наблюдениям каких бы то ни было догадок и гипотез»? Также вызывает сомнение идея изучения наследия Миклухо-Маклая коллективом специалистов «в различных областях естественно-научного знания и социально-политических учений» [Там же]. Напротив, принцип научности диктует, что представители каждой науки из «маклаевского списка», например, зоологи или этнографы, должны проводить свои исследования в этом направлении независимо друг от друга.

Когда Миклухо-Маклай упоминал о своем намерении написать некий итоговый труд, он говорил именно об этнографии. В 1882 г., показывая журналисту, бравшему у него интервью, «одну из своих бесчисленных записных книжек», Миклухо-Маклай заметил: «Разобраться в этих записках только я могу... они представляют собою пока как бы “оглавление” — программу того, что я хочу

издать» [Миклухо-Маклай V: 541]. В конце разговора, касаясь своих коллекций, он сказал: «Эти коллекции — тоже “программа“, и без нее как без рук» [Там же]. Конечно, ему не удалось заполнить все ячейки несомненно существовавшей в его сознании общей схемы или, как он сам это называл, «оглавления», «программы». Но это не означает, что ее воссоздание является неразрешимой, тем более ненужной, задачей. При составлении по материалам Миклухо-Маклая задуманной им книги по этнографии (это понятно из контекста) нетрудно добиться монографичности именно благодаря цельности его природы и непрерывности развития его научных интересов. Вероятно, надо лишь правильно сложить отдельные труды, в той или иной форме опубликованные им при жизни, пользуясь при этом многочисленными подсказками в рукописях, лекциях, чтениях, письмах и газетных отчетах.

Безусловно, тезис о крупнейшем вкладе Миклухо-Маклая в этнографию нельзя принимать как нечто само собой разумеющееся, естественным образом вытекающее из величия его исторической личности. Е.В. Ревуненкова, видимо, права, отмечая, что некоторые результаты его деятельности утратили «полемическую остроту» с точки зрения истории науки [Ревуненкова 1992: 16, 19]. Однако помимо *истории науки* существует более тонкий инструмент познания самой науки, а именно — *философия науки*, когда система взглядов того или иного ученого рассматривается не диахронически, а синхронически. В частности, работа Миклухо-Маклая «Этнологическая экскурсия в Йохор» не может быть показателем утраты научной значимости результатов его научной деятельности. В данном случае перед ним стояла задача сбора первичных сведений по району, до того времени представлявшему собой белое пятно на карте антропологических исследований «папуасской расы». Вообще Миклухо-Маклай четко ранжировал свои публикации по степени полноты и обработки информации. Термин «этнологическая экскурсия» указывает на то, что сведения, содержащиеся в упомянутой работе, носят чисто ознакомительный характер и не рассматриваются автором в качестве научного труда в строгом смысле слова.

Миклухо-Маклай жил и работал в эпоху, когда процесс взаимного выделения предметов этнографии и физической антропологии, с одной стороны, физической антропологии и сравнительной анатомии — с другой, еще не завершился. В формулировке Дж. Стокинга, во времена, когда Миклухо-Маклай начинал свои исследова-

ния, в континентальной Европе под словом «антропология» понималось изучение физических характеристик людей *такое, что* «этнологические» факты интерпретировались сквозь призму «расовых» различий [Stocking 1991: 17]. Кроме того, были распространены теории, которые в терминах современной науки почти не интерпретируются. Это та ситуация, в которой, по словам Т. Куна, историкам науки, придерживающимся кумулятивной модели развития, становится трудно отличить «научное» содержание соответствующих теорий от «ошибок» или «предрассудков» [Кун 1975: 17–18].

В противовес историко-научному (скорее «биографическому») подходу, который преобладает в изучении наследия Миклухо-Маклая, философско-научный подход необходимым образом связан с измерением вклада ученых на фоне тех эпох, в которых они жили и работали. Здесь хронологический учет событий отступает на второй план.

«Постепенно, и часто до конца не осознавая этого, — писал Т. Кун, — историки науки начали ставить вопросы иного плана и проследивать другие направления в развитии науки, причем эти направления часто отклоняются от кумулятивной модели развития. Они не столько стремятся отыскать в прежней науке непреходящие (sic!) элементы, которые сохранились до современности, сколько пытаются вскрыть историческую целостность этой науки в тот период, когда она существовала. Их интересует, например, не вопрос об отношении воззрений Галилея к современным научным положениям, а скорее отношение между его идеями и идеями его научного сообщества, т.е. его учителями, современниками и его непосредственными преемниками в истории науки. Более того, они настаивают на изучении мнений этого и других подобных сообществ с точки зрения (обычно весьма отличающейся от точки зрения современной науки), признающей за этими воззрениями максимальную внутреннюю согласованность и максимальную возможность соответствия природе» [Там же: 18–19]. Таким образом, каждый работающий ученый стремится внести вклад в общие усилия современного ему научного сообщества, и лишь в том случае, когда ему удастся сделать что-то неординарное, мы говорим о его влиянии на последующие поколения ученых.

Под таким углом зрения предметом исследования становится сама модель истории науки. Если кумулятивную модель поиска

«непреходящих элементов» заменить исследованием схем взаимодействия элементов в системе взглядов Миклухо-Маклая, его многочисленные «увлечения» окажутся подчиненными одной цели, сойдутся в одной «бесконечно удаленной точке». Суть дела, видимо, в том, что у Миклухо-Маклая процесс построения самого себя как субъекта исследования физической антропологии и этнографии совпадал с процессом выделения («создания») предметов этих наук, которые до его появления на этом поприще находились в зачаточном состоянии как с точки зрения эмпирического базиса, так и с точки зрения теоретического осмысления. Параллельно с проведением масштабных экспедиций («экскурсий») он вел огромную работу парадигмального характера, реализующуюся в отчетах и научной переписке и де-факто объединявшую ученых Англии, Германии и России. На этом фоне Миклухо-Маклай объективно выступает крупнейшим созидателем этнографии как особой дисциплины. В те годы ему не было равных по обширности полевых исследований, а общая масса собранных им материалов была настолько велика и преподносилась в такой форме, что ученые, с которыми он вступал в контакт по тем или иным вопросам, помимо своей воли могли оказываться в сфере притяжения его, подчеркнем, теоретических интересов, а не наоборот.

Миклухо-Маклай никогда не был пассивным потребителем чужих идей. К своим идеям, к которым *не могли не* прислушиваться (или *могли и не* прислушиваться) авторитеты того времени, он приходил в процессе критического осмысления всего существующего корпуса знаний и постановки бесчисленных экспериментов, тестируя существующие теории. Результаты этих экспериментов он систематически докладывал научному сообществу. Другой вопрос — реальная степень его влияния на современную ему ситуацию. Но это уже зависело не только от него, но и от воспринимающей стороны. Дело в том, что, вероятно, так называемый пик цитируемости Миклухо-Маклая приходится не на ту эпоху, в которую он жил и работал. Мы высказываем эту идею в порядке предположения, ибо индекс цитируемости работ Миклухо-Маклая при его жизни и в первые два-три десятилетия после его смерти никогда не изучался.

При непредвзятом взгляде, например, в работах некоторых зарубежных исследователей личность Миклухо-Маклая прочно ассоциируется с эпохой первотворения современной этнографии (этно-

логии, антропологии): «героическая эпоха этнологии» или «эпоха Сновидений в антропологии». Первооткрывателем Миклухо-Маклая в качестве «первопредка» этнографии был не кто иной, как Малиновский. В своих полевых дневниках он называет Миклухо-Маклая исследователем «нового типа» [Malinowski 1985: 161]. Что он имел в виду конкретно, не раскрывается, но можно предположить, исходя из некоторых более поздних его высказываний, что речь идет о том, что полевая этнографическая работа Миклухо-Маклая в качестве «решающего эксперимента» была одним из тех событий, которые положили конец эпохе «филологического засилья» (“philological dominance”) в этнологии, пользуясь терминологией одного из западных исследователей (см.: [Urry 1984: 84]).

При «включенном наблюдении», казалось бы, неупорядоченное множество высказываний Миклухо-Маклая довольно легко обнаруживает некий строгий порядок, единую схему взаимодействия. Для того чтобы *увидеть* это, его научное наследие надо изучать как бы в «инфракрасном» свете, когда становятся видны связи между, на первый взгляд, изолированными высказываниями. Надо заметить, в этом плане совершенно неисследованными остаются два вида источников — выписки Миклухо-Маклая при чтении книг или просто пометки на полях и, главное, письма, адресованные самому Миклухо-Маклаю. Однако даже если пользоваться только ранее опубликованными источниками, возможно воссоздать карту теоретического мира Миклухо-Маклая вполне документальным образом. Поставив перед собой такую задачу, начинать следует, что называется, с азов.

* * *

В своих первых путешествиях, будучи по своему *modus vivendi* еще, если можно так выразиться, «правоверным» зоологом, Миклухо-Маклай сделал для себя одно «печальное открытие», которое подстегивало его и одновременно оказывало на него парализующее воздействие. Это открытие состояло в осознании своих на тот момент беспорядочных, недостаточных знаний [Миклухо-Маклай V: 35]. Вместе с тем он замечает в себе способность видеть «многое из того, что другие тоже видели, но не заметили или не захотели увидеть» [Там же]. «Мне, — писал он Антону Дорну 8 мая 1869 г., — всегда бросалось в глаза, что знаменитые путешественники Ливингстон, Бейкер, Спик, Грант, Рольфс, Маух и т.д. обладали *столь незначительным научным образованием* и что они так добродушно

этого совсем не замечали. Именно такое впечатление я получил при чтении этих книг. Я сожалею об этих хороших людях, но прежде всего о себе самом, *как-нибудь надо пытаться себе помочь*» (курсив мой. — П.Б.) [Там же].

Без этого прозрения не было бы Миклухо-Маклая как «человека науки». Избрав своим главным методом наблюдение, вооруженное систематическими познаниями в данной области исследований, Миклухо-Маклай неотступно следовал ему в дальнейшем. Мнение о нем как о личности, чрезмерно увлекавшейся путешествиями и сбором эмпирических материалов в ущерб собственно научной стороне дела, совершенно несправедливо. Напротив, всю свою сознательную научную жизнь он старался как можно дальше отойти от образа «путешественника» или «коллектора» и в подходящих случаях не уставал это подчеркивать.

Его, на первый взгляд, необычайно рассеянная деятельность должна рассматриваться как вполне эффективная форма профессионального овладения предметами физической антропологии и этнологии в ту пору, когда они только выделялись. Его «университеты» совпадали с процессом создания/становления этих наук. Можно сказать и так: поскольку в то время было невозможно получить этнологическое образование, Миклухо-Маклай сам дал себе это образование. Фактически он первым пришел к мысли, что для того, чтобы заниматься этнологией, необходимо иметь соответствующее образование или, если угодно, «лицензию» на проведение этнологических исследований.

По-прежнему остается почти неизученным феномен переключения профессионального «гештальта» Миклухо-Маклая на рубеже 1860—1870-х годов. До определенного момента он, что называется, чистой воды зоолог, посвятивший себя изучению исключительно низших животных (губок). И вдруг — резкий поворот в направлении к (физической) антропологии и... этнографии. С другой стороны — переключение внимания с северных районов на южные районы Тихого океана, а именно на Новую Гвинею. По предположению Д.Д. Тумаркина, поставить в центр исследований Новую Гвинею Миклухо-Маклая побудила статья А. Петерманна «Новая Гвинея. Немецкие призывы от антиподов», вышедшая в ноябре 1869 г., в которой исследование Новой Гвинеи рассматривалось как «один из наиболее актуальных вопросов географии» [Тумаркин 2011: 121]. Однако этим можно было бы объяснить первопроходческий пыл

Миклухо-Маклая по отношению к Новой Гвинее, но никак не перенос силы тяжести исследований с зоологии на антропологию и этнографию, который в конце концов и привел его на Новую Гвинею. Как можно думать, последовательность смены интересов была именно такова.

По мнению Н.Н. Воробьева, экспедиционный опыт изучения человеческой культуры Миклухо-Маклай приобрел во время путешествия по арабским странам в 1869 г., где он даже использовал метод включенного наблюдения, выдавая себя за «местного араба» [Воробьев 1997: 13, 16]. Кажется, это был единственный реальный случай применения данного метода в истории этнографии. Однако осознание ошибок, совершенных при знакомстве с арабской культурой, вероятно, в немалой степени помогло ему в общении с местными жителями на Новой Гвинее, доверие которых он вызывал соблюдением определенной дистанции.

Логично думать, что уже в процессе складывания научных интересов Миклухо-Маклая становятся видны очертания его будущего вклада в развитие науки. Помимо прямых высказываний, следует учитывать общий рисунок его путешествий и трудов, неважно, опубликованных или не опубликованных при его жизни. Текст, помещенный в шеститомном собрании сочинений под более поздним заглавием «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований», в первоначальном варианте назывался «Почему я избрал исходом моего путешествия на острова Тихого океана Новую Гвинею?». Это точнее отражает общее направление исканий Миклухо-Маклая в переломный момент его научной карьеры. Тем более что рукопись датируется мартом 1871 г., т.е. временем плавания к Новой Гвинее на «Витязе», и характеризуется автором как «пояснительная заметка» [Миклухо-Маклай III: 350–351].

Этот документ открывается следующими словами:

«Мне кажется, что мне следует прежде всего сказать, *почему* я избрал о. Новую Гвинею целью моего путешествия и моих исследований. Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т.е. в состоянии, в котором люди низших рас жили и живут *до* более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и т.п.). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком

короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т.д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны еще такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейскою цивилизациею с каждым годом исчезают.

Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель — *исследование первобытных народов* — мне казалась достойною посвятить ей несколько лет жизни» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 6].

Таким образом, уже тогда своей главной целью Миклухо-Маклай ставил исследование первобытных народов. А поскольку в то время найти, как он пишет дальше, «первобытные племена людей вне влияния *других, поднявшихся на сравнительно высшую степень цивилизации*», можно было уже только на островах Меланезии как «менее известных, чем остальные» острова Тихого океана, и поскольку «между последними Новая Гвинея по своей величине и по своей неизвестности играет первую роль», этот остров и стал «исходной станцией» его путешествия [Там же: 6–7, 8]. При составлении мнения о Новой Гвинее как наименее изученной географической области Миклухо-Маклай, если следовать его примечаниям, пользовался книгами О. Финша, Д.Б. Юкса, А.Р. Уоллеса, К. Бэра. Статья Петерманна, о которой говорилось выше, не упоминается. Во всяком случае, дается только общая ссылка на издание “*Petermann’s Geographische Mitteilungen*” 1869 г. в связи с тем, что там была помещена карта Новой Гвинее. Видимо, основным ориентиром для Миклухо-Маклая в тот период служило отсутствие ясности в вопросе «антропологического положения» папуасской расы среди других рас данного региона [Там же: 7, 8].

В рассматриваемой записке, несомненно предназначавшейся членам РГО, в общих чертах вырисовываются общие контуры того, что в будущем можно будет считать основным результатом исследований Миклухо-Маклая. Он подчеркивает «важное антропологическое и этнографическое значение» Новой Гвинее и в то же время настаивает на второстепенном для него характере исследований в области зоологии и географии: «Не занимаясь по зоологии систе-

матикою и не имея наклонности к собиранию коллекций, интересных зоологу и географу, задачи Валласа (Уоллеса. — П.Б.) не могли руководить моим путешествием» [Там же: 8, 9]. Таким образом, уже в этот период зоология и география решительно отодвигаются на задний план, уступая основное место антропологии и этнографии, а внутри отношения «антропология — этнография» отдается предпочтение именно этнографии — «исследованию первобытных народов». В свою очередь Новая Гвинея становится полем исследования именно потому, что, на взгляд Миклухо-Маклая, только там можно было найти «первобытные племена людей», не затронутые другими «племенами», «поднявшимися на сравнительно высшую степень цивилизации».

До того момента, когда Миклухо-Маклай оказался на борту «Витязя» на пути к островам южной части Тихого океана, он в силу различных причин, видимо, не решался расставить акценты с такой определенностью. С одной стороны, он, как и любой ученый, не всегда отдавал себе полный отчет в движении своих научных интересов, с другой — не все его планы могли быть благосклонно приняты членами РГО, без поддержки которого его путешествие, вероятно, никогда бы не осуществилось, по крайней мере, в тех масштабах, о которых он мечтал.

27 сентября 1869 г., в самом начале подготовки экспедиции на острова Тихого океана, в своем первом обращении к секретарю РГО Ф.Р. Остен-Сакену он дает себе рекомендацию в качестве ученого, занимающегося «специально зоологиею и сравнительной анатомиею», причем весьма дипломатично подчеркивает, что его научные интересы «после зоологии ближе всего касаются географии» [Миклухо-Маклай V: 41]. Тему своей исключительной преданности интересам РГО он развивает следующим образом: «Как сравнительный анатом, прежде всего буду изучать организацию животных, мало исследованных, буду заниматься их географическим распределением — отрасль знания, которая всего более тесно связывается с изучением организации, объясняя одна другую, так как один и тот же организм, смотря по местности, среде, в которой живет, так изменяется, что его можно принять, не зная его географического распространения и не следя за постепенным изменением формы и организации, за совершенно другой вид и даже род. Так что положение, что невозможно изучать одной фауны, не изучая и соседних, делается одним из самых основных положений географии животных, и вме-

сте с тем география животных все более и более зависит от самых тонких анатомических исследований» [Там же: 42].

В виде решающего аргумента он приводит собственные результаты обработки материалов, хранящихся в «Музее Академии наук» и посвященных фауне «северных частей Восточного океана». «Эти результаты, — пишет он, — и другие соображения (какие? — П.Б.) меня окончательно убедили избрать полем моих будущих исследований Восточный океан, *не ограничиваясь, однако же, его только северными частями*. Свободным от специальных занятий временем намерен я воспользоваться для *разрешения, по возможности, разных антропологических и этнографических вопросов*» (курсив и подчеркивание мои. — П.Б.) [Там же]. Таким образом, добываясь от РГО предоставления ему помощи в переезде на военном судне «на какой-нибудь пункт Тихого океана» (курсив мой. — П.Б.), Миклухо-Маклай свои зоологические интересы прикрывает их возможной географической значимостью («география животных»), а свой интерес именно к южным районам Тихого океана — невозможностью исследования фауны северных районов без сравнения с фауной южных районов [Там же: 42–43]. И еще два «поклона» — обещание совершить обратное путешествие через Амурский край и Сибирь в связи с проведением «какого-либо исследования» и объявление о намерении отдавать приоритет тем вопросам, которые РГО найдет нужным поставить [Там же].

По-своему знаменательна заключительная часть. «Мне желательно было бы определительного ответа, — писал Миклухо-Маклай, — так как, сообразно с сим, я имею в виду распределить мои занятия и работы в этом году, употребив его на приготовление к путешествию и к постановке разных, сюда касающихся вопросов *по антропологии и этнографии*, и посоветоваться с разными по этой части специалистами» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Как известно, 28 октября 1869 г. Совет РГО постановил: «Просить вице-председателя войти в сношение с Морским ведомством касательно доставления г. Маклаю возможности воспользоваться отправлением наших военных судов в Тихий океан для совершения путешествия туда и обратно» [Там же: 588].

Это событие проливает дополнительный свет на то обстоятельство, что, как пишет Д.Д. Тумаркин, «параллельно» с работой над монографией «Материалы по сравнительной неврологии позвоночных» Миклухо-Маклай «принимается усиленно штудировать лите-

ратуру об Австралии и Океании» и почему у него именно в это время (1869–1870) появляется записная книжка “Ethnologia” со списком прочитанных книг, в числе которых книги «этнолога Т. Вайца» и «антрополога Дж.К. Причарда» [Тумаркин 2011: 120–121]⁴. Неизвестно, с какой степенью точности Миклухо-Маклай определил конечный («исходный») пункт своего будущего путешествия — Новую Гвинею — на момент первого обращения в РГО. Пока можно сказать, что процесс конкретизации *места исследований* на географической карте совпадал, т.е. действительно шел параллельно с процессом определения *предмета исследований*. Одно определяло другое по формуле «Новая Гвинея = этнография».

С интересующей нас точки зрения записная книга Миклухо-Маклая “Ethnologia” стоит того, чтобы заглянуть в нее, не ограничиваясь фиксацией факта ее существования и даже публикацией содержащихся в ней рисунков или текстов *в отдельности*, ибо при таком подходе из поля зрения она практически выпадает как целое, т.е. игнорируется тот факт, что изначально эта записная книга служила Миклухо-Маклаю тетрадью для конспектов книг, по которым он изучал дисциплины этнографии и антропологии. В рамках экспедиционной деятельности на Новой Гвинее она использовалась уже как тетрадь для полевых записей.

Внешне эта книга представляет собой тетрадь в коленкоровом переплете. На обложке наклеен прямоугольный листок с обрезанными уголками. На нем рукописная надпись: “№ 12 Ethnologia” (номера записным книгам были даны, скорее всего, не ранее начала 1880-х годов, после того как Миклухо-Маклай вернулся в Санкт-Петербург). На форзаце надпись на немецком языке: “Inhalt: 1.) Völker Australien’s und d. Südsee”. На титульном листе внизу указана дата «1869/1870», выше — две надписи, расположенные по диагонали: “Ethnologie” и “N.M. Macclay”. Таким образом, Миклухо-Маклай собственноручно фиксирует очень раннее происхождение его интереса к этнологии, и именно этнологии Австралии и стран Южных морей.

Внутреннее пространство этого документа было заранее организовано с помощью вклеенных закладок с латинскими названиями рубрик: “Australia u. Oceania”, “N.-Guinea”, “Asia”, “Africa”, “America”, “Europa”, “Homo antehistoricus” [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12]. Две рубрики — “N.-Guinea” и “Homo antehistoricus” — исходя

⁴ Скорее, наоборот, Вайц был антропологом, а Причард — этнологом.

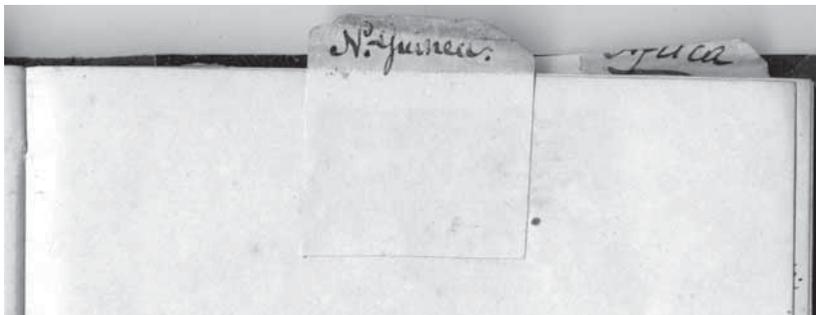

Рис. 1. Страница в тетради “Ethnologia”
с наклеенной сверху закладкой “N.-Guinea”

из принципа деления, выпадают из ряда обозначений частей света (рис. 1). Следовательно, вполне конкретная по своей «этнографичности» пара «Новая Гвинея — доисторический человек» в сознании Миклухо-Маклая была выделена еще до появления самой записной книжки, которое принято датировать 1869 г.

Судя по записям, Миклухо-Маклай пользовался этой записной книжкой на протяжении всех своих путешествий, совершенных до 1882 г. В этой же записной книжке помещены тексты некоторых заметок с соответствующими рисунками, которые он посылал в разное время для публикации: «Папуасы берега Маклая в заливе Astrolabe в Новой Гвинее», «Волосы папуасов», «Деревни папуасов береговых в заливе Астролаб», «Посуда и утварь», «Музыкальные инструменты Папуасов», «Об употреблении напитка Кэу папуасами Берега Маклая в Н. Гвинее», «Еще об некоторых этнологически важных обычаях папуасов Берега Маклая в Н. Гвинее» [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 16–19 об., 20, 21–25 об., 27 об., 28 об.—32].

В начале помещен список книг (рис. 2), из которых Миклухо-Маклай делал выписки⁵:

«1. Wallace A.R. Der Malayische Archipel. Die Heimath des Orang-Utan und des Paradiesvogels: Reiseerlebnisse und Studien über Land und Leute. Autorisirte deutsche Ausgabe von Adolf Bernhard Meyer. Bd. 1. Braunschweig, 1869.

⁵ В оригинале названия книг и выходные данные представлены в сокращенном виде. Здесь и ниже даются полные выходные данные книг, упоминаемых в тетради “Ethnologia”.

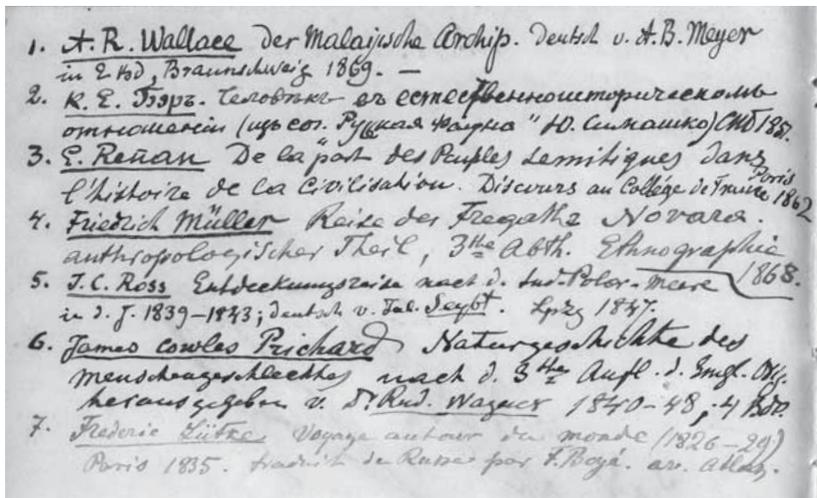

Рис. 2. Страница тетради “Ethnologia” со списком книг,
из которых Миклухо-Маклай делал выписки

2. Бэр К.Е. Человек в естественно-историческом отношении. СПб., 1851.

3. Renan E. De la part des Peuples Semitique dans l'histoire de la civilisation. Discours on College de France. Paris, 1862.

4. Müller Fr. Reise der Österreichischen Fregatte Novara um die Erde in den Jahren 1857, 1858, 1859. Anthropologischer Theil. Dritte Abtheilung. Ethnographie. Wien, 1868.

5. Ross J.C. Entdeckungsreise nach dem Sud-Polar-Meere in den Jahren 1839—1843. Deutsche von Julius Seybt. Leipzig, 1847⁶.

6. Prichard J.C. Naturgeschichte des Menschengeschlechtes. Nach der dritten Auflage des englischen Originals mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegebenen von Dr. Rudolf Wagner und Dr. I.G. Friedrich Will. 4 bd. Leipzig, 1840—1848.

7. Lütke Fr. Voyage autour du Monde exécuté par ordre de Sa Majesté l'Impereur Nicolas 1er sur la corvette Seniavine dans les années 1826, 1827, 1828 et 1829. Tome 1—3. Paris, 1835»

[АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об.].

⁶ В оригинале значится 1848 г. издания. По-видимому, записи делались по памяти. Можно привести другие примеры, когда Миклухо-Маклай при указании дат путал четные и нечетные числа.

Данный список довольно много может сказать о схеме, по которой Миклухо-Маклай как исследователь «собирал» самого себя. Наличие в этом списке книги Росса издания 1847 г., кажется, свидетельствует о том моменте, когда он чуть было не стал участником полярной экспедиции. Поскольку это кратковременное увлечение возникло и угасло в 1868 г., само появление записной книги “Ethnologia” можно предположительно датировать именно 1868 г. Не противоречит этому и само название “Ethnologia”, взятое из итальянского языка. Оно тоже указывает на 1868 г., как раз в это время Миклухо-Маклай путешествовал и занимался исследовательской деятельностью в Италии.

Книга Ренана отражает попытки Миклухо-Маклая заниматься непосредственно этнографией во время «научной экскурсии» в бассейне Красного моря (см.: [Тумаркин 2011: 98–99]). Внимание к этнографии «Южных морей» проявляется в чтении книги Уоллеса, который интересовался не только зоологией, но и этнологией. Разделы, относящиеся к ведомству этнографии, можно найти и в книге Росса, и в книге Бэра, причем в обоих случаях факты подаются с явно эволюционистских позиций [Ross 1847: 375; Бэр 1851: 81–84].

Вероятно, дополнительным импульсом к занятиям этнографией для Миклухо-Маклая стала книга Фридриха Мюллера, в которой он особо выделил этнографическую часть “Ethnographie” [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 6]. В ней дается не только описание групп народов, интересовавших Миклухо-Маклая (Australier, Papua’s, Malayen), но и теоретический очерк этнографии (“Die Ethnographie oder Ethnologie”) с определением предмета и задач исследования (отдельно от антропологии). По-видимому, особое место в системе взглядов Миклухо-Маклая занимала книга Причарда, определявшего этнологию как науку, изучающую историю наций («естественную историю человека») при использовании описания физических особенностей различных человеческих групп в качестве обязательной преамбулы этнологического исследования. К этому следует добавить ассоциированность представления об «этнографических явлениях» (“Ethnographische Züge”), например таких, как брачные обычаи, общественное устройство или ритуальные установления, с понятием «моральное состояние» (“Moralischer Zustand”) в значении «положение, уровень, стадия развития» [Prichard 1848: 280–281]. Такой смешанный «антрополого-этнографический» подход в соответствии с существовавшими тогда представлениями (см. выше за-

мечание Дж. Стокинга) весьма характерен для начальной стадии исследований Миклухо-Маклая.

Помимо выписок из книг, упомянутых в «оглавлении», есть выписки из других книг, с которыми Миклухо-Маклай мог ознакомиться как в период подготовки первой экспедиции, так и во время или между последующими путешествиями. К числу первых, вероятно, можно отнести книгу Карла Земпера (C. Semper) “Die Philippinen und ihre Bewohner” (Würzburg, 1869), Теодора Вайца “Die Indian N. Am. Leip[zig] 65” [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 15, 37, 40]⁷. В этом же ряду, вероятно, стоит и работа Джеймса Лоу (Low) “The Semang and Sakai Tribes of the Malay Peninsula”, опубликованная в “Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia” (1850. Vol. IV. P. 424–432), а также работа Джона Крофорда (Crawford) “Dictionary of the Indian Islands & Adjacent countries” (London, 1856)⁸ [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 34, 35]. Последним по времени возможного ознакомления является сообщение Александра Форреста (A. Forrest) “Expedition durch Nordwest-Australien 1879”, помещенное в периодическом издании “Dr. A. Petermann’s Mittheilungen” (1881. 27 Bd. S. 121–129) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 32 об.]. По своему содержанию выписки касаются расовой классификации населения Юго-Восточной Азии, Индонезии, Меланезии, Полинезии и Австралии (Уоллес, Бэр, Мюллер, Причард) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об.–5, 6, 14].

В восьмой главе четвертого тома книги Причарда описываются «черные нации в Океании». В ней есть разделы, посвященные папуасам Новой Гвинеи и так называемым альфурам (см. подробнее следующий раздел настоящего издания) [Prichard 1848: 223–270]. В том, что касается сугубо этнографической информации, Миклухо-Маклая особенно интересовали описания религиозных представлений. Так при чтении книги Ренана он останавливается на религии [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 38–38 об.]. В разделе «Доисторический человек» примечательна по своему историческому кон-

⁷ Выписка на небольшой вклейке. Видимо, имеется в виду 4-й том «Антропологии» Вайца: *Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Vierter Theil. Die Amerikaner. Ethnographisch und culturhistorisch dargestellt. Zweite hälfte.* Leipzig, 1864.

⁸ У Миклухо-Маклая запись такова: «Саманги Малайского полуострова. John Crawford. A descriptive Dictionary of the Indian Islands. 1856» (в орфографии оригинала. — П.Б.).

тексту ссылка на работу Освальда Хеера (Heer) “Die Pflanzen der Pfahlbauten” (см.: An die Zürcherische Jugend. Zürich, 1866. LXVIII Stück. S. 1–54), посвященную злаковым растениям, использовавшимся носителями свайной культуры на территории Европы. Миклухо-Маклая интересовала датировка злаковых: три-четыре или шесть-семь тысяч лет [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 40]. Этот факт хорошо соотносится с наличием ссылок на книгу Бэра «Человек в естественно-историческом отношении», показывая, каким сложным образом формировался круг научных интересов Миклухо-Маклая.

В целом штудирование книг, упомянутых в тетради “Ethnologia”, равносильно, говоря современным языком, прослушиванию университетского курса по этнографии со специализацией на изучении культуры народов Австралии и Океании, в рамках которой основной темой избирается культура коренного населения Новой Гвинеи. При этом мы отдаем себе отчет, что записная книга “Ethnologia”⁹ не в полной мере отражает систему самообразования Миклухо-Маклая. Скажем, трудно предположить, что, зная работу Джеймса Лоу по семангам и сакаям (сеноям) Малакки, он не заинтересовался работой Г.У. Эрла (Earl) “On the leading characteristics of the Papuan, Australian, and Malaya-Polynesian Nation” или работой Дж.Р. Логана “The Ethnology of the Indian Archipelago: Embracing Enquiries into the continental Relations of the Indo-Pacific Islands”, которые находятся в том же томе журнала “The Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia” [Earl 1850: 1–10; Logan 1850: 252–347]. Кроме того, если первоначально те или иные книги использовались для выписок в качестве учебных пособий, то впоследствии, когда записная книга “Ethnologia” превратилась в тетрадь для полевых записей и черновиков статей, названия книг стали возникать уже в качестве сносок. Например: Christmann Fr., Oberländer R. Ozeanien, die Inseln der Südsee. Leipzig, 1873. Einleitung, pag. XIX (к заметке «Об употреблении напитка кэу у папуасов Берега Маклая в Новой Гвинее», отосланной в «Известия РГО» 22 ноября 1873 г.) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 28 об.]. Еще одно напоминание о том, что Миклухо-Маклай во время своих путешествий не был изолирован от европейского научного сообщества. Заметка «Об употреблении напитка кэу» была написана в 1873 г. в Бюйтенцорге около Батавии.

⁹ Слово написано по правилам немецкой орфографии: вместо «t» — сочетание «th».

Но пока велась кропотливая работа, связанная с самообразованием в области этнографического знания, Миклухо-Маклай продолжал вести переписку с Остен-Сакеном, если так можно выразиться, не раскрывая полностью своих географических карт. В письме, посланном из Йены 1 марта 1870 г., на первое место по-прежнему выдвигается принцип «научности»: сначала познакомиться с фауной «целой области» (фауной Тихого океана в целом), а потом только перейти к «одной специальной провинции» (фауне северной части Тихого океана) [Миклухо-Маклай V: 46]. Отвечая на это, Остен-Сакен ссылается на устав РГО [Там же: 590]. Миклухо-Маклай продолжает настаивать, заверяя, что отнюдь не отодвигает на второй план исследование северных частей Тихого океана: «Напротив — я положительно очень интересуюсь тою местностью и хочу *по возможности* (курсив мой. — П.Б.) ее исследовать» [Там же: 46]. Однако ради того, чтобы попасть в южные районы Тихого океана, Миклухо-Маклай готов пожертвовать денежной помощью РГО в том случае, если ее получение, как он выражается, пойдет наперекор разрешению его научных задач [Там же].

И все же для того, чтобы лишний показать свою лояльность интересам РГО, 2 марта он присылает в Отделение физической географии свою статью о губках северной части Тихого океана и Северного Ледовитого океана. Сделанные в ней выводы он трактует как свидетельство необходимости проводить широкие сравнения при изучении полиморфизма одного и того же животного вида под влиянием географической среды: «Между тем Охотское и Берингово море составляют *только* (курсив мой. — П.Б.) северные области Тихого океана, и губки, о которых здесь идет речь, имеют своих близких родственников, быть может, под экватором, где они проявляются, вероятно, под иными формами» [Там же: 48–49, 591].

В письме Остен-Сакену от 20 апреля 1870 г. Миклухо-Маклай сообщает о поездке в Лондон, указывая, что целью является знакомство с разными учеными и музеями [Там же: 52–53]. В Лондоне он ведет переговоры о получении открытого письма ко всем консулам на островах Тихого океана [Там же: 52]. Позже, уже по возвращении в Йену, в своем письме от 15 мая 1870 г. он обращается к Томасу Гексли с просьбой достать рекомендательные письма в Сидней, Мельбурн и Новую Зеландию [Там же: 57]. Из этого письма, а также из приложенного к письму меморандума в адрес президента Лон-

донского географического общества Родерика Мэрчисона видно, что постановка задачи остается прежней. «Мне было бы очень приятно, — пишет Миклухо-Маклай, — если бы Вы сказали сэру Р. Мэрчисону несколько веских слов о важности *зоологических исследований в Южном море* и при этом отметили, что я не совсем неспособный человек для таких исследований» (курсив мой. — П.Б.) [Там же].

В меморандуме, ссылаясь на то, что зоология является его специальностью, он ставит на первое место «изыскания зоологические, главным образом по сравнительной анатомии простейших животных»; заниматься географией животных, антропологией и этнографией он предполагает только в том случае, «если позволит время» [Там же: 58]. Примечательна одна оговорка: «В меморандуме я специально не написал ничего определенного о том, какие острова Тихого океана я буду изучать, так как сам этого еще не знаю и узнаю только на месте» [Там же: 57–58]. Таким образом, как и в письмах в РГО, речь идет в первую очередь о зоологии и островах, находящихся «под экватором» в целом. В этот момент Миклухо-Маклай еще не знает (или, напротив, хорошо знает?), где будет его «исходная станция».

В эпистолярном наследии Миклухо-Маклая формальные признаки постепенного («параллельного») складывания именно этнографического интереса и именно к Новой Гвинее впервые прослеживаются в переписке с Георгом Герландом. В письме, предположительно датированном маем 1870 г., Миклухо-Маклай обращается к Герланду с такими словами:

«Путешествие, которое я собираюсь предпринять в ближайшие годы и в которое я отправляюсь в сентябре этого года, а также большой интерес, с которым я читал Вашу книгу (2-я часть V тома “*Anthropologie*” Вайца), побуждают меня обратиться к Вам со следующей просьбой и вопросом.

При изучении *обширной, но, с другой стороны, недостаточной литературы об островах Южных морей* у Вас, вероятно, возникали многие вопросы, ответов на которые Вы у авторов не находили. У Вас могли также возникнуть отдельные пожелания, касающиеся вопросов антропологии и этнографии, подлежащих исследованию ученых-путешественников» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 58].

Упоминание Миклухо-Маклаем труда Герланда крайне важно для понимания научного «символа веры» русского ученого. Речь идет о книге Герланда “Die Micronesier und nordwestlichen Polinesier. Ethnographisch und culturhistorisch dargestellt” (1870). Эта книга не упоминается в записной книжке “Ethnologia”, но является второй частью (Zweite Abteilung) пятого тома “Anthropologie der Naturvölker” Теодора Вайца, вышедшего под общим названием “Die Völker der Südsee” (первая часть была написана самим Вайцем). На момент выхода в свет этот том был наиболее полным собранием этнографических сведений по данному региону (*NB*: по Новой Гвинее нет почти никаких данных), причем первая часть сопровождалась подробной этнической картой, составленной Герландом (“Ethnographische Karte der Malaienländer nach Waitz Anthropologie der Naturvölker entworfen von Dr. Ernst Gerland. 1865” [Waitz 1865: nach 194]). Карта включает Малайский архипелаг, Малаккский полуостров, Филиппины и частично некоторые прилегающие географические области, в том числе Новую Гвинею и Австралию. Нетрудно понять, что оглавление этого тома вместе с картой во многом предопределяет географический «каркас» научных интересов Миклухо-Маклая [Gerland 1870]. Карта Герланда в какой-то степени предсказывает «одержимость» Миклухо-Маклая проблемой распространения папуасской расы. На этой карте одним цветом, или термином “paruas” (“parua”), объединено население Новой Гвинеи, Австралии и внутренних областей Филиппин; области расселения семангов и сакаев (сеноев) окрашены тем же цветом, что и районы с малайским населением.

В следующем письме (конец августа 1870 г.) говорится: «Очень благодарен Вам за Ваше письмо от 19 августа, доставившее мне большое удовольствие. Мне кажется, что по некоторым обстоятельствам я в своем первом письме недостаточно оттенил то, что предполагаю уехать года на два на Новую Гвинею, а потому, как бы ни были интересны для меня уже посланные вопросы, особенно важны для меня еще некоторые, касающиеся Новой Гвинеи и Меланезии» [Миклухо-Маклай V: 60–61]. Из этого следует, что решение заняться изучением Новой Гвинеи окончательно сложилось к концу 1870 г., но произошло это не по мановению волшебной палочки в виде какой-то отдельной статьи, а в результате огромной внутренней работы, основанной на чтении всей существующей литературы по этому вопросу.

В сентябре 1870 г. в письме П.Л. Семенову Миклухо-Маклай уже совершенно определенно говорит о своем намерении исследовать в научном отношении Новую Гвинею. Его просьба состоит в том, чтобы корвет «Витязь» высадил его на берег этого острова. В частности он пишет, что «зная, по собранным сведениям, трудность и неаккуратность сообщений этого острова с европейскими колониями» (курсив мой. — П.Б.), рассчитывает, что корвет «Витязь» мог бы его высадить на берег острова, мотивируя это тем, что такое отклонение от маршрута повлечет за собой лишь незначительную трату времени, но будет иметь большое значение для научного успеха экспедиции [Там же: 61]. Таким образом, РГО было поставлено в известность о пункте высадки лишь в последний момент, хотя, как видно по переписке с Герландом и некоторым оговоркам, экспедицию на Новую Гвинею Миклухо-Маклай готовил достаточно долгое время, собирая многообразные сведения.

Общая схема исследований в программе, представленной на Общем собрании Географического общества 7 октября 1870 г., в целом вроде бы остается без изменений. В дисциплинарном отношении на первом месте — зоология («преимущественно низших форм животных») с целью проследить изменение и зависимость животных организмов от различных внешних факторов (отсюда включение в программу метеорологических наблюдений), на втором — исследования по антропологии и этнографии. Однако зоологии посвящены лишь два первых абзаца, физической географии и метеорологии — небольшой раздел, тогда как большую часть доклада занимали вопросы антропологии и этнографии. «Тем не менее, — пишет Миклухо-Маклай, — я считаю своим долгом сообщить здесь все эти вопросы, так как они составлены специалистами, известными знатоками дела, и обнаруживают те пробелы, которые предстоит пополнить для научного понимания многих сторон этнографии и антропологии» [Миклухо-Маклай III: 297]. Миклухо-Маклай также продолжает убеждать РГО в своем намерении провести в тропических морях только первые годы путешествия, чтобы «затем подвигаться постепенно на север, до берегов Охотского моря и северных частей Тихого океана». Новая Гвинея объявляется «первым полем деятельности», причем при этом выборе он «руководствуется соображениями, которые не замедлит сообщить Географическому обществу» [Там же].

Указанные соображения были высказаны в цитировавшейся выше рукописи под заглавием «Почему я выбрал Новую Гвинею по-

лем моих исследований». На первом месте теперь стоят этнография и антропология, Новая Гвинея рассматривается прежде всего как «центральное звено» в исследованиях «Полинезии» (зд. Океании. — П.Б.), а об исследованиях северных районов Тихого океана уже и речи нет. По всей видимости, это и есть настоящая программа исследований Миклухо-Маклая, которой он придерживался все последующие годы и о результатах выполнения которой он фактически отчитался в своих публичных выступлениях 1886 г.

Выступая на выставке своих этнографических коллекций в 1886 г. в Академии наук, Миклухо-Маклай говорил: «По мнению профессора Р. Вирхова, одна из важнейших задач нашей современной науки — это сохранение при помощи научной литературы особенностей еще существующих примитивных народностей и собирание остатков культуры быстро исчезающих и постепенно изменяющихся рас» [Миклухо-Маклай V: 556–557].

В черновике речи на той же выставке Миклухо-Маклай специально цитирует свой отчет 1877 г. Императорскому Географическому обществу. В этом отчете он, еще как бы оправдываясь, писал:

«Если, замечая, что я ни слова не говорю о новооткрываемых видах райских птиц, не обещаю описать сотни и привезти тысячи новых редких насекомых, — меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего *я ради вопросов по этнологии, которая собственно не составляет моей специальности*, отстранил от себя собирание коллекций? Я отвечаю на это, что, хотя и считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными, особенно после весьма подвинувшегося в последние годы знакомства моего с фауною Малайского архипелага, все-таки почел за *более* важное обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на *status preasens* житья-бытья папуасов, полагая, что *эти* фазы жизни *этой* части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоро преходящи. Те же райские птицы и бабочки даже в далеком будущем будут не менее восхищать зоолога, те же насекомые наполнят тысячами его коллекции, между тем как почти наверное, при повторенных отношениях с белыми, не только нравы и обычаи *теперешних* папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса

в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи, подобно тому как я искал секай и семанг в лесах Малайского полуострова.

Время, я уверен, докажет, что при выборе *моей главной задачи я был прав* (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 552–553].

Первая фраза (насчет «райских птиц» и «ревностного зоолога») есть классический случай «оговорки по Фрейд» — скрытая полемика с Уоллесом (а возможно, и с д'Альбертисом¹⁰), который, как уже отмечалось выше, был «номером один» в списке Миклухо-Маклая. Еще раньше на пути в Новую Гвинею Миклухо-Маклай писал, что «задачи Валласа» не могли руководить его путешествием [Миклухо-Маклай III: 8, 9].

Итак, можно полагать, что свою главную задачу Миклухо-Маклай видел в проведении полномасштабных этнографических исследований на Новой Гвинее. Даже антропологические исследования («экскурсии») постепенно становились лишь «каркасом» этнографических исследований или формой, которая наполнялась этнографическим содержанием.

В 1882 г. на Чтениях в Географическом обществе им было сказано:

«По мере знакомства с туземцами, с образом их жизни и нравами, в сентябре и ноябре 1872 г., т.е. в конце моего пребывания в Гарагаси, мне стала рисоваться программа дальнейших исследований на островах Тихого океана. Изучив туземцев Берега Маклая в антропологическом и этнологическом отношениях, я наметил себе *задачу исследования всей папуасской или меланезийской расы* (курсив мой. — П.Б.).

Между интересными и малоизвестными животными Новой Гвинеи наиболее интересным представлялся мне туземец Новой Гвинеи, *Ното рариа*» [Миклухо-Маклай II: 408–409].

¹⁰ Книга Луиджи Д'Альбертиса “New Guinea: what I did and what I saw” вышла в Лондоне в 1880 г. Однако Миклухо-Маклай в 1877 г. не мог не знать об экспедиции Д'Альбертиса и ее основных результатах, выразившихся в открытии многих видов райских птиц и сборе больших зоологических коллекций.

С годами, по мере накопления полевого опыта, Миклухо-Маклай отнюдь не разбрасывался, а, наоборот, все более и более концентрировал свою научную деятельность на этнографии. О том, в чем он видел свою главную задачу, в 1876 г. Миклухо-Маклай писал: «В 1871–1872 гг. я изучал папуаса более с антропологической (анатомической) стороны; теперь положение его в среде его соплеменников, общественная сторона его быта войдет в мою программу и будет *одной из главных задач исследования*» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 95].

На этом фоне особое значение приобретает еще один факт. В тетради с рукописью «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований» сохранился обрывок бумаги с набросками плана данной статьи. Помимо прочего, там есть и такая фраза: «Цель моя — уясн[ить] пол[ожение] пап[уасов] относительно других рас и потом (*находя главною задачею этногр. положение папуасов*) постара[ться] опреде[литель] распр[остранение] ее по собств. набл.» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 551]. Как отмечает Д.Д. Тумаркин, «судя по некоторым подробностям содержания, план был составлен еще до плавания на Витязе» [Там же: 550]. Следовательно, изучение «этнографического положения» папуасов осознавалось Миклухо-Маклаем в качестве «главной задачи» уже в ходе подготовки к первой экспедиции на Новую Гвинею и впоследствии стало лейтмотивом всей его жизни.

Как уже упоминалось, Миклухо-Маклая упрекают в двух недостатках: во-первых, в неумении сосредоточиться на решении одной научной задачи и, во-вторых, в растрачивании своего времени на постороннюю, казалось бы, для науки общественно-политическую деятельность по защите прав коренного населения Австралии и Океании. «Специалистам ученым, — писал Анучин, — такое раздвоение личности наблюдателя — на человека науки и филантропа — представлялось достойным сожаления, так как оно раздробляло силы и отвлекало в сторону от намеченной цели» [Анучин 1923: 68].

В действительности не было никакого раздвоения личности. Миклухо-Маклай был очень цельной натурой. Публикуя материалы по зоологии, географии, метеорологии и океанологии, он лишь честно выполнял обязательства, взятые перед РГО. В работах естественно-научного характера Миклухо-Маклай, во-первых, отдавал дань своей университетской специальности (интерес к зоологии сам

по себе не ослабевал, но на фоне все усиливающегося интереса к этнографии доля зоологии в общем потоке научных результатов уменьшалась), а, во-вторых, доминирование этнографических интересов превращало естественно-научные исследования почти в повинность при условии, что эти исследования часто приобретали этнографическую окраску (см. статьи об операции «мика» и пр.). Как справедливо пишет Д.Д. Тумаркин: «Программа, предложенная Миклухо-Маклаем, значительно выходила за рамки обсуждавшейся ранее в Совете и в отделении. Она была ориентирована на организацию гораздо более широкой и длительной работы в Океании и, в частности, на осуществление значительных специальных исследований по этнографии и антропологии» [Миклухо-Маклай III: 295–296]. Этими словами характеризуется своего рода «протокол о намерениях», зачитанный 7 октября 1870 г. Однако тогда Миклухо-Маклай попросту не мог предвидеть всех последствий при реализации своего замысла.

Расширение географии исследований сопровождалось интенсификацией исследований в области этнографии. Общее направление трансформации научных интересов Миклухо-Маклая был таково: от медицины (анатомии) к зоологии, от зоологии к физической антропологии, от физической антропологии к этнографии (этнологии). Во второй половине 1870-х годов он уже окончательно сложился как ученый-этнограф. Конечно, речь не идет о выделении самостоятельных периодов в его профессиональном становлении: зоология, физическая антропология, этнография. Все три составляющие (не говоря о медицине) оставались значимыми для Миклухо-Маклая, но акценты в его научной деятельности заметно сместились в «красную зону» этнографии. Можно сказать, что в конце 1870-х годов этнографические интересы уже полностью доминировали среди его приоритетов.

Одним из признаков (или прямым следствием) этого является его активная деятельность в сфере защиты прав коренного населения стран Тихоокеанского региона. И здесь он вновь выступает скорее как этнограф. По-видимому, угроза физического исчезновения коренных народов в его глазах делала бессмысленной всю его научную деятельность. Это касается второго упрека — в трате сил на решение проблем, напрямую не связанных с наукой. (Идея придания Берегу Маклая статуса самоуправления может иметь определенную контаминацию — обоснование задним числом актуальности иссле-

дований на Новой Гвинее как регионе, входящем в сферу интересов России.)

В комментариях к шеститомному собранию сочинений говорится: «В отличие от “Чтений” 1882 г., где в центре внимания находились путешествия и где в основу композиции был положен региональный принцип, лекции 1886 г. концентрировались вокруг основных научных проблем и представляли собою последовательное изложение огромного исследовательского материала и его теоретическое (sic! — П.Б.) осмысление. Можно сказать, что лекции явились итогом работы Миклухо-Маклая по систематизации и обобщению научных результатов его путешествий в Океании, в первую очередь на Новой Гвинее и островах Меланезии» [Там же: 399]. Подчеркнем: огромный исследовательский материал, содержащийся в лекциях 1886 г., в основном представляет результаты наблюдений, сделанных по процедуре этнографических экспедиций.

Таким образом, миф об отсутствии единого фокуса в научных изысканиях Миклухо-Маклая не выдерживает никакой критики. Сравнивая программу 1870 г., чтения 1882 г. и лекции 1886 г. как результаты некоторых предшествующих исследований, можно увидеть, что они представляют собой поэтапное развитие единой системы взглядов. На первом этапе преобладало обобщение известных к тому времени фактов, на втором этапе велась в основном полевая (экспериментальная) работа, на третьем этапе имело место возвращение к теории в строгом смысле слова — *абстрагированию* исследуемой реальности.

Если отвлечься от зоологии, послужившей своего рода трамплином и впоследствии составлявшей что-то вроде внешней оболочки научных интересов Миклухо-Маклая, ядро его научных достижений можно подразделить на три круга, взаимосвязанных между собой: физическая антропология, этнография и методология науки. Сложность состоит в том, что у Миклухо-Маклая методология науки как бы вплетена в его этнографические отчеты. Поэтому важно не только, *что* сделал Миклухо-Маклай, но и *как* он это делал.

В этом смысле именно в тетради “Ethnologia” 1869–1870 гг. мы находим ключ к научному портрету Миклухо-Маклая как начинающего этнографа. Как уже отмечалось, своего рода учебником для него должен был служить немецкий перевод книги «Естественная

история человека» Джеймса Причарда, некоторыми английскими современниками именовавшегося «отцом английской этнологии».

Скажем еще раз, что в понимании Причарда, этнология — это история наций, основанная на исследовании связей между языками, причем «конечная цель этого исследования — в прослеживании не истории языков, а племен людей, чье родство они (языки. — П.Б.) могут иллюстрировать» [Prichard 1855: 119]. По его определению, раса (фактически являющаяся для него синонимом племени) представляет собой «семью наций», родство которых доказывается родством языков [Ibid.: 118; 428]. Как он пишет, из всех особенностей, присущих человеку, именно язык обнаруживает свойство сохраняться даже при значительном изменении физических и моральных характеристик [Ibid.: 119]. Притом (или *вследствие того*) что Причард являлся, хотя и на богословских основаниях, последовательным сторонником идеи единства «человеческой семьи», он придерживался мнения, что «разновидности» (“varieties”) людей обусловлены различиями природной среды, а именно климата [Ibid.: 4, 119]. В связи с этим им особо подчеркивается, что в процессе распределения наций по «отделам» (“departments”) наряду с языком необходимо учитывать физические характеристики, из коих форма черепа является определяющей, «наиболее постоянной» [Ibid.].

Система взглядов Причарда естественным образом выстраивается в некую парадигму, предполагающую определенный способ постановки и решения научных задач. По крайней мере, первоначально этнографические («антрополого-этнографические») отчеты Миклухо-Маклая в целом строятся по образцам, заданным в книге Причарда. Прежде всего это касается способа расположения, а фактически — способа анализа, наблюдений. Касаясь последовательности сбора материалов, Миклухо-Маклай говорит о «важнейшей стороне — преимущественно антропологической» [Миклухо-Маклай II: 71]. В другом месте, почти повторяя одну из мыслей Причарда, он пишет о «зоологическом характере расы, которым не следует пренебрегать» [Там же: 109–110]. В этом же «антропологическом» контексте он не забывает упомянуть и о «собрании словарей сохранившихся наречий» [Там же: 71]. В ранних текстах Миклухо-Маклая физико-антропологические данные выступают в качестве обязательной преамбулы этнографического описания данной группы, визуально соединяясь с этнографией посредством рисунков

с изображениями людей, по возможности точными антропологически, в местных одеяниях, с местными украшениями и орудиями труда. Поэтому у него этнографические факты часто выглядят естественным продолжением или дополнением, точнее говоря, *расширением функции* антропологических фактов.

Например, при встрече с населением островов Адмиралтейства Миклухо-Маклай от наблюдений над антропологическими особенностями непосредственно переходит к «другим наблюдениям: к аксессуарам, которые их окружали», а именно к описанию «причесок и украшений» [Там же: 105]. Можно подумать, что эти элементы традиционной культуры являются продолжением тела человека, чем-то вроде вторичных антропологических признаков. Модель «физический облик — одежда и украшения» всегда была и остается излюбленным средством демонстрации многообразия человеческой культуры (ср. восковые манекены в Кунсткамере конца XVIII в. и изображения представителей различных народов в книге И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (1776)). Впрочем, это вполне совпадает с логикой самих носителей традиционной культуры.

В записках Миклухо-Маклая «антропологическая» функция носит уже не имплицитно методологический, как у Причарда, но скорее эксплицитно методический характер. Эта «детская болезнь» («первобытный суп») этнологии, когда признаки различия культуры еще как бы выводились из антропологических признаков в узком смысле слова, у Миклухо-Маклая преодолевается в процессе полевой этнографической практики. По его мнению, для решения антропологических задач достаточно нескольких дней, тогда как *для ознакомления с обычаями, языком и т.п. требуются годы или по крайней мере месяцы* [Там же: 71]. Граница между двумя областями знания проводится с помощью очень простого, но эффективного средства — хронометрии: научная методика антрополога измеряется днями, этнографа — годами.

Первоначальный порядок исследования и изложения результатов был такой: «во-первых» — антропология, «во-вторых» — этнология [Там же: 201]. Но в процессе многолетней полевой работы этот порядок сменился на противоположный, что и определило окончательно собственную систему представлений Миклухо-Маклая о предметах физической антропологии и этнографии, если иметь в виду идею о взаимоисключении этих понятий: антропология

√ этнография. Раздельная публикация Миклухо-Маклаем антропологических и этнологических заметок не случайность, но окольный способ формулировки, возможно, витавшей в воздухе идеи разделения двух независимых научных дисциплин. Создание в 1878 г. Музея антропологии и этнографии в России, несомненно, связано с общепринятым тогда способом взаимоопределения двух «смежных» наук. В конечном счете Миклухо-Маклай стал придерживаться этой формулы взамен формулы Причарда, подразумевающей «включение» антропологии в этнологию: антропология \subset этнология. Данная модель по своему «направлению» противоположна модели, предложенной в 1860-х годах Джеймсом Хантом и впоследствии воспринятой англосаксонским научным сообществом: антропология \supset этнология.

Джеймс Хант, став притчей во языцех антропологии, благодаря своим попыткам подвести расизм под научную теорию, как ни странно, до сих пор продолжает оказывать влияние на западную науку там, где заходит речь о структуре взаимосвязей между понятиями «антропология» и «этнология»:

«Не углубляясь в этимологию названия нашего общества, все же необходимо, чтобы мы составили некоторое ясное представление о действительном смысле и границах (breadth) науки, которую мы строим (unite) именно ради познания и просвещения» [Hunt 1863: 1].

«Некоторые авторы... считают, что понятие антропологии предполагает лишь изучение родственных связей человека и млекопитающих. Даже если мы примем такое толкование термина, у нас останется очень широкое поле для исследований. Я, во всяком случае, готов рассматривать это как нашу первейшую задачу; и какой огромный скачок совершит наука, когда эти связи будут полностью установлены! Я, не колеблясь, утверждаю, что родство человека и млекопитающих является коренным вопросом и [этот вопрос] должен составлять основу развития науки о человеке. Сколько времени было впустую потрачено на рассуждения, предположения и теории, касающиеся истории человека! Сколько томов было напечатано о происхождении человеческой семьи! И все же до сих пор место человека в природе еще остается предметом серьезного обсуждения. Какое странное положение для науки в XIX в.,

которая игнорирует связь человека с физической Вселенной, его окружающей! И все же я думаю, что я могу сказать, не погрешив против правды, что почти все авторы, занимающиеся проблемой прошлого человека, игнорировали его связь с низшими животными просто потому, что они были не способны видеть, в чем состоит это родство. Разве не в высшей степени бессмысленно продолжать смотреть на человека как на существо, оторванное от длинной цепи органической жизни? Я не буду тратить время на то, чтобы показать, что прогресс в изучении истории человека был невозможен до тех пор, пока сохранялась такая система исследований, ошибочная в самих своих основаниях» [Ibid.: 1–2].

«Однако я бы не согласился с тем, что науку антропологию справедливо втискивать в столь узкие рамки. Напротив, антропология — это наука о природе человека в целом. При таком подходе она включает в себя почти все известные науки. Биология, анатомия, химия, естественная философия, физиология — все они должны поставлять антропологу материалы, на которых он может делать свои умозаключения. В то время как этнология имеет дело с историей или наукой о нациях и расах, мы должны сосредоточиться на происхождении и развитии человечества. Таким образом, в то время как этнография изучает [географическое] положение и культуру (“position and arts”) различных человеческих рас, наше дело — исследовать законы, регулирующие распространение (distribution) человечества» [Ibid.: 2].

Последняя выдержка весьма характерна с интересующей нас точки зрения. Из нее видно, в чем мог состоять «компромисс», о котором говорят, описывая события, связанные с воссоединением Антропологического и Этнологического обществ в конце 1860-х — начале 1870-х годов. Содержание антропологии, по Ханту (тезис о неравноценности человеческих рас), было выброшено, но форма антропологии, по Ханту (антропология как некая сверхнаука), была сохранена.

Немецкая школа развивалась несколько иным путем. Для нас это особенно важно, поскольку Миклухо-Маклай по своим воззрениям был ближе именно к этой школе, особенно если учесть внимание, с которым Миклухо-Маклай отнесся к статье Рудольфа Вирхова 1875 г., посвященной определению понятия «антропология».

По Вирхову, можно говорить об антропологии в широком смысле — учении о человеке как в физическом, так и психологическом отношении — и об антропологии в узком смысле — исследовании и описании физических особенностей людей наряду со свойствами общественной жизни, проявляющимися в виде «естественных объектов» вроде таких явлений, как пища, орудия труда, оружие, одежда, жилище; понятие антропологии в узком смысле смыкается с понятием «доисторической антропологии» [Virchow 1875: 571]. Вместе с тем он подчеркивал, что границы между доисторическими и историческими явлениями достаточно условны. В пояснение своей мысли он обращался к Австралии. Если население внутренних районов еще представляло доисторическую реальность, то население прибрежных районов Австралии благодаря знакомству с новым европейским миром существовало уже по законам исторического времени [Ibid.].

Главное направление современной ему антропологии Вирхов видел в исследованиях по «истории развития человечества», причем в связи с решением двуединой задачи. С одной стороны, он ставил перед антропологией задачу изучения истории развития физических особенностей людей [Ibid.: 572]. Как возник человек? Как сформировались отдельные расы и племена? Происходят ли все люди от представителей одной расы или существовало несколько первоначальных рас (Urgrassens)? И если встать на точку зрения единства рода человеческого, где искать прародину (Ursitz) человека? Но если «первые люди» являются предками всего человечества, то происходят ли они сами от каких-то других существ, от которых они постепенно отделились при поступательном развитии их [телесной] организации (“ihrer Organisation”)?

С другой стороны, Вирхов ставил перед антропологией задачу изучения «культурной истории» (“Culturgeschichte”), начала которой предлагается искать в археологии и палеонтологии [Ibid.]. Вопросы по своим импликациям задавались не из простых. Действительно ли человеческая организация (“menschliche Organisation”) так устроена (медик Вирхов, видимо, неслучайно использует глагол “eingerichten”, в одном из своих значений являющийся медицинским термином «вправить»), что одна и та же или, по крайней мере, сходная форма (“Gang” в значении «ход») духовного развития возникает из некоторой внутренней необходимости в разных местах и в разные времена и что различные народы независимо друг от дру-

га производят одни и те же продукты труда, изобретают одни и те же технические методы, совершают одни и те же открытия? Или же была только передача информации от человека к человеку, от племени к племени, посредством которой распространялось однажды найденное знание и без которой вообще не было бы никакого прогресса?

Подводя итог высказываниям Вирхова, можно сказать, что его «культурная история» примерно соответствует тогдашнему понятию этнологии, но так, что это понятие имеет область пересечения с физической антропологией.

В статье Адольфа Бастиана, помещенной в том же сборнике 1875 г., следовательно, также известной Миклухо-Маклаю, ставится, как явствует из ее названия, противоположная цель — определение этнологии [Bastian 1875: 516]. «Для этнологических исследований главный объект наблюдения составляет зависимость человека от его окружающей природы, так что они идут в том же направлении, где они соприкасаются, что и антропологические исследования, в рамках которых Ното изучается не столько относительно его положения в различных системах (включая зоологическую), сколько относительно характерных оттенков, которые ему придает его географическая провинция (вместе с тем освободившийся от ее господства культурный народ принадлежит уже не этнологии, но истории, а также историческому обхождению)» [Ibid.]. Или: «Для этнологов человек предстает в двух ипостасях, сначала как индивидуум, а затем как социальное существо, причем данное деление совпадает с делением на физическую и психическую половины, так как все принадлежащее к психическому существованию предполагается в качестве первичного условия общения, при наличии которого только и возникает для индивидов значимость непосредственного предмета исследования, а именно такого, что через социальные отношения только в небольшой степени поддается изменениям» [Ibid.].

Вероятно, не имеет особого смысла продолжать здесь цитирование статьи Бастиана, чтобы убедиться в схождениях с теми или иными конкретными положениями Миклухо-Маклая. В данном случае для нас более интересно рассмотреть схему взаиморасположения антропологии и этнологии, предлагавшуюся Бастианом, для сравнения ее со схемой Вирхова. Фактически перед нами один и тот же предикат, который читается в противоположных направлениях.

Отличие схемы Миклухо-Маклая состоит в том, что он «развел» два пересекающихся множества — предмет антропологии и предмет этнологии — как находящиеся в отношении исключения, одновременно сопоставив некоторые точки одного множества некоторым точкам другого. Этой маклаевской схемой взаимоотношения антропологии и этнологии (этнографии) российская наука в общем и целом пользуется до настоящего времени. Раздельная публикация Миклухо-Маклаем антропологических и этнологических заметок по папуасам Берега Маклая стала в истории науки первым документом, закрепляющим самостоятельность предметов этих наук. В этот момент он уже явно был «на стороне» этнографии. Примечательно, что этот аспект научного поведения Миклухо-Маклая хорошо просматривается в структуре записей в тетради “Ethnologia”.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИК ЛЕМУРИЯ

Физическая антропология была той областью, в которой огромное влияние Миклухо-Маклая еще при его жизни никем не оспаривалось. Анучин суммировал мнение О. Финша, прямо указывавшего на этот факт, правда, не без ложки дегтя: «Самое важное из написанного М.-Маклаем относится к антропологии, и именно к антропологии папуасов или меланезийцев; для этой расы он должен быть признан одним из самых выдающихся авторитетов. К сожалению, и по этой расе он довольствовался только заметками, измерениями и рисунками (редко фотографиями), но не делал, напр., гипсовых слепков с живых особей и почти не собирал коллекций (за исключением черепов и мозгов)» [Цит. по: Анучин 1923: 68]. Пожалуй, на фоне современной физической антропологии отмеченные Финшем «недостатки» говорят больше о нем самом, чем о Миклухо-Маклае. Далее мы попытаемся оценить вклад Миклухо-Маклая в развитие физической антропологии, не пересекая границу компетентности этнографии, т.е. оставаясь в тех пределах, в которых суждения могут строиться без обращения к помощи таблицы Брока, таблицы Мартина или толстотного циркуля.

Об объеме преобразований, которые Миклухо-Маклай привнес в физическую антропологию, можно судить по двум крайним отметкам — его выпискам в тетради “Ethnologia” (1869–1870) и публичным лекциям (1886).

В тетради “Ethnologia” сделано множество выписок, касающихся классификации рас в этой части Земли [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–14]. Представим списки рас, приведенные Миклухо-Маклаем, в виде таблицы (см. с. 52).

Схема дифференциации рас в данном регионе, созданная Миклухо-Маклаем, соответствует современным представлениям хотя бы за счет исключения «альфуров», гипотетической расы внут-

Уоллес	Бэр	Мюллер	Причард
Альфурь Полинезийцы Папуасы Австралийцы Малайцы	1-я группа: обитатели Новой Голландии Альфурь Меланезийцы или папуасы 2-я группа: Океанийцы или полинезийцы	Австралийцы Папуасы Малайцы	Малайе- полинезийцы Папуасы Альфурь и австралийцы

ренных районов Новой Гвинеи, загадка происхождения которой в то время волновала мировую антропологию¹¹. В конспекте первой лекции 1886 г. значится: «Три расы в Тихом океане: меланезийская, полинезийская, австралийская. Следы большого распространения меланезийской расы встречаются на Филиппинских островах, Малайском полуострове, Андаманских и Никобарских островах» [Миклухо-Маклай III: 308–335].

Совершенно новых версий в трактовке отношений родства между отдельными расовыми стволами в данном регионе Миклухо-Маклай не выдвигал, тестируя уже существующие концепции, но весьма успешно. Свою роль в истории изучения тех или иных вопросов он оценивал абсолютно адекватно. Как он сам однажды выразился в письме Вирхову (1875) по более конкретному поводу путешествия по Малайскому полуострову, «ряд гипотез и предположений превратился благодаря моему путешествию в *надежные факты и положительные наблюдения*» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.) [Миклухо-Маклай V: 150]. Однако такое «превращение» одних гипотез при отбрасывании других означает создание некоторой единой теории. Триада «меланезийская — полинезийская — австралийская раса» является не чем иным, как первой теорией подобного рода в данной области знания. Фактически последующие исследования лишь развивали и уточняли теорию Миклухо-Маклая.

¹¹ Согласно Словарю Дж. Крофорда, «альфорас» («альфориас», «альфорес», «альфурс», «арафурас» или «харафурас») — слово, взятое из португальского языка и служащее для обозначения населения «внутренних областей больших островов Молуккского моря». Предположительно происходит от арабского артикля «ал» и предлога «фора» («без»). Португальцы использовали это слово для обозначения групп неподвластного им населения [Crawfurd 1856: 10].

Основной термин этой теории — способ решения вопроса об «альфурах». Во время чтений 1882 г. Миклухо-Маклай говорил: «Основываясь на *поверхностных и отрывочных наблюдениях различных путешественников*, позднейшие ученые предполагали существование в Новой Гвинее нескольких различных племен, причем *отличали прибрежных жителей от обитателей внутренних гористых областей* («альфуров». — П.Б.)... я пришел к положительному убеждению, что никакого племенного или расового различия между прибрежными жителями и обитателями горных местностей не существует, везде живет одно и то же племя, имеющее одинаковый *антропологический habitus*¹² и отличающееся по местностям только языком и подробностями образа жизни и обычаев. Таким образом, вопрос о существовании в Новой Гвинее нескольких различных *племен* решен мною в отрицательном смысле» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай II: 417].

В свою очередь тезис об антропологическом единстве населения Новой Гвинее служил средством перехода к проблеме соотношения папуасской (меланезийской) расы с другими «темными», или «курчавоволосыми», расами. «Далее, — писал Миклухо-Маклай в 1882 г., — касательно черепа папуасов существовало мнение, что отличительный его признак — долихоцефалия, или длинноголовость. Это мнение принималось как совершенно доказанная истина, и даже один из известнейших современных антропологов профессор Р. Вирхов считал необходимым на основании формы черепа отличить как две самостоятельные и отдельные расы *длинноголовых* (долихоцефальных) *папуасов*, с одной стороны, и *короткоголовых* (брахицефальных) *негритосов* (Филиппинских островов). Для разрешения этого вопроса — длинноголовости (долихоцефалии) папуасов — я обратился как к *самому надежному средству к измерению голов туземцев*... я сделал сотни таких измерений, и к моему величайшему удивлению, между сотнями измеренных голов десятки оказались брахицефальными или очень склонялись к брахицефалии (короткоголовости)» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Как в свое время было отмечено М.Г. Левиным, Миклухо-Маклай опроверг бытовавшее тогда положение об определяющем значении головного указателя при разграничении отдельных рас, обнаружив среди

¹² Термин «антропологический habitus» закрепляется его повторением в других текстах (см., например: [Миклухо-Маклай II: 428]).

папуасов залива Астролябии индивидов как с долихоцефалией, так и с брахикефалией, что соответствует современной антропологической теории [Левин 1960: 64].

К вышеупомянутому аргументу Миклухо-Маклай добавляет результаты исследования формы волос:

«Во многих учебниках по антропологии как на признак, отличающий папуасов от других *темных, курчавоволосых рас*, указывается, что у папуасов курчавые волосы растут будто бы неравномерно, а группами, или пучками... Следовательно, и этот общепринятый в учебниках признак папуасского племени оказался несостоятельным» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай II: 418].

«Наконец, *некоторые антропологи, никогда не выезжавшие из Европы*, как на хороший признак при классификации различных рас (папуасской, негритосской, негритянской) указывают на размер (диаметр) спирали (завитка) волос... и это основание (диаметр спирали волос) классификации рас, которое было серьезно защищено некоторыми учеными, не выдерживает критики» (курсив мой. — П.Б.) [Там же].

Объединяя «курчавоволосые» группы в одну меланезийскую расу, Миклухо-Маклай четко отделял ее от полинезийской и австралийской рас, используя в качестве дифференцирующих признаков только два: цвет кожи и форму волос. В стенограмме лекции 1886 г. мы находим некоторые детали: «Н.Н. указал на карте пределы распространения трех главных рас Тихого океана. Эти расы: полинезийская (прямоволосая и светлокожая), меланезийская (темнокожая и курчавоволосая) и австралийская (темнокожая и прямоволосая). *Относительно последней среди ученых происходил спор, не оконченный еще и в настоящее время: одни считали австралийцев ветвью полинезийцев, другие же причисляли их к папуасам*. Наконец, проф. Гексли совершенно правильно выделил их в самостоятельную расу; *по наблюдениям Н.Н. выводы Гексли совершенно подтверждаются*. В периоде доисторическом австралийская раса была, вероятно, очень распространена, но затем, с течением времени, она повсеместно стала вытесняться и стусшеываться. *Следы ее Н.Н. находил даже на материке Азии*» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 399]. Наряду с полинезийской расой Миклухо-

Маклай выделял микронезийскую расу, объясняя ее отличия «меланезийской примесью», выражающейся в «большей курчавости волос», «темном цвете кожи», «некоторых особенностях черепа» и т.д. [Миклухо-Маклай II: 442].

«Обратным ходом» метода Миклухо-Маклая выступает положение о внутренней дифференциации меланезийской расы. Как явствует из письма Вирхову (1879), суждения о его одержимости поиском доказательств единства этой расы несколько преувеличены: «Будучи убежден, высокоуважаемый господин профессор, что Вы разделяете мои взгляды на значение беспристрастного разъяснения многих антропологических вопросов, касающихся меланезийского племени, как и на необходимость более обстоятельного изучения взаимоотношений между его ветвями, я смею думать, что мой план окажется достойным вашего полного одобрения» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай V: 216]. На чтениях 1882 г., обращаясь к аудитории, Миклухо-Маклай говорил: «...в конце 1872 г. на Берегу Маклая я предположил исследовать, по возможности, все разветвления меланезийской расы, чтобы составить полное представление о всей папуасской или меланезийской расе» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай II: 442].

Таким образом, в системе взглядов Миклухо-Маклая выделение меланезийской расы как некоторого единства по отношению к полинезийской и австралийской расе подразумевает «разветвления» внутри первой. В «Этнологических экскурсиях по Малайскому полуострову» (1875) Миклухо-Маклай подытоживает свои наблюдения над меланезийскими народностями внутренней части Малайского полуострова:

«На основании собственных исследований и наблюдений я пришел к заключению, что оранг-сакай и оранг-семанг принадлежат к одному и тому же племени, далее, они стоят очень близко друг к другу как по физическому типу, так и в языковом отношении и представляют собой чистое, несмешанное ответвление меланезийцев, будучи поэтому совершенно отличны от малайцев в антропологическом отношении.

Главным образом по форме черепа, обнаруживающей тенденцию к брахицефалии, меланезийские народности Малайского полуострова близки к негритосам Филиппинских островов и, подобно последним, стоят недалеко от папуасских племен Новой Гвинеи» [Миклухо-Маклай IV: 21].

Действительно, Миклухо-Маклаю не удалось дифференцировать веддоидов-сеноев (сакаев) от негритосов-семангов по современной антропологической классификации. Хотя в записи его лекции 1886 г., вполне вероятно именно в отношении веддоидных признаков, отмечено, что «Н.Н.» находил следы австралийской расы «даже на материке Азии» (см. выше). Вообще оценивать результаты антропологических исследований Миклухо-Маклая следует не с точки зрения будущих открытий, а с точки зрения «наличного бытия» науки. Ведущие антропологи того времени либо вообще не отличали сеноев и семангов от малайцев, либо отождествляли их с классическими негроидами («неграми») [Миклухо-Маклай II: 432; IV: 21]. Когда речь идет о вкладе Миклухо-Маклая, его достижения следует измерять теми задачами, которые ставила современная ему наука. Похоже, что он неплохо с ними справлялся.

В рамках своей «панпапуасской» теории Миклухо-Маклай вроде бы также *не видел* существенного антропологического различия между папуасами и собственно меланезийцами. Описывая свою высадку на о-ва Адмиралтейства, он подчеркивал: «Не развлекаясь множеством оригинальных украшений и новых для меня мелочей, навешанных на туземцах, наполняющих их пироги, я старался уловить *общий тип*. Чем более я всматривался, тем менее мне казалось естественным считать туземцев Новой Гвинеи, Новой Ирландии и о. Адмиралтейства (южного берега) ни чем иным, как *географическими разновидностями одного племени*» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай II: 104–105]. Ключевыми словами здесь являются термины «общий тип» и «географические разновидности одного племени». В данном случае распространенная в то время концепция, согласно которой антропологические особенности людей обусловлены различиями окружающей среды, служила вполне научной и, следовательно, работоспособной парадигмой при классификации расовых признаков. Поскольку была очень слабо разработана иерархия признаков, позволяющих создать стройную таксономическую систему от высших к низшим единицам, Миклухо-Маклай пользовался линейкой «ближе — дальше»: разновидности папуасской расы ближе друг к другу, чем к полинезийской или австралийской расе; с другой стороны, интуитивно «раса папуасов» ближе к «расе негров», чем к «белой расе». Иначе говоря, в своих выводах он учитывал проблему классификации человеческих рас в целом. В полевых записях Миклухо-Маклая есть пометка относительно

формы волос папуасов, на основе чего он делает вывод: «Итак, вероятно, что *папуасы, как и негры*, — очень измененное племя, происшедшее от *индифферентного родоначальн[ого] племени с курчавыми и прямыми волосами*» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай I: 334].

Из этого небольшого пассажа видно, что Миклухо-Маклай хотя и не ставил для себя во главу угла вопросы эволюции, но постоянно держал в уме общетеоретические представления на этот счет. Вероятно, секрет данного замечания заключается в отсылке к теории существования материка Лемурии. Эрнст Геккель, учитель Миклухо-Маклая, считал этот гипотетический материк территорией формирования некоторой исходной племенной формы «темнокожих рас», к которой, по его мнению, ближе всего стоят папуасы (*Ното рариа*), ранее заселявшие не только Новую Гвинею и расположенные к востоку острова Меланезии, но и полуостров Малакку, Филиппины и многие острова Океании, о чем можно судить по «разрозненным остаткам этой расы» (цит. по: [Бутинов 2001: 6]). Идея привлечения взглядов Геккеля при ответе на вопрос, почему Миклухо-Маклай выбрал исходным пунктом своих исследований Новую Гвинею, а целью изучения — папуасскую расу, принадлежит Н.А. Бутинову [Там же: 5–6].

Независимо от фантастичности идеи существования в прошлом этого гипотетического материка само представление о нем способствовало объединению антропологических наблюдений Миклухо-Маклая в единый виртуальный «антропологический материк». Если предположить, что информация, почерпнутая из лекций Геккеля, в сознании Миклухо-Маклая наложилась на изучение им этнической карты данного региона Герланда, на которой все области, перечисленные Геккелем, закрашены одним коричневым цветом и обозначены как места расселения “*рариа*”¹³, можно почти не сомневаться, *как и где* у него сложилась идея путешествия на Новую Гвинею с целью исследования папуасской расы¹⁴. Безусловно,

¹³ См.: [Waitz 1865].

¹⁴ Это совпадает, во-первых, с тем фактом, что в записной книге “*Ethnologia*”, датированной 1868–1869 гг., уже есть раздел “*Neu Guinea*”, а во-вторых, с тем фактом, что в письме Герланду в 1869 г. Миклухо-Маклай говорит о его книге, являвшейся второй частью пятого тома труда Вайца “*Anthropologie der Naturvölker*”, в котором и помещена упомянутая карта (см. предыдущий раздел).

на это накладывается как география, так и структура исследований Уоллеса. В тетради “Etnologia” есть такая запись со ссылкой на с. 26 немецкого перевода книги Уоллеса: «Валлас склоняется к мнению многих этнологов, которые, следуя В. ф. Гумбольдту и Притчарду (Притчарду? — П.Б.), рассматривают все океанийские расы как модификации одного типа (eines Typus)» (подчеркнуто Миклухо-Маклаем. — П.Б.) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 2].

В продолжение поиска ответа на вопрос, почему Миклухо-Маклай выбрал Новую Гвинею центром своих исследований, необходимо вернуться к тому моменту, когда он впервые переключил свое внимание с зоологии на антропологию и этнографию. В письме к Дорну в мае 1969 г. он ссылается на имена знаменитых путешественников того времени: Дэвида Ливингстона, Самюэля Бейкера, Джеймса Гранта, Джона Спика, Герхарда Рольфса, Карла Мауха и др. [Миклухо-Маклай V: 35]. Все они являются исследователями Африки.

С другой стороны, в конце тетради “Ethnologia” можно обнаружить небольшой прямоугольный листок бумаги со списком литературы, вклеенный между страницами [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 42–42 об]. Записи в большинстве очень краткие, сделанные крайне неразборчивым почерком (см. рис. 3). Но уже из тех наименований, что пока удастся полностью «расшифровать», становится ясно, что это старые — даже в то время — издания, в которых описываются путешествия в страны Южных морей, т.е. в Австралию и Океанию (Австралия, Новая Гвинея, Фиджи, Тонга, Таити, Гавайи, Палау), или обзоры, посвященные этнографии данного региона в целом. Приведем некоторые названия¹⁵:

Ellis W. Polynesian Researches. Hawaii. London, 1830. Vol. I–II.

Ellis W. An Authentic Narrative of a Voyage performed by Captain Cook and Captain Clerk... London, 1782. 2 Vols.

Eyre E.J. Journals of Expedition of Discovery into Central Australia and overland from Adelaide to King George’s Sound, in the years 1840–1841. 1845. 2 Vol.

Finsch O. Neu-Guinea und seine Bewohner. Bremen, 1865

¹⁵ Согласно этой выборке, ни одно из изданий не пересекает временную границу 1870 г.

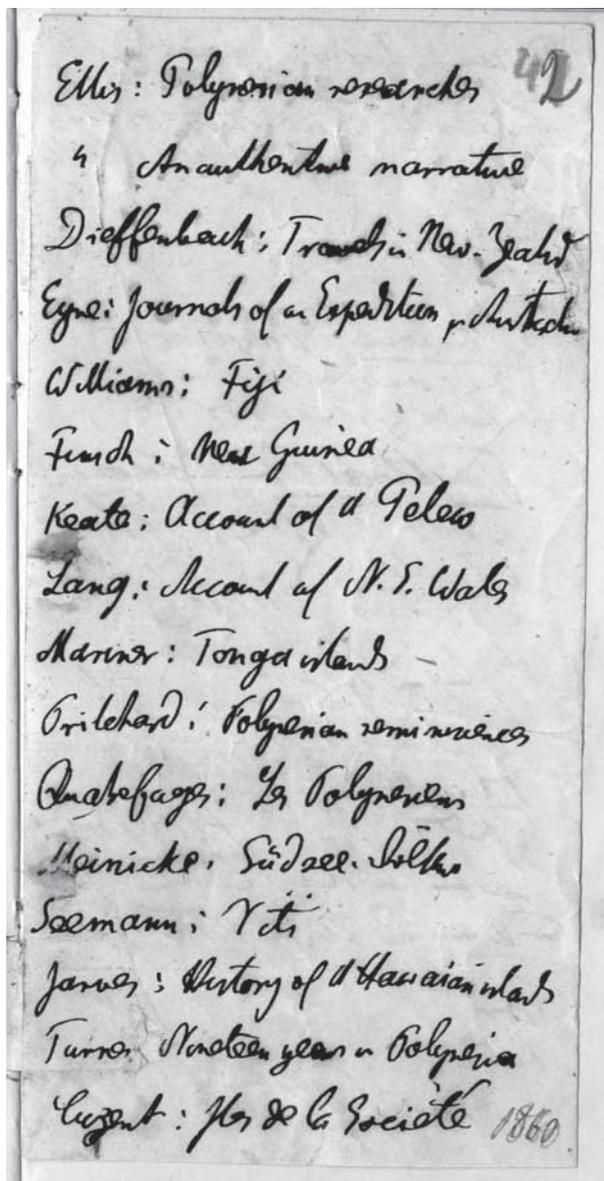

Рис. 3. Вклейка между страниц тетради "Ethnologia"
со списком источников по этнографии Австралии и Океании

Lang J.D. An historical and statistical account of New South Wales both as a penal settlement and as a British Colony. In Two Volumes. London, 1837.

Mariner W. An Account of the Natives of the Tonga Islands, in the South Pacific Ocean: with an orig. grammara. vocabulary of their language. London, 1817. 2 Vol.

Quatrefages A. de. Les Polynésiens et leur migrations. Paris, 1866.

Meinicke C.E. Die Südseevölkern und das Christentum. Prenzlau, 1844.

Peron F. Voyage de decouverts aux Terres Australes. Paris, 1824.

Reisen den Spanier nach der Südsee insbesondere nach der Insel O-Theiti. Berlin, 1802.

Forster G. Geschichte der See Reisen und Entdeckungen in sud Meer. Berlin, 1778–1788.

Essai sur l'isle d'Otahiti, située dans la mer du Sud; et sur l'esprit et les murs de ses habitants. Paris, 1771.

Учитывая, с одной стороны, интерес Миклухо-Маклая к теме расовой классификации, возникший из лекций Геккеля, и прежде всего к вопросу об «исходной форме всех шерстистоволосых темнокожих рас», а с другой — очень раннее появление листка, вклеенного позднее в тетрадь “Ethnologia”, можно заключить, что Африка является тем «недостающим звеном» между путешествием на Канарские острова и отправлением в экспедицию на Новую Гвинею. В целом по тому, как велась тетрадь “Ethnologia”, условно можно датировать перенос основного внимания с Африки на Австралию и Океанию (главным образом на Новую Гвинею) серединой 1869 г., а с антропологии на этнографию — 1873 г., что совпадает с собственными утверждениями Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай II: 95].

Сделаем небольшое отступление, сказав, что уже на этой стадии анализа рукописей Миклухо-Маклая можно было не сомневаться в обманчивости впечатления о его неспособности сосредоточиться на каком-либо одном научном предприятии так, чтобы довести его до конца. В самом начале он создал некую единую схему и впоследствии неуклонно следовал единой стратегии в реализации своих исследовательских интересов в географическом и дисциплинарном плане. На практике в течение многих лет — посредством сбора материалов и их теоретического осмысления — он методично

выполнял первоначально намеченную им программу. Вспомним фразу Миклухо-Маклая в отчете 1877 г.: «Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав» [Миклухо-Маклай V: 552–553]. Однако диапазон его исследований был столь широк, что стороннему наблюдателю («непосвященному») действительно может показаться, что он «разбрасывался», якобы будучи не в состоянии выработать единую линию своих научных изысканий.

Позднее, в 1879 г., Миклухо-Маклай писал: «Видев негритосов, сакай, семанг, папуасов, меланезийцев разных островов Тихого океана, я никак не могу согласиться с сильными выражениями г. проф. Вирхова, который предполагает негритосов абсолютно отличным племенем от всех остальных темных племен Океании, Азии и Африки»¹⁶ [Миклухо-Маклай III: 272]. Возражения Миклухо-Маклая строятся на том, что «совпадение общего физического *habitus*» противоречит использованию преимущественно данных краниологии [Там же].

Из сказанного вытекает, что новизну метода Миклухо-Маклая следует искать в разработке принципов всеобщей классификации рас на материалах конкретного, хотя и очень обширного региона. Он постепенно упрощал свою систему, как бы «забывая» использовать в своих выводах те или иные признаки и таким образом в сформулированном виде или контекстуально решая для антропологии проблему «существенные — несущественные (второстепенные) признаки». В конечном счете он остановился на цвете кожи, форме волос и, по остаточному принципу, форме черепа. Возможно, современная физическая антропология имеет более совершенные методики, но методика Миклухо-Маклая и теоретические выводы, сделанные на ее основе, не выглядят как нечто устаревшее в научном отношении на фоне различных интерпретаций в рамках современного антропологического знания. Приведем несколько примеров.

В современных учебниках по антропологии в качестве основополагающей приводится классификация И. Деникера, опубликованная в 1902 г. Она базируется на понятии «соматологических единиц» (или «теоретических типов»), выделяемых по двум ведущим признакам: форме волос и цвету кожи [Хрисанфова, Перевозчиков

¹⁶ Выступление Вирхова на заседании Берлинского антропологического общества 12 июня 1872 г.

1991: 227]. Ниже мы увидим, что понятие «соматологической единицы» Деникера соответствует понятию «антропологического habitus'a» («общего типа») Миклухо-Маклая, который при классификации рас в первую очередь опирался на форму волос и цвет кожи. Сопоставление взглядов Деникера и Миклухо-Маклая в вопросах антропологической классификации приобретает особый смысл в свете недавнего, казалось бы, чисто библиографического открытия Т.И. Шаскольской. Речь идет о работе Деникера 1883 г., представляющей собой «серьезный библиографический обзор» трудов Миклухо-Маклая, в отличие от «компилятивных биографических очерков» других авторов того времени, которых больше интересовал «своеобразный и привлекательный характер» известного путешественника (см. раздел 4 настоящего издания). Следовательно, можно предположить существование определенной генеалогической связи между взглядами Деникера и Миклухо-Маклая.

Некоторые другие элементы физико-антропологической системы Миклухо-Маклая также принципиально не отличаются от «терминов теорий», созданных антропологами в XX в. Многим элементам его системы можно поставить в соответствие элементы той или иной системы, прочно вошедшей в историю антропологии. Различие касается даже не столько комбинации этих элементов, сколько их маркировки, или терминологии. Можно сказать, теоретические воззрения Миклухо-Маклая *изоморфны* современной антропологической теории.

Последнее замечание касается и многих более частных вопросов. У Миклухо-Маклая была чрезвычайно развита научная интуиция, позволявшая почти безошибочно определять перспективность использования тех или иных понятий. Так, явление, которое он обозначал термином «индифферентность», в современной антропологической литературе именуется «протоморфностью» [Козинцев 2008: 357]. При рассмотрении вопроса о расогенезе в рамках южно-тихоокеанского региона с учетом таких факторов, как стадиальность расообразования, архаичность отдельных черт (например, зубной комплекс), метисация, климатическая адаптация, А.Г. Козинцев приходит к выводу: «Из всего этого следует, что выявление родственных связей групп в данном регионе очень затруднительно. Миклухо-Маклай был прав, говоря о внешнем сходстве аэта и семангов с папуасами. Но прав был и Вирхов, отрицавший родство

этих групп. Сходство тут не свидетельствует о родстве» [Козинцев 2001: 94–95]. Следовательно, нельзя сказать, что набор аргументов и суждений Миклухо-Маклая там, где речь идет о построениях достаточно высокого уровня абстракции, утратил «полемическую остроту». «Маклаевский треугольник» в виде триады «полинезийская — меланезийская — австралийская раса» при соответствующих разбиениях и трансформациях исходного графа сохраняется до настоящего времени. (Ср.: в современной антропологии, с одной стороны, *австралийцы*, тасманийцы, *папуасы* и *меланезийцы* (сахульская стадия), с другой — южные монголоиды, *полинезийцы*, микронезийцы, айны, *азта*, *семанги* и андаманцы (сундийская стадия) [Там же: 94].)

Маклаевская антропологическая триада имеет еще одну особенность. Ее можно представить как эквивалент графа «неукорененное дерево», применение которого было бы полезно даже в наше время, поскольку данный граф не содержит корня. В учебниках по антропологии расовые классификации чаще всего представляют собой граф «укорененное дерево». Это не вполне соответствует состоянию современных знаний, имея в виду то, что принципом научности является повторяемость эксперимента. На общем фоне выгодно выделяется схема расовой классификации в учебнике «Антропология» (1978) Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина, представляющая собой вариант графа «неукорененное дерево» [Рогинский, Левин 1978]. Миклухо-Маклай был, пожалуй, первым, кто интуитивно описывал антропологическую «систему родства» без указания общего «предка», ограничиваясь только отражением связи «листьяев». Согласно известному положению, связи между выделяемыми расовыми типами обнаружить проще, чем направление эволюции. Для сравнения укажем, что Геккель в то же время и в той же ситуации пытался (как известно, безуспешно) применить граф «укорененное дерево».

Из определения «индифферентного родоначального племени», к которому Миклухо-Маклай возводил негроидную и папуаскую (меланезийскую) расы [Миклухо-Маклай I: 334], извлекается граф, сходный с графом Рогинского–Левина. У Миклухо-Маклая объединение «негров» и «папуасов» эквивалентно понятию большей экваториальной расы, в противоположность евразийской (европеоидной) и азиатско-американской (монголоидной). На рис. 4 эти расы обозначены цифрами в порядке упоминания.

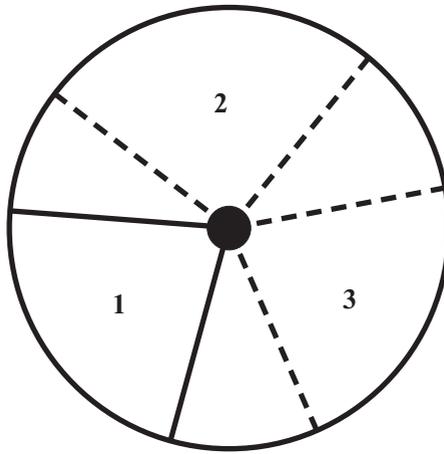

Рис. 4

Как известно, метод есть обратная сторона теории, следовательно, по используемому методу всегда можно реконструировать соответствующую теорию в качестве набора «протокольных предложений». С этой точки зрения нельзя утверждать, что Миклухо-Маклай «избегал широких выводов и обобщений». Во всяком случае если он избегал «обобщений» в строгом смысле слова, то это не так плохо, поскольку научную теорию в принципе невозможно построить путем обобщения. Любая теория возникает из абстрагирования реальности, в результате которого конструируется ряд теоретических объектов. Какие теоретические объекты удалость сконструировать Миклухо-Маклаю в области физической антропологии?

На первое место следует поставить введение им понятия антропологического типа, который он называл «антропологическим habitus'ом» [Миклухо-Маклай II: 417, 428]. В «Программе предполагаемых исследований во время путешествия на острова и побережья Тихого океана», которая была представлена на общем собрании Географического общества 7 октября 1870 г., Миклухо-Маклай упоминает о «многократных разговорах» с «разными специалистами по зоологии и анатомии», как то: Гексли, Гегенбауэр, Геккель, Вирхов, Гартман. Из этих бесед он «мог прийти к заключению, что *черепу и его форме далеко нельзя придавать такого значения, каким они пользовались в прежнее время*. Все эти ученые были *согласны*, что до сих

пор мало еще обращали внимание на исследование (в особенности микроскопическое) *волос и кожи* разных рас, а также на *форму и величину разных частей тела*. Разумеется, исследуя целый “*habitus*” человека какой-нибудь расы, следует обращать должное внимание и на череп; но *отдельный путешественник* (курсив мой. — П.Б.), собирая черепа, собирает только частичку того материала, который со временем только приведет, может быть, к более широким выводам. На долю же *зоолога, имеющего случай наблюдать и исследовать людей различных рас живыми*, выпадает исследование признаков, которые, может быть, еще менее постоянны, чем костяной остов человека; но в совокупности они могут дать более *полную и верную характеристику расы*, чем один череп, его размеры и кое-какие заметки о цвете кожи и волос» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 302]. Весьма характерна оговорка, что ученые, с которыми он обсуждал эти вопросы, «были согласны» с положениями, несомненно выработанными самим Миклухо-Маклаем. Эти положения можно резюмировать следующим образом: необходимость исследовать «целый “*habitus*”» человека определяется задачей дать «полную и верную характеристику расы». При этом надо подчеркнуть идею недостаточности краниологии без данных соматологии («наблюдения и исследования людей различных рас живыми»).

Такая постановка вопроса является косвенным способом определения предмета физической антропологии как дисциплины, изучающей изменения биологической «наружности» человека во времени и пространстве. В этом контексте основная задача, которую решал для себя Миклухо-Маклай, состояла в установлении границ между антропологией и (сравнительной) анатомией. Синонимичность понятий «антропология» и «анатомия» была одним из признаков зачаточного состояния антропологических знаний того времени. Об этом можно судить, например, по тому, с каким серьезным видом обсуждался вопрос о «малости» мужского полового органа у меланезийцев в сравнении с «чрезмерной величиной» этого органа у негров в качестве определителя «зоологического характера расы» [Миклухо-Маклай II: 109–110].

В первые годы исследований антропология для Миклухо-Маклая однозначно являлась синонимом анатомии. В частности, в одном из цитировавшихся выше текстов встречается фраза об изучении папуасов с антропологической (в скобках — анатомической. — П.Б.) стороны [Там же: 95]. Это неслучайная оговорка.

Отмечая «примордиальность» состояния физической антропологии, Миклухо-Маклай сводил ее к понятию «сравнительной анатомии человеческих рас» (“Rassenanatomische Studien”), поэтому для него основным методом было «анатомическое исследование у секционного стола» [Миклухо-Маклай III: 273; V: 217]. В 1877 г. он настоятельно предлагал Вирхову «что-нибудь сделать для продвижения расово-анатомических исследований»: «Я обращаюсь с этими предложениями к Вам, глубокоуважаемый господин профессор, потому что думаю, что у Вас уже давно сложилось понимание настоящей необходимости анатомии человеческих рас как основы антропологии...» [Там же].

По логике тогдашних представлений, в рамках «сравнительной анатомии человеческих рас» внимание фокусировалось на «энцефалологии». Как писал М.Г. Левин, «в антропологии того времени не вызывали сомнения определенные расовые отличия в строении борозд и извилин, которые трактовались как проявления я “низших” и “высших” типов» [Левин 1960: 75]. «Считая исследование мозга людей темных рас делом первой важности для антропологии, — писал Н.Н. Миклухо-Маклай в 1879 г. секретарю Русского географического общества, — я не пропустил ни одного смертного случая в госпитале и имел удовольствие добыть таким образом шесть экземпляров мозга туземцев островов Тихого океана (меланезийцев)» [Миклухо-Маклай V: 217].

Можно взять другой пример из письма Вирхову 1880 г.: «Изучение мозгов представителей различных человеческих рас... привело меня к тому мнению, что существуют не незначительные особенности, которые можно, как я думаю, истолковать *не только как индивидуальные различия*» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 247]. Данное письмо особенно интересно трактовкой вопроса. Миклухо-Маклай, в целом следуя наличной парадигме, не исключал возможности (очевидно, в виду единичности данных), что наблюдаемые различия носят не расовый, но индивидуальный характер. Ради чистоты эксперимента он послал фотографии мозгов австралийца, тагала и китайца без подписей, чтобы иметь независимое мнение Вирхова, являются ли наблюдаемые различия в расположении извилин «более, чем индивидуальными», в частности в плане относительной «высоты типа» [Там же]. Более того, он, явно имея в виду «высоту» культуры, ставит перед Вирховым такой вопрос: «*Какой из трех мозгов (А.И.С.) могли бы Вы обозначить как принадлежащий монголу,*

австралийцу и малайцу (тагалу)?» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.) [Там же]. «Ваш почтенный ответ, — писал Миклухо-Маклай, — которого я жду с нетерпением, внесет важные поправки в мое суждение о степени различия данных мозгов, на которое, возможно, повлияло мое знание рас, к которым принадлежали владельцы 3-х мозгов» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Из последующих писем доподлинно неизвестно, прочел ли Вирхов этот тест, как неизвестен и ответ самого Вирхова. Разумеется, если исходить из современных знаний, результат должен быть отрицательным. В философии науки это называется *решающим*, т.е. *парадигмообразующим, экспериментом*. Впоследствии Миклухо-Маклай не оставлял исследований мозга, но интерес к этому вопросу как индикатору расовой принадлежности у него явно угас [Там же: 365]. На практике это означало изменение существующей парадигмы.

Гипотеза о существовании «низших» и «высших» типов строения борозд и извилин мозга включала представление о том, что расовые (физические) отличия проявлялись в различии «умственных способностей». В качестве примера приведем одно из высказываний Крофорда, авторитетного в те времена антрополога, на которого Миклухо-Маклай ссылаясь по более конкретным антропологическим вопросам: «Соединение высших и низших видов человеческой расы дает промежуточное по свойствам потомство. Отпрыск скандинава и негра ниже по отношению к первому и выше по отношению ко второму. Отпрыск англичанина и австралийца является выродждением для англичанина и до некоторой степени улучшением для австралийца. Метис гораздо ниже испанца, но много выше краснокожего индейца. Плод союза китайца и малайца... есть ухудшение в китайце и улучшение в малайце» [Crawford 1861: 356–357]. Как и подавляющее число современников, Крофорд путал более высокое положение метисов в обществе в отношении доступа к ресурсам господствующей или доминирующей группы (образование, воспитание, экономические выгоды и т.п.) с улучшением «породы» в плане умственного развития. В начале карьеры антрополога эта (в настоящее время кажущаяся очевидной) ошибка с определением «уровня умственного развития» вкралась и в систему взглядов Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай III: 6]. Однако в 1880-е годы Миклухо-Маклай отошел от этой концепции чисто экспериментальным путем, связывая тезис об «улучшении» расы путем смешения только с физическими характеристиками. По его мнению, «изучение

акклиматизации белых под тропиками доказывает, что раса эта в состоянии будет существовать только при помощи скрещенния с туземными расами...» [Там же: 342].

Одним из «родимых пятен» домаклаевской эпохи было пользование данными лингвистики в роли инструмента, с помощью которого очерчивались границы между расами или их подразделениями для последующих выводов о степени родства между ними. Именно с этой целью Миклухо-Маклай собирал словари исследуемых им групп населения. Примеров тому множество. Приведем один из них. «Это сходство между племенами, — писал Миклухо-Маклай в 1874 г., — очень расширяет поле исследований; но вместе с большей трудностью является большее этнографическое значение этих исследований. Антропологические наблюдения, а также собирание словарей сохранившихся наречий, вероятно, приведут к более удовлетворительным результатам, чем которыми мы довольствовались до сих пор» [Там же: 71]. Взаимное наложение предметов этнографии, антропологии и лингвистики выглядит вполне в духе Причарда, но упоминанием антропологических исследований в связке с собиранием словарей Миклухо-Маклай отдает дань именно физической антропологии того времени (не будем сбрасывать со счетов тот факт, что наряду с интересом к предполагаемым различиям в строении мозга исследователи проявляли немалый интерес к анатомическим различиям органов речи).

Приведенное высказывание ставит вопрос о том, в каких контекстах Миклухо-Маклай употреблял термин «племя». Во многих случаях термин «племя» у него выступает как эквивалент термина «раса», но в других, в том числе в данном случае, термин «племя» используется в качестве обозначения подразделений одной расы. Здесь уместно вспомнить название одной из ранних работ Бэра — «О происхождении и распространении человеческих племен» (1822). По Далю, понятие племени определяется так: «В обширном значении: вид животных. Вся племена земная. Племя человеческое, все люди... Народ, язык, совокупность местных уроженцев...» [Даль 1880]. Такое «антропологическое» определение понятия племени удерживалось в российской науке еще довольно долго. Еще в 1916 г. Анучин писал: «...мы знаем, что народность (или народ), племя и раса — понятия весьма различные; принадлежность к известной народности обосновывается на общей культуре, истории, народном самосознании; принадлежность к известному племени обуславлива-

ется общностью языка, принадлежность к одной расе — общностью физического (антропологического) типа» (курсив мой. — П.Б.) [Анучин 1918: 51–52].

Без учета этих контаминаций терминов «народ», «племя» и «раса» рассуждения Миклухо-Маклая довольно сложно перевести на современный язык: в антропологической терминологии его времени «раса» делится на «племена», а «племена» отличаются языковой общностью («антропологическое племя» ≠ «племя как единица социальной организации»). Кроме того, определения Анучина позволяют внести некоторые поправки, касающиеся значения понятия антропологического типа, или *habitus'a*, по Миклухо-Маклаю. Если в настоящее время термин «антропологический тип» служит для обозначения единицы населения, то в конце XIX — начале XX в. он соответствовал понятию «общего типа», противопоставляемого «вариантам» в виде «племен», или «разновидностей» расы.

Поскольку антропологические и этнографические интересы Миклухо-Маклая пересекались, его примечательной особенностью как исследователя стало то, что этнографический опыт оказывал обратное влияние на воззрения в области физической антропологии. Антирасистские положения, из которых он исходил (или к которым он пришел), во многом являются результатом его этнографических исследований.

Еще одно характерное высказывание Миклухо-Маклая касается интеллекта «диких» народов. «Осмотр моей этнологической коллекции, которую я подарил Имп. Академии наук, — писал Миклухо-Маклай, — может убедить каждого, что меланезийцы вообще очень способны. Живя между ними, я каждый день убеждался в этом. Их разнообразные постройки, разноформенные пироги, оружие, ловушки служат тому *доказательством*. Процветание школ, устроенных миссионерами на разных островах Меланезии, быстрые успехи, которые делают дети меланезийцев, вполне подтверждают мой отзыв. Один миссионер, имевший школу для туземцев в Новой Британии, сообщил мне, что обитатель этого острова обнаружил самые блестящие способности по математике. Молодые меланезийцы, обученные в школах, устроенных миссионерами, выказывают большую любознательность и желание учиться» [Миклухо-Маклай III: 336–337].

В этом пункте мы подходим к вопросу о «дарвинизме» Миклухо-Маклая и вместе с тем к вопросу о его, безусловно, отрица-

тельном отношении к концепции умственной неравноценности рас. На последний вопрос мы отчасти уже ответили, рассматривая его интерпретации этнографических фактов. Однако решительный ответ лежит в более широкой сфере постановки «философского» вопроса того времени, касающегося «места человека в природе» (“sogenannte Frage ‘der Stellung des Menschen in der Natur’”, как выразился однажды Эрнст Геккель [Haeckel 1903: 3]).

Так, совсем недавно А.Я. Массов обнаружил, что на всех четырех сохранившихся экземплярах брошюры «Сообщение о путешествиях Миклухо-Маклая» (1887) имеется автограф в виде собственной правки Миклухо-Маклая, ранее не отмечавшийся при издании его трудов: «На с. 7 подаренного великому князю издания в предложении “Между интересными и малоизвестными жителями Новой Гвинеи наиболее интересным представляется мне туземец Новой Гвинеи, *hoto rapua*” Н.Н. Миклухо-Маклай аккуратно, теми же чернилами, которыми написано посвящение Константину Николаевичу, зачеркивает слово “жителями” вписывает “животными”» [Массов 2013: 114]. В газете «Голос», опубликовавшей этот текст в 1882 г., тоже стоят «животные», и лишь в 5-м выпуске «Известиях РГО» в 1882 г. оно заменено словом «жители» [Там же]. Вопрос ставится так: «Каковы были научные, а в связи с упоминанием “животных”, и общественно-политические взгляды Н.Н. Миклухо-Маклая?» [Там же: 115]. Следовательно, подразумевается, что подобная правка вступает в явное противоречие с тем общепризнанным фактом, что Миклухо-Маклай «ни в коей мере не был расистом».

На вполне логичный вопрос, заданный А.Я. Массовым, будет проще ответить, если сформулировать его в таком виде: не является ли факт сознательного использования термина «животные» по отношению к *Hoto rapua* формой противопоставления «людей» («белой расы») и «животных» («темных рас»)?

Высказывания о «животных» в работах Миклухо-Маклая встречаются не однажды. Ср., например: «Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, *уровнем их умственного развития* и т.д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, *наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание*» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай I: 3]. Миклухо-Маклай всегда подчеркивал, что, занимаясь антропологией, т.е. изучая *habitus* людей различных рас, он высту-

пал как зоолог, специалист по сравнительной анатомии животных, интересующийся поиском определителей «зоологического характера расы» (в данном случае зоология означает строгий научный метод) [Миклухо-Маклай II: 109–110; III: 302; V: 41–43]. В этом скорее методическом вопросе он, вероятно, полемизировал с Бэрмом, который откровенно сомневался в продвижении познания человеческого рода за счет того, что к нему будет приложена «внешняя форма зоологической системы, без внутренних условий этой внешней формы» (цит. по: [Левин 1960: 34]).

«Зоологическая» терминология Миклухо-Маклая применительно к людям не имеет никакого отношения к его «общественно-политическим взглядам»¹⁷. Обычная научная риторика того времени. Он именовал людей «животными» исключительно в контексте физико-антропологических наблюдений, причем для него «животными» являлись, конечно, представители всех человеческих рас. Редактор, исправивший в тексте Миклухо-Маклая слово «животными» на слово «жителями», сделал это, скорее всего, не потому, что был сторонником идей Чернышевского, а потому что был противником идей Дарвина. Таким образом, внося правки своей рукой, Миклухо-Маклай сделал скрытую ссылку на учение Дарвина, по крайней мере в той его части, которая говорит, что человек происходит из животного мира. Как известно, в те годы Дарвин как автор научных трудов в России был нежелательной персоной. О том, что

¹⁷ В статье А.Я. Массова как на ошибку указывается также на то, что в рассматриваемой публикации Миклухо-Маклай относил папуасов Новой Гвинеи к полинезийцам [Массов 2013: 115]. Это мнение соответствует стандартам пяти- и шеститомного собрания сочинений. Вероятнее всего, использование термина «полинезийцы» является реликтом терминологии, идущей от Уоллеса и других авторов (например, Причарда). Тогда папуасов вместе с полинезийцами относили к «одной большой океанийской, или полинезийской, расе». В тетради “Ethnologia” есть соответствующая выписка из книги Уоллеса, отмеченная знаком “NB” на полях (см. рис. 5) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 3]. Слова «Океания» и «Полинезия» были синонимами. В статье «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований» есть фраза: «Новая Гвинея по своему положению составляет центральное звено при исследовании органической природы Полинезии...» [Миклухо-Маклай III: 8]. Таким образом, называя папуасов полинезийцами, Миклухо-Маклай имел в виду, что они являются океанийцами. Никакой корректуры здесь не требуется.

Миклухо-Маклай прислушивался к Дарвину, можно судить по вставке в «Программу» 1870 г. списка вопросов последнего относительно «физиогномических» наблюдений.

В целом не так просто дать точное описание, насколько последовательно и в каких частях Миклухо-Маклай исповедовал моногенизм или полигенизм, креационизм или дарвинизм. Это, пожалуй, две главные компоненты, на которые проецировались элементы различных систем научных взглядов, существовавших в эпоху Миклухо-Маклая. Но в те времена между крайними точками зрения существовало столько градаций, сколько ученых.

В беседе с корреспондентом «Дейли телеграф» в 1885 г. Миклухо-Маклай на первое место поставил требование «самого строгого уважения всех прав туземцев как “людей”, как членов “рода человеческого”» [Миклухо-Маклай V: 543]. Далее он сказал: «Последняя и, я думаю, еще более веская причина того, что я прошу признания автономии туземного правительства (несомненно, под международным контролем), заключается в убеждении, что уже наступило или скоро наступит время, когда цивилизованные державы будут обращаться с туземцами всех частей света (я имею в виду темные расы) с учетом их полного права пользоваться всеми преимуществами международного права, а не как с дикими животными, которых следует приручить к неволе или истреблять как опасных зверей» [Там же]. Безусловно, эти высказывания являются научным «символом веры» Миклухо-Маклая, но в плане приверженности концепции единства человеческого рода с позиций оценки его отношения к креационизму или полигенизму они мало о чем свидетельствуют. Например, к какой теории можно отнести тезис о существовании «географических разновидностей» человечества: к теории моногенизма или полигенизма?

Если Миклухо-Маклай и избегал «широких выводов и обобщений», то это касается вопроса о происхождении человека от человекообразных обезьян. Выше уже говорилось, что, согласно выводам Миклухо-Маклая, «папуасы, как и негры, очень измененное племя, происшедшее от индифферентного родоначальн[ого] племени с курчавыми и прямыми волосами» [Миклухо-Маклай I: 334]. Это можно сравнить с другим положением: «Известно, что низшие организмы по своей индифферентности могут гораздо лучше, с большим успехом, переносить изменения внешних условий, чем организмы более сложные, которые гораздо медленнее осваиваются

с происшедшею переменою» [Миклухо-Маклай V: 48]. Однако вслед за утверждением о происхождении папуасов и негров от «индифферентного первоначального племени» с новой строки идет не совсем понятная фраза: «Также неверно, что человек — животное с гладким лбом» [Миклухо-Маклай I: 334]. *Так же* неверно, как *что*? Но это, пожалуй, единственное высказывание, выражающее мнение Миклухо-Маклая относительно того, где проходит граница между человеком и его животным предком.

Кажется правдоподобным предположение Д.Д. Тумаркина: «Если Геккель, вслед за Дарвином, видел в эволюции прежде всего прогресс, переход от низших форм к высшим в процессе естественного отбора, то его даровитый ученик, следуя в этом вопросе за Бэром, понимал развитие как дифференциацию, т.е. переход от недифференцированной исходной формы к иным формам, необязательно высшим [Тумаркин 2011: 81]. Это в целом укладывается в систему представлений Бэра, критиковавшего концепцию Дарвина с позиций принципа «целеустремленности в природе», но не допускавшего уступок креационизму. Также это не особенно противоречит и взглядам Вирхова, который принимал дарвиновскую идею естественного отбора, но только на правах гипотезы, говоря об отсутствии доказательств перехода от неорганического к органическому, от физического к ментальному и предостерегая от замены догматов церкви «религией эволюции» в вопросе происхождения человека [Virchow 1878: 54–55, 57].

Более очевидной кажется позиция Миклухо-Маклая в отношении проблемы «промежуточного звена». Возможно даже, что результаты своих антропологических исследований он трактовал с помощью теории Бэра.

«Особо, — писал М.Г. Левин, — следует отметить наблюдения Миклухо-Маклая, касающиеся строения ноги у папуасов. Дело в том, что в антропологической литературе того времени немало писали о примитивных особенностях темнокожих рас, сближающих их с обезьянами. Этот ложный взгляд разделял и Эрнст Геккель, видевший в темнокожих расах промежуточное звено между антропоморфными обезьянами и белым человеком. У папуасов в качестве таких признаков “примитивного” анатомического строения отмечали слабое развитие икроножной мускулатуры и оттопыренного большого пальца на ногах.

Миклухо-Маклай установил, что икроножная мускулатура развита у папуасов вполне нормально, что же касается положения большого пальца, то оно является не их наследственной расовой особенностью, а следствием образа жизни, особых приемов труда: папуасы пользуются правой ногой для зажимания различных предметов, при рыбной ловле и т.д.» [Левин 1960: 64–65].

На первый взгляд, Миклухо-Маклая можно было бы отнести к представителям так называемого расиализма — концепции, в словарном значении слова отличаемой от расизма отсутствием «презюмции расового превосходства и вредных намерений», провозглашением принципа «отдельное существование при соблюдении равенства в правах». Иногда расиализм («расовую категоризацию») называют «научным расизмом». Более правильным кажется следовать за С.А. Токаревым, который называл подобные системы взглядов «наивно расистскими представлениями» [Токарев 1978: 32]. Это суждение верно, так как расиалистские концепции на основе указанных признаков возможно отделить от расистских концепций — и тем самым «оправдать» — только в условиях эмбрионального состояния физической антропологии, когда расовые (физические) и культурные (цивилизационные) различия рассматривались как взаимосвязанные величины. Однако Миклухо-Маклай уже тогда воспринимал расовые особенности независимо от уровня развития культуры (см. ниже о совпадении его взглядов по этому вопросу со взглядами Уоллеса).

Для сравнения обратимся к доказательству от противного. В литературе уже давно принято противопоставлять Миклухо-Маклая как борца с расизмом Джеймсу Ханту. Ханта, основателя Антропологического общества в Лондоне (1863–1869), вполне заслуженно относят к числу ученых, проповедовавших откровенно расистские взгляды, однако за компанию с ним расистами в режиме умолчания объявляют всех без исключения членов упомянутого общества.

Вот о чем говорил Хант, касаясь вопроса единства человечества, на первом заседании Антропологического общества: «...мне кажется, что мы совершаем ошибку, группируя все различные расы человека под одним общим (genetic) именем, а затем сравниваем их с человекообразными обезьянами. Если мы хотим хоть как-нибудь

продвинуться в обсуждении этого вопроса, мы не должны говорить о человеке вообще (*generally*), но должны выбрать одну расу или вид и посредством этого сосредоточить наше внимание. Я буду придерживаться этого плана, сравнивая негра с европейцем, таким, каким он представлен немцами, французами и англичанами» [Hunt 1863: 3]. Утверждая это, он вступил в полемику с Причардом, известным сторонником идеи единства человеческого рода, процитировав высказывание из его книги «Исследования по физической истории человечества» (1813): «Следует заключить, что процесс природы в человеческих видах — это трансмутация черт негра в черты европейца, или *эволюция* белых признаков (*varieties*) в черных расах людей» (курсив мой. — П.Б.) (цит. по: [Hunt 1863: 4]).

По мнению Причарда, существуют факты, подтверждающие изменение в данном направлении, но не в обратном: негры представляют первоначальное племя людей (“*primitive stock of men*”) (цит. по: [Ibid.]). В связи с этим Хант указывает на то, что Блюменбах и Причард, будучи адвокатами единства человечества (*unity of man*), существенно противоречат друг другу. Блюменбах видит в своих пяти *varieties* человека не что иное, как следы вырождения некоторого идеального, совершенного типа; Причард не обнаруживает никаких оснований для подобных утверждений [Ibid.]. Заметим, что на этом этапе развития своих взглядов Хант принципиально ни в чем не отклоняется от тех стандартов при постановке вопроса о единстве человечества, которые были приняты научным сообществом в целом: моногенизм и полигенизм (ср. современные понятия моноцентризма и полицентризма). Дискредитировал он себя позже, когда в 1865 г. опубликовал статью, в которой путем явно недобросовестного обращения с фактами доказывалась эволюционная неполноценность представителей негроидной расы [Hunt 1865: 1–64].

Меньше известно о том, что в 1867 г. появилась третья статья Ханта, которая и стала настоящим концом его научной карьеры. Она называлась «О физиоантропологии, ее целях и методе». В ней он выступил с положением о том, что антропология, или наука о человеке, как отрасль биологии должна быть разделена на «доктрину форм» и «доктрину функций». Из этого, по его мнению, вытекает существование двух отдельных дисциплин — физиоантропологии, или доктрины функций, и физической антропологии, или доктрины форм человечества [Hunt 1867: cсiij]. Но — самое главное —

в физиоантропологию он включал психологию, френологию и физиологию мозга [Ibid.]. Собственно говоря, на френологии Хант и попался. На заседании Антропологического общества его теория была подвергнута полному разгрому. Уоллес выразил несогласие прежде всего с той частью работы Ханта, которая касается френологии. Он подчеркнул, что антропологи до сих пор рассматривали ментальные свойства и физические различия человечества как изолированные явления [Wallace 1867: cclvi]. Другие участники дискуссии говорили примерно то же самое: демонстрируя верный (т.е. общепринятый в то время) метод исследования, Хант проявил удивительное непонимание того, что френология является лженаукой [Journal 1867: ccxlv]. Некоторые вообще называли его дилетантом (“dilettant observer”), имея в виду непрофессиональное обращение с эмпирическими фактами [Ibid.: cclii].

Миклухо-Маклай оказался в Лондоне только в 1870 г., когда Антропологическое общество уже прекратило свое существование. Однако ясно, что в своих антропологических исследованиях (и посредством них) он солидаризировался с критиками Ханта. В частности, он всегда исходил из только что процитированного мнения Уоллеса, работы которого упоминаются и в его тетради “Ethnologia”, и в «Программе», зачитанной на заседании РГО в 1870 г.

Итак, мы приходим к тому, что легче определить не то, кем был Миклухо-Маклай, а то, кем он *не был* — и *в чем* именно. Очевидно, что он не был откровенным креационистом. Полигенистом он не мог быть, поскольку не связывал индекс умственного развития людей с расовыми особенностями. Дарвинистом в полном смысле этого слова он, вероятно, тоже не был, поскольку придерживался концепции дифференциации, а не естественного отбора. Вместе с тем в «Этнологических заметках», касаясь проблемы возникновения языка, он ссылаясь на немецкий перевод книги Дарвина “Die Abstammung des Menschen und die geschlechtliche Zuchwahl” (Stuttgart, 1871)¹⁸. Моногенистом он, вероятно, не был в той мере, в которой принимал и развивал концепцию географических разновидностей человечества. Расистом он, разумеется, быть вообще не мог, так как

¹⁸ Опять-таки, поскольку «Этнологические заметки» были впервые опубликованы в 1873 г., становится довольно сложно утверждать, что Миклухо-Маклай в течение долгих лет своих странствий был оторван от европейского научного сообщества.

полностью отвергал концепцию умственной неравноценности рас, в частности, явно отрицал положение, согласно которому темные расы занимают промежуточное положение между белой расой и человекообразными обезьянами, а расалистом (в отличие от многих почтенных современников) он не был в силу того, что свою общественную деятельность строил на принципах, противоположных концепции раздельного существования рас. Впрочем, его основные интересы лежали в такой плоскости (построение моделей конкретных наук, постановка экспериментов), что перечисленные глобальные противопоставления не могли оказывать серьезного влияния на результаты его исследований.

Если попытаться охарактеризовать систему его взглядов в краткой форме, то по своим научным воззрениям ему ближе всего «осторожный» Рудольф Вирхов, за спиной которого можно разглядеть фигуру Карла Бэра на фоне достижений (или ошибок) английских эволюционистов. При желании создать более подробный «портрет ученого» превращение «негативного» изображения в «позитивное» возможно средствами построения частных схем взаимодействий или *табуляции* систем научных взглядов тех ученых, которые предположительно могли оставить наиболее глубокий отпечаток на его научном мировоззрении: Причарда, Бэра, Дарвина, Геккеля, Гексли, Вирхова и др. Такие работы встречаются, но крайне редко (см. выше: [Бутинов 2001: 5–10]). В результате последовательного наложения полученных графов на общий рисунок исследований Миклухо-Маклая должна возникнуть целостная картина его теоретических воззрений, которая выявит связи между, казалось бы, автономными элементами «изображения» (отдельными выводами и высказываниями). Возможно, он сам не артикулировал такие связи, сосредоточившись на практическом применении тех или иных теоретических посылок путем скрытого цитирования.

Общим итогом антропологических изысканий Миклухо-Маклая можно считать заметное повышение уровня физической антропологии, изменение способа аргументации («дискурса»), а лучше сказать, прагматики и в целом создание карты терминов и понятий, близкой к современной. Действительно, в его работах мы не найдем прямых указаний на какие-либо теоретические предпочтения, однако, избегая «широких обобщений», он лишь миновал все те заблуждения, которые современная наука отбросила в качестве исторического «шлака». Образно говоря, он напрямую «переташил»

антропологию из середины XIX-го в XX-й век. Конечно, система его теоретических воззрений не могла быть совершенной относительно того комплекса знаний, которым мы пользуемся в настоящее время (теория антропогенеза, генетика, приматология и пр.). Но в момент своего рождения любая новая теория — даже при достаточной оснащённости первичными эмпирическими открытиями — выглядит «гадким утенком». Для нас важен не столько вопрос, является новорожденная теория «совершенной» или «несовершенной», сколько вопрос, содержит она в себе потенциал для дальнейшего «развития и уточнения» или нет.

Для этнографов более существенной является обратная сторона антропологических исследований Миклухо-Маклая: выделение предметной области этнографии, превращение ее из нечеткого в четкое множество, ибо, совершенствуя антропологический понятийный аппарат, он неизбежно все более отдалял этнографию от (физической) антропологии, освещая ее область отраженным светом антропологических исследований. «Маклаевская диада» возникла раньше «анучинской триады» и, как кажется, пережила ее в истории отечественной науки.

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ.
«ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ТРУД
ПО ЭТНОЛОГИИ МЕЛАНЕЗИЙЦЕВ»**

Приходится еще раз высказаться о пресловутом «приземленном эмпиризме» Миклухо-Маклая. Действительно, он не старался изъясняться наукообразно, не стремился увековечить свое имя с помощью издания искусственно созданных фолиантов или претенциозных формулировок, но в его работах можно найти множество ясно выраженных идей (теоретических объектов), которые впоследствии «запатентовали» на свое имя другие выдающиеся ученые-этнографы.

Миклухо-Маклай на практике ввел понятие этнографического источника, рассматривая полевую этнографию как специализацию внутри профессии «этнография» в целом, как особый род деятельности, связанной с созданием эмпирического базиса данной науки. Во времена Миклухо-Маклая (в обстоятельствах, предлагаемых ему эпохой) не существовало как таковой традиции монографического описания отдельных культур. Отдельные культуры конструировались из разрозненных сведений в виде глав или разделов многотомных изданий с целью выработки глобальных схем строения человечества в целом. Этнология начиналась с так называемого кросс-культурного анализа. Следовательно, в момент «объявления о возникновении» это научное направление в основных аспектах было уже сущей архаикой, реликтом допарадигмального состояния этнологии в плане традиции изучения «истории народов».

Сохраняя в общих чертах существующую форму этнологии, Миклухо-Маклай наполняет ее новым содержанием, противопоставляя этнологию этнографии как «историю народов» и как науке (искусству) описания отдельных народов. Тем самым он неявным образом исходил из тезиса о необходимости различать два уровня — эмпирический (полевые исследования) и теоретический, предполагающий использование сравнительного метода для выводов о соот-

ношении отдельных культур («народов», «наций») во времени. В известном смысле, суммировав «антропологию» Вайца (создание сводов данных) и «этнологию» Причарда (историю рас), Миклухо-Маклай умножил результат сложения на собственный опыт полевых исследований, определив двойную структуру, в одних странах называемую этнографией, в других — этнологией в зависимости от того, на чем делается акцент в отношении «поле — кабинет» («курица или яйцо?»). Даже интуитивно выбранная модель исследования неизбежно становится моделью предмета исследования.

В этом, как и во многих других случаях, Миклухо-Маклай строил свои полевые исследования так, как будто был знаком с работами Малиновского или присутствовал на его лекциях. Полвека спустя, ссылаясь на сложившуюся в науке практику словоупотребления, Малиновский использовал термин «этнография» для обозначения эмпирических (описательных) исследований в области «науки о человеке», а термин «этнология» относил к компаративным («спекулятивным») теориям [Malinowski 1922: 9]. По его выражению, этнология вводит закон и порядок в то, что кажется хаотическим и бессмысленным, трансформируя чувственный мир случайного и представляя его в виде множества организованных сообществ, *поведение* членов которых подчиняется определенным принципам [Ibid.].

В системе высказываний Миклухо-Маклая термины «этнография» и «этнология» сосуществуют таким образом, что не всегда возможно описать значения, в которых они употребляются как совершенно различные. Однако общей тенденцией, проявляющейся в том числе и в названиях работ, можно считать, что слово «этнология» у него ассоциировалось с идеей сравнения, или анализа, отдельных культур — либо синхронического, либо диахронического. В заметке «Еще о некоторых этнологически важных обычаях папуасов Берега Маклая в Новой Гвинее» (1874) Миклухо-Маклай рассматривает те явления, которые, по его мнению, указывают на наличие или отсутствие связей культуры папуасов Берега Маклая с культурами жителей Полинезии и Микронезии: употребление кавы, операция обрезания, обычай табу, обмен именами, правила этикета («выражения почтения при приеме важного гостя»), культ священных камней [Миклухо-Маклай III: 107–109]. В заключение он отмечает: «Я бы мог привести еще несколько обычаев, общих полинезийцам, микронезийцам и меланезийцам Новой Гвинее, но отлагаю это за недостатком времени до подробного описания жи-

телей Берега Маклая и их обычаев» [Там же: 109]. Таким образом, взаимоотношения между «этнологией» и «этнографией» выстраиваются по схеме «общее — частное».

Свои коллекции по традиционной культуре населения исследуемых им регионов Миклухо-Маклай предпочитал называть этнологическими [Миклухо-Маклай V: 446–447, 472, 551]. Видимо, этим он стремился подчеркнуть их научный характер в связи с противопоставлением целей систематического собирания примитивному коллекторству. Как он подчеркивал, «следует главным образом обращать внимание не на собирание коллекций, а на *собирание наблюдений*» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.), с тем чтобы собрать «достаточно верные сведения о назначении, употреблении и смысле собранных предметов» [Там же: 552].

В 1886 г. на одном из своих публичных выступлений при характеристике своей главной задачи Миклухо-Маклай привел мнение Рудольфа Вирхова по поводу *сохранения* «примитивных народностей» при помощи научной литературы о культуре [Там же: 556–557]. Приводя эту фразу Вирхова, Миклухо-Маклай имел в виду его работу, вышедшую в свет в 1875 г. [Virchow 1875: 584]. Безусловно, данная статья Вирхова оказала на Миклухо-Маклая такое же влияние, как несколькими годами ранее книга Причарда, как бы завершая его образование. Если перелом в сознании Миклухо-Маклая, о котором пишет Д.Д. Тумаркин, действительно имел место, то это должно было произойти после знакомства со статьей Вирхова. Задавая вопросы относительно “Culturgeschichte”¹⁹, Вирхов подчеркивал: теоретически возможно как одно, так и другое [Ibid.: 572]. «Одно» — это теория развития человеческой культуры Тэйлора («эволюционизм»), «другое» — будущая теория заимствований явлений культуры («диффузионизм»).

Однако из этого не следует, что Миклухо-Маклай лишь слепо следовал заученным схемам. Система терминов и понятий Миклухо-Маклая близка к современной, тогда как система Вирхова безнадежно устарела с точки зрения деления предмета исследования и соответствующих дисциплин. Во-первых, Миклухо-Маклай учился не только у Вирхова, но и у многих других выдающихся современников (см. ниже о сходстве некоторых высказываний Миклухо-Маклая с высказываниями Эдуарда Тэйлора). В чем-то они были

¹⁹ См. раздел 2 настоящей книги.

для него учителями, а в чем-то — просто коллегами. Во-вторых, те или иные идеи он мог сформулировать совершенно самостоятельно, анализируя труды предшественников или пользуясь собственным опытом работы среди исследуемого населения. Например, идея сохранения традиционной культуры в этнографических источниках как своего рода «капсулах времени» в общих чертах была сформулирована Миклухо-Маклаем несколькими годами раньше, еще по пути в Новую Гвинею²⁰, на основе чтения существовавших тогда описаний путешествий. Главный упрек Миклухо-Маклая в адрес авторов подобных работ касается недостоверности данных, неполноты и нецелостности.

Задавая систему правил создания этнографического источника над множеством этнографических явлений, Миклухо-Маклай одновременно определяет его основное свойство — *сохранять* традиционную культуру в виде ее подробного описания таким образом, что вербальные средства дополняются средствами изобразительными. Тем самым формулируется положение, согласно которому исчезновение первобытных народов не является «равномошным» по отношению к исчезновению первобытной культуры как предмета исследования этнографии. Именно отсюда Миклухо-Маклай выводит смысл сбора этнографических коллекций — систематическое описание всего того, что характеризует условия традиционной жизни данной группы населения до вмешательства так называемых «цивилизованных» народов [Миклухо-Маклай V: 553].

Затрагивает Миклухо-Маклай и вопрос этики полевого этнографического исследования, столь модный в наше время. Формула Миклухо-Маклая такова: «вежливость этнографа» — это знание языка, достаточное время и доверие информантов, завоеванное «деликатностью» исследователя, т.е. «ненавязывание постоянного присутствия». Результатом такого поведения является *преодоление нежелания видеть исследователя среди себя и поддерживать с ним отношения* [Миклухо-Маклай II: 405, 406, 411; V: 552].

Из опубликованных работ Миклухо-Маклая самая крупная в области изучения традиционной культуры — «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее», в которой явления культуры описываются в соответствии со стандартами целост-

²⁰ См. выше (с. 25–26) вступление к работе «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований», написанную в марте 1871 г. на борту «Витязя».

ности описания, принятыми в настоящее время: материальная — социальная — духовная культура. Формально эта работа осталась незаконченной. Должно было последовать продолжение. Мы не можем сказать точно, о чем собирался писать Миклухо-Маклай в следующей части, но в конце опубликованного текста он упоминает, что в течение «трех дней и трех ночей» следил за проведением местного праздника Ай; он говорит, что только недостаток места не позволил ему дать «описание всего увиденного» [Миклухо-Маклай III: 85]. Продолжение все-таки последовало в виде 5-й лекции, прочитанной 1 декабря 1886 г. Конспект этой лекции вместе с газетными отчетами содержит подробное описание местного праздника Ай [Там же: 317–325].

Именно благодаря публикации «Этнологических заметок» мы знаем, что Миклухо-Маклаю принадлежит открытие этнической непрерывности, которое по своему теоретическому значению для этнографии сопоставимо с открытием классификационных систем родства Морганом. «Почти в каждой деревне Берега Маклая, — писал Миклухо-Маклай, — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных диалектах, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовались два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы. Только пожилые люди говорят на двух или трех диалектах; чтобы научиться им, папуасы в юношеском возрасте проводят некоторое время в чужих деревнях» [Там же: 64]. В этом же свете Миклухо-Маклай смотрел на различия в материальной и других сферах культуры между отдельными деревнями. Во время чтений 1882 г. он сказал следующее: «...я мог очень удобно познакомиться с образом жизни и нравами береговых папуасов, которые в этнологическом отношении очень различаются между собою: каждая деревня имеет свои характерные особенности. Некоторые виды пройденных деревень выставлены также здесь (показывает на развешанные на стене рисунки)» [Миклухо-Маклай II: 411]. Таким образом, создавая рисунки с изображением деревень, Миклухо-Маклай стремился проиллюстрировать свое наблюдение и тем самым сформулировать графическими средствами понятие этнической непрерывности. Его метод

описания этнографических явлений контрастирует с современными ему методами, которые основывались на использовании модели племени либо по Макленнану («экзогамные — эндогамные племена»), либо по Моргану («племя — клан»). Возможно, Миклухо-Маклаю было легче, чем другим, не видеть то, чего не существовало на самом деле, поскольку для него племя было антропологической единицей, лингвистическим подразделением расы.

В начале 1950-х годов экспериментальные данные Миклухо-Маклая были концептуализированы под именем «первобытной лингвистической непрерывности» [Толстов 1950: 18; Бутинов 1951: 181]. Надо также заметить, что явление лингвистической непрерывности было повторно открыто, или замечено, на австралийском материале Т. Штреловым в 1922 г. во время путешествия по Центральной Австралии (опубликовано в 1947 г.) [Strehlow 1947: 70]. Однако форму концепции наблюдения Штрелова так и не приобрели, оставаясь неподдающимся объяснению элементом общих представлений об австралийском «племени».

Пожалуй, не вполне точно определено и то место, которое Миклухо-Маклай должен занимать в истории изучения так называемой письменности о. Пасхи. Источником может служить его небольшая статья “Ueber die ‘Rohau rogo rogo’ oder die Holztafeln von Rapa-Nui”, которая была опубликована в 1872 г. в журнале “Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin” [Macclay 1872: 79–81]. Обычно эта работа рассматривается как простая корреспонденция. Однако по своему действительному значению она есть нечто большее, чем простое наблюдение, в отличие от более пространный сообщения в «Известиях РГО», где выводы Миклухо-Маклая теряются в массе других сведений скорее географического характера [Миклухо-Маклай 1872: 42–55]. Выделив данный текст из записей, предназначенных для публикации в «Известиях РГО», снабдив его преамбулой и собственным названием, Миклухо-Маклай превратил его в небольшое научное исследование по кохау ронго ронго. Видимо, он понимал, что в России его публикация будет представлять рядовое географическое «известие» и не будет иметь никакого продолжения, тогда как в Европе она обязательно станет объектом обсуждения, что и произошло на самом деле. В заметках Адольфа Бастиана мнение «доктора фон Маклая», касающееся вопросов изучения «деревянных табличек с Рапа-Нуи», было воспринято с большим вниманием [Bastian 1872: 84–85, 88].

Миклухо-Маклай знал, на что необходимо обращать внимание в первую очередь. Во-первых, он сделал два наблюдения относительно повторяемости знаков. Сначала он замечает наличие одинаковых по начертанию знаков, одни из которых повторяются без изменений, другие подвергаются модификациям, касающимся расположения тех или иных частей «фигур», а затем обнаруживает тот факт, что «знаки объединены в группы, чаще из двух, реже из трех и более знаков» (“Es finden sich auch die Figuren gruppenweise verbunden, meistens zu zwei, seltener zu drei und mehr Figuren”) [Macley 1872: 81]. Это именно те открытия (особенно параллельные ряды или группы знаков), которые рассматриваются в качестве крупного шага к расшифровке письменности острова Пасхи в связи с именем Б.Г. Кудрявцева [Бутинов, Розина 1958: 307; Ольдерогге 1949: 222]. Это соответствие, вероятно, трудно заметить, поскольку в русскоязычных вариантах данного текста Миклухо-Маклая, а также в английском переводе понятие группы исчезает [Tumarkin, Fedorova 1990: 111].

Во-вторых, Миклухо-Маклай верно определил природу данной знаковой системы как идеографического письма (“Ideenschrift”, или, в русском написании, «идейного шрифта») [Macley 1872: 81]. В статье Майнике, вышедшей годом раньше²¹, высказывалась другая мысль — о том, что знаки на деревянных дощечках с острова Пасхи представляют собой иероглифические тексты, содержащие сведения генеалогического характера [Meinicke 1871: 550, 551]. Таким образом, Миклухо-Маклай был не просто одним из первых свидетелей открытия письмен острова Пасхи, но высказал ряд компетентных идей. Не говоря уже о том, что местное название «кохау ронго ронго» (до того момента — «памятники письменности с острова Пасхи» или «деревянные таблички с Рапа-Нуи») впервые достигло Европы именно вместе с его публикациями на немецком и русском языках.

Изучая высказывания Миклухо-Маклая, относящиеся к системе выводного знания в сфере этнографии, невольно приходишь к мысли, что «образцом» являются не столько сами этнографические тексты Миклухо-Маклая, сколько его подход к их составле-

²¹ Самая первая статья, точнее, короткое сообщение о существовании на о-ве Пасхи деревянных табличек с выгравированными письменными знаками было сделано Р. Филиппи [Philippi 1870: 469–470].

нию, гармонично соединяющий «научность» и «этнографичность». Миклухо-Маклай был свободен от штампов и умел мыслить абстрактно. В свое время он был, по существу, единственным профессиональным этнографом. Для него этнография как наука определялась не *особым интересом*, т.е. субъективно, а *особым предметом* исследования, т.е. объективно.

На лекции 1886 г. в Петербурге Миклухо-Маклай предупредил слушателей, что для него не составило бы особого труда по собранным материалам написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях меланезийцев, но для этого ему наряду с результатами наблюдений пришлось бы использовать «догадки, вероятности и разного рода комбинации предположений» для пополнения «невиденного и ненаблюденного». С его точки зрения, при таком подходе можно легко представить «довольно интересную ткань, где трудно было бы отличить правду от выдумки». По Миклухо-Маклаю, «каждое предположение и внесенные теории дают настоящему наблюдению субъективную окраску, уменьшают даже значение наблюдения, ступшевывают недостающие места, именно то, что должно послужить исходом для новых наблюдений». В связи с этим он указывает, что относительно мирозерцания и религиозных идей папуасов — при недостаточно продолжительном пребывании среди населения Берега Маклая и в силу «недостающего знания языка» — он может дать «далеко не целое, а единственно ряд наблюдений» [Миклухо-Маклай III: 325]. Этот пассаж фактически повторяет «Пояснительное примечание» в «Этнологических заметках», написанных в поле еще в 1872 г., и содержит важнейшее теоретическое положение. И это положение биографы Миклухо-Маклая обычно приводят в качестве доказательства его приверженности эмпиризму. Впоследствии данное положение было вторично сформулировано Брониславом Малиновским в его первой большой работе, написанной по литературным источникам. Анализируя труды профессиональных этнографов (как когда-то анализировал труды путешественников Миклухо-Маклай), Малиновский пришел к следующему выводу. Замечания общего характера, которыми изобилуют отчеты наблюдателей и которые легко принять за констатацию факта, часто оказываются лишь предположениями, построенными на системе заранее принятых посылок [Malinowski 1913: 19, 25]. Теперь рассмотрим более подробно то, о чем говорил Миклухо-Маклай.

Первое. Пробелы должны заполняться не собственными логическими выводами исследователя, а «новыми наблюдениями». С.А. Токарев писал, что «главное требование метода Малиновского — рассматривать быт и культуру любого данного народа как единое целое, как систему взаимосвязанных частей, где каждая часть выполняет свою определенную роль, свою «функцию» [Токарев 1978: 230]. Миклухо-Маклай сформулировал и применял этот метод на практике еще в начале 1870-х годов.

По Миклухо-Маклаю, при сборе сведений по тому или иному явлению культуры, допустим, религиозным представлениям, необходимо удостовериться, что полученное сообщение происходит не извне (в виде умозаключения), а изнутри описываемой культуры. Следовательно, ценность своих материалов Миклухо-Маклай обосновывает не только тем, что передает увиденное или услышанное, но и тем, что в описание он вносит указание, где проходит граница между выделенными им фактами и «оставшейся» реальностью («недостающими местами»).

Миклухо-Маклай учил своих слушателей (как профессор учит студентов), что при сборе сведений о тех или иных явлениях от самих носителей культуры их следует проверять на наличие связей с другими явлениями. На лекциях 1886 г. Миклухо-Маклай показал, какие две основные ошибки совершают европейские наблюдатели. Во-первых, информант часто стремится угодить спрашивающему («...при этом случае и только на этот раз выдумывает ответ, что дает возможность путешественнику подкреплять слышанное словами, полными значения: “Слышал от самих туземцев”, между тем как туземец, наврав разную чепуху, позабыл о ней через несколько минут»); во-вторых, информант может передавать сведения, полученные от представителей чужой культуры, как сведения, касающиеся своей культуры. Однажды Миклухо-Маклай столкнулся со случаем, когда один из папуасов в рассказе о духах умерших использовал сведения, услышанные от его слуги и относящиеся к традиционной культуре населения о-вов Палау, откуда этот слуга был родом [Миклухо-Маклай III: 328].

Второе. Миклухо-Маклай говорил, что его пребывание на Бегу Маклая было недостаточным, чтобы составить «несомненно правильное представление о таких предметах, как религия и мирозерцание папуасов», что поэтому — во избежание «догадок» и «предположений» — он ограничивается «разрозненными заметка-

ми», «рядом наблюдений» и т.п. [Там же: 62, 325]. Однако в этом пассаже он фактически выразил идею, приписываемую Фрэзеру как родоначальнику «обрядовой теории мифа», декларирующей приоритет ритуала над мифом. Основой концепции Фрэзера является несколько иной тезис: объяснение смысла того или иного культа часто носит субъективный характер, но выявление сходства ритуалов — вопрос фиксации реальных фактов наблюдения (выражаясь научнообразно, в виде так называемых «протокольных предложений». — П.Б.) [Фрэзер 1983: 361]. В связи с этим можно вспомнить, что иногда Миклухо-Маклаю приписывается недооценка духовной культуры в качестве предмета исследования. В действительности надо говорить о другом. По-видимому, он по умолчанию рассматривал подобные исследования в качестве особой специализации, требующей филологической подготовки. Если это верно, то и здесь работы Миклухо-Маклая звучат вполне современно, по крайней мере, с точки зрения известной конъюнкции «фольклор и этнография», оставляющей этнографии только материальную и социальную культуру.

Для Фрэзера «приоритет» ритуала над мифом был скорее вопросом методики сбора информации о мифе, выступающем в роли содержания обряда — «записи», точнее, «рисунка» мифа. На практике этот подход впервые продемонстрировал Миклухо-Маклай, в чем-то, возможно, предвосхищая одно из положений В.Я. Проппа: если значение того или иного элемента кажется непонятным в рамках данного нарратива, оно проявится в другом нарративе. В своих лекциях Миклухо-Маклай не только описывает празднества папуасов, но и анализирует это явление. «Чтобы понять лучше значение “Ай” и всех *разновидностей* подобных учреждений в Меланезии, — пишет Миклухо-Маклай, — расскажу о Дук-Дук на Новой Британии и Новой Ирландии» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 320]. Между прочим, здесь он, пожалуй, впервые в этнографии, вводит понятие института («учреждения») при анализе явлений традиционной культуры. (Видимо, не стоит удивляться подобным аллюзиям, они представляют, образно говоря, то «бессознательное», что лежало в основе научного поведения Миклухо-Маклая, время от времени прорываясь на поверхность в виде отдельных предложений теоретического характера.)

В заключение обзора празднества Ай Миклухо-Маклай говорит, что, хотя Ай на Берегу Маклая не совершенно походит на Дук-

Дук, это «собственно одно и то же, хотя и в измененной форме» [Миклухо-Маклай III: 320]. Таким образом, «по касательной» проходит не только идея обряда как «текста» мифа, но и идея инварианта, подразумевающая так называемый синхронический подход к описанию явлений культуры (ср.: роль разделения «общий тип — географическая разновидность» в антропологических исследованиях Миклухо-Маклая). Последнее дает повод сказать несколько слов об отношении Миклухо-Маклая к идее эволюции в этнографии.

Принимая идею эволюции человеческой культуры от первобытности к цивилизации, как можно видеть из метода сравнения таких «учреждений» — Ай и Дук-Дук (в современной терминологии — *стадии* «мужского дома» и «тайного союза»), Миклухо-Маклай интуитивно, если угодно, даже инстинктивно, придерживался точки зрения, практически исключая упрощенный эволюционистский подход, т.е. такой подход, когда в любых микроизменениях культуры исследователям начинают мерещиться целые «ступени развития» (модель «эволюции палки»).

Самое раннее высказывание, характеризующее Миклухо-Маклая как сторонника эволюционистских воззрений, мы находим в записке «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований», по замечанию Д.Д. Тумаркина, начатой в марте 1871 г. на борту «Витязя» (см. выше) [Там же]. Ставя своей целью «исследование первобытных народов», он обосновывал это необходимостью их описания до начала — там, где это возможно, — контактов с цивилизацией «белой расы» или с «уже определенной цивилизацией» других «рас» (индусской, китайской, арабской и т.п.), ибо «расы эти, как известно, при столкновении с европейскою цивилизациею с каждым годом исчезают» [Там же: 6].

Смысл его «этнологических» исследований заключался в *преходящем* характере первобытного образа жизни — образа жизни людей, которые «находятся *еще* в каменном веке» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 346]. Выше уже цитировались суждения Миклухо-Маклая, датируемые 1877 г., о том, что «*эти* фазы жизни *этой* части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоро преходящи» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.) [Миклухо-Маклай V: 552]. «Я, — говорил Миклухо-Маклай во время Чтений в 1882 г., — застал их на самой низкой *ступени развития*: металлов они совершенно не знали, и все их орудия были сделаны из камня, костей и дерева. Они не умели даже добывать огня.

...эта *степень развития* туземцев Берега Маклая — *переходная* и должна бы измениться уже вследствие одного моего пребывания между ними... В непродолжительном, быть может, времени вследствие развития торговли в Тихом океане жители Берега Маклая войдут в сношения с другими народами, и тогда их примитивность вполне исчезнет, а вместе с тем исчезнет большая часть того научного интереса, который представляют дикари в их первобытном состоянии» [Миклухо-Маклай II: 412].

Сравним этот ряд высказываний Миклухо-Маклая с текстами Эдуарда Тэйлора: «Даже при сравнении диких племен с образованными народами для нас само собой становится ясно, как шаг за шагом жизнь диких рас переходит в подобные же процессы у высших рас, являясь в легко распознаваемых, а иногда почти вовсе неизменных формах» [Тэйлор 1872: 6]. Или: «...но мы должны разрешить здесь вопрос, который мог бы усложнить развитие нашей мысли, а именно вопрос о расах. Для нашей настоящей цели является и возможным, и желательным устранить соображения о наследственных изменениях человеческих рас и считать человечество однородным по природе, хотя и находящимся на различных *степенях цивилизации*. Я надеюсь, частности нашего исследования покажут, что *фазисы культуры* могут быть сравниваемы, не принимая в расчет, насколько племена, пользующиеся теми же орудиями, следующие тем же обычаям, или верующие в те же мифы, различаются между собой физическим строением и цветом своей кожи и волос» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 7]. Терминологические совпадения очевидны. «Степени цивилизации» и «степени развития», «фазисы культуры» и «фазы жизни» и т.д. Скорее всего Миклухо-Маклаю книга Тэйлора «Первобытная культура» была известна уже в 1877 г. и, наверное, в 1882 г.

Есть еще одна косвенная улика — нечеткое противопоставление этнографии и этнологии (ср. использование определений «этнографический» и «этнологический»). Пожалуй, только в данной работе Тэйлора эти понятия встречаются с той же частотой и в том же окружении, что и в текстах (включая письма) Миклухо-Маклая (см.: [Тэйлор 1872: 1–22]). Впрочем, еще раньше при определении понятия этнологии Миклухо-Маклай мог в такой же мере использовать немецкую модель, извлеченную из контекста работ Бастиана, который рассматривал этнологию в значении, близком такому понятию отечественной этнографии, как «этногенез и этническая история». Последний пользовался выражениями «этнологическая

связь» или «этнологическое родство», имея в виду происхождение тех или иных народов [Bastian 1872: 82, 83].

Взгляды Тэйлора и Миклухо-Маклая при определении значения этнографических фактов совпадают не только «по букве» (терминологически), но и «по духу». В частности, в том, как Миклухо-Маклай при интерпретации этнографических наблюдений «разрешает» вопрос о расах. Идея эволюционного подхода при чтении отношения «первобытность — цивилизация», в тэйлоровском понимании, владела Миклухо-Маклаем еще на стадии подготовки к первой экспедиции, т.е. до выхода в свет книги Тэйлора, и в последующие годы развивалась, приобретая все более четкие очертания. Если Тэйлор доказывал наличие эволюционной (каузальной) связи между первобытностью и цивилизацией теоретически, с помощью понятия «переживаний», то Миклухо-Маклай шел как бы навстречу, показывая экспериментальным образом, с какой легкостью «дикари» усваивают достижения европейской цивилизации.

По мнению Д.Д. Тумаркина, Миклухо-Маклай не был знаком с теорией первобытной культуры Эдуарда Тэйлора [Тумаркин 2011: 224]. Но тогда проще предположить, что Миклухо-Маклай пришел примерно к той же идее эволюции культуры независимо от Тэйлора и в тот момент, когда его основной труд «Первобытная культура» только вышел из печати, — в 1871 г. на борту корвета «Витязь», во время плавания к Новой Гвинее. Понятие «пережитков» присутствует в текстах Миклухо-Маклая «инкогнито», в контексте описания антропологических и лингвистических фактов (элементы, характеризующие современное состояние как следы прошлых состояний). В текстах Миклухо-Маклая при интерпретации этнографических фактов понятие «пережитков» просто не могло присутствовать, исходя из определения самого Тэйлора. Ведь Миклухо-Маклай имел перед собой в качестве объекта наблюдения ту фазу развития культуры, на которой обсуждаемые явления еще не были «пережитками». Согласно Тэйлору, «это те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые силою привычки были перенесены в новое состояние общества, отличное от того, которому они были свойственны, и остаются таким образом в виде доказательств или примеров прежнего состояния культуры, из которого развилось новейшее» [Тэйлор 1872: 15].

Здесь следует лишний раз подчеркнуть, что идея эволюции не была чуждой этнографии и в додарвиновские времена, в первую

очередь постольку, поскольку она по своей внешней форме, или схеме, не противоречит креационистской концепции, о чем в свое время писал сам Тэйлор. Например, Дж.Р. Логан, ныне забытый автор одной из наиболее развернутых концепций этнологии/этнографии дотэйлоровского периода, в некоторых аспектах предвосхищавший Тэйлора²², писал: «Этнология (как наука, основанная на «наблюдении творений Бога». — П.Б.) никогда не противопоставит себя теологии, но [если таковое произойдет] только в том, что касается ошибочных взглядов теологии» [Logan 1850: 263]. Или: «Этнолог претендует только на право независимого развития своей науки, без чего ее результаты потеряют всякую ценность для теолога» [Ibid.].

С учетом сказанного, Миклухо-Маклай был готов к восприятию этнографической реальности сквозь призму эволюционной идеи еще до своей первой поездки на Новую Гвинею. В записке «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований» он прямо писал, что его целью является исследование «первобытных народов» [Миклухо-Маклай III: 6]. Многие из книг, проштудированных им в 1869–1870 гг. (см. тетрадь “Ethnologia”), проникнуты эволюционными построениями, и многие из ранних его высказываний перекликаются с содержанием этих книг. На этом этапе было достаточно внимательно прочитать книгу Бэра «Человек в естественно-историческом отношении» (1851), так как при постановке задачи конкретного полевого этнографического исследования совершенно безразлично, кем является ученый, креационистом или антикреационистом («дарвинистом»). Понятие «этнографическое положение» Миклухо-Маклая и понятия «степени цивилизации» или «фазы культуры» Тэйлора изоморфны понятию «степень образованности» Бэра [Бэр 1851: 82].

Наконец, даже допуская, что Миклухо-Маклай вовсе не держал в руках книгу Тэйлора также и впоследствии (что кажется маловероятным), он мог почерпнуть многие важные его положения из “Notes and Queries on anthropology, for the use of travelers and residents in uncivilized lands” (1874), содержавших пространные высказыва-

²² Ср., например, понятие «стадии развития» человеческих «племен» или идею, согласно которой «вход в... древний мир (“pre-historic time”. — П.Б.) возможен только через настоящее» (т.е. через «пережитки» прошлого, сохранившиеся в настоящем. — П.Б.) [Logan 1850: 266, 276].

ния многих ученых, в том числе — и даже чаще всего — Тэйлора. В своих путешествиях Миклухо-Маклай постоянно пользовался этой книгой как своего рода требником полевого исследователя. Однако издана она была только в 1874 г. В любом случае Миклухо-Маклай в ходе своих полевых исследований экспериментально доказал то, что в книге Тэйлора представляло собой хорошо обоснованную, но все-таки гипотезу. Его непосредственные наблюдения над переходом папуасов к цивилизации («искажением», «изменением» нравов и обычаев *теперешних* папуасов) под влиянием контактов с европейцами превращали гипотетические построения Тэйлора (не важно, с его ведома или нет) в эмпирически обоснованную теорию. Миклухо-Маклай так писал о влиянии меновой торговли: «Какой дикарь, — восклицал он, — если он за несколько корзиночек копры (сушеные кокосовые орехи) может купить порядочный стальной нож или, прибавив еще несколько корзиночек, добыть хороший американский стальной топор — станет возиться с откалыванием осколков кремня или раковины, отщепливать с большим искусством ножи из бамбука или оттачивать из твердых зеленокаменных пород или кварца топоры, наконечники булав и т.п.» [Миклухо-Маклай V: 553].

Существенное свидетельство в пользу того, что Миклухо-Маклай не только был знаком с идеями Тэйлора, но и выступал сторонником этих идей, мы находим в “Notes and Queries” в виде пометок на полях и подчеркиваний. Большинство таких выделений карандашом относится именно к тем разделам, авторство которых принадлежит Тэйлору. О том, что это автографы Миклухо-Маклая, можно говорить вполне уверенно, ибо точно в такой же манере выделены некоторые места в тетради “Ethnologia”, которая так же, как и книжка “Notes and Queries”, сопровождала Миклухо-Маклая во времена первых путешествий (рис. 5). В разделе “No. XXX. Religion, Fetishes &” Миклухо-Маклай выделил следующий абзац: «Информацию следует получать из возможно большего числа источников, так чтобы особенности индивидуального знания не были ошибочно приняты за общую доктрину данной нации. Сообщения миссионеров представляют величайшую ценность, однако непредвзятый наблюдатель должен проявлять осторожность, дабы не отвлекаться на их описания небесных божеств в качестве “демонов” и их склонность в других вопросах рассматривать местные религии, по существу, как продукт жульничества или злого умысла, а не как показа-

тельные стадии теологического и нравственного развития в процессе цивилизации» [Notes 1874: 50].

Еще более интересно выделение места из раздела “*No. XXXIII. Mythology*”: «Собирание мифических историй среди низших рас может проводиться при удобном случае, имея в виду несколько сторон, представляющих особый интерес. Желательно записывать их дословно из уст опытного рассказчика, так как они являют собой образцы языка в его наилучшем виде, представляя местные метафоры, изречения и яркие выражения. Они должны копироваться с помощью точного перевода между строк или на полях» (подчеркнуто Миклухо-Маклаем. — *П.Б.*) [Ibid.: 62]. На этом фоне довольно частые высказывания Миклухо-Маклая по поводу широких построений в области религии или мифологии, которые обычно воспринимаются как признак его «эмпиризма», выглядят как проявление элементарной научной добросовестности.

Единство человеческой культуры («психики») — основополагающий принцип эволюционизма в этнографии — не вызывало у Миклухо-Маклая никаких сомнений. Он доказывал, что мнение о более низком моральном и ментальном уровне, «дурном» или «жестоким» характере носителей первобытной культуры есть плод невежественности миссионеров и путешественников и легко опровергается практикой длительного общения [Миклухо-Маклай III: 337]. Опровержение рассматриваемого заблуждения созвучно взглядам Тэйлора, высказанным в том числе и в соответствующем разделе “*Notes and Queries*”: «Несовершенством наших представлений о моральных устоях среди диких и варварских народов мы в большой мере обязаны путешественникам, полагающим, что та особая система моральных запретов, в условиях которой они были сами воспитаны, является абсолютной... каждое племя имеет свою собственную систему нравственных правил, основанную на собственных принципах добра и зла» [Notes 1874: 47].

Только ранняя смерть не позволила Миклухо-Маклаю закончить (или фактически опубликовать?) феноменальный по тем временам этнографический труд, который должен был следовать за изданием двухтомного описания путешествий. Об этом прямо упоминает сам Миклухо-Маклай. В декабре 1886 г. в письме, адресованном Л.И. Шренку, он оговаривает право свободного доступа к предметам своей коллекции на том основании, что они будут ему совершенно необходимы, а именно «для снятия фотографий для

иллюстрирования труда по этнологии меланезийцев» [Миклухо-Маклай V: 478]²³.

В небольшой публикации в «Известиях РГО» в 1874 г. (подписано 13 декабря 1873 г.) Миклухо-Маклай сообщал о намерении «подробного описания жителей Берега Маклая и их обычаев» [Миклухо-Маклай III: 109]. Вероятно, здесь он подразумевал создание более пространного текста, чем то сочинение, что было опубликовано в 1873 г. под названием «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее»²⁴ и представляло собой именно «описание жителей Берега Маклая и их обычаев». В частности, тогда, в 1873 г., он писал: «Их (телумов. — П.Б.) точные изображения я имею в виду опубликовать в своем главном иллюстрированном труде о Береге Маклая» [Там же: 72]. Согласно Д.Д. Тумаркину, «такой труд Миклухо-Маклаю написать не удалось» [Там же]. Верно ли это, если речь идет о существовании рукописи? И как эта рукопись может выглядеть?

В 1882 г. на Чтениях в Географическом обществе, говоря о результатах своих 11-летних путешествий, Миклухо-Маклай, как свидетельствует очевидец, показал слушателям два «толстых тома», или «записные книги», в которых, по его словам, «собран громадный этнологический материал о папуасах берега Маклая» [Миклухо-Маклай II: 411]. В примечании Б.Н. Путилова говорится: «Сохранилось лишь две записные книжки небольшого формата

²³ Статья Л.А. Ивановой «Источниковедческие проблемы изучения этнографического собрания Н.Н. Миклухо-Маклая в свете его рисунков» (1997) — одна из немногих работ, посвященных изучению этнографического наследия Миклухо-Маклая, — заканчивается такими словами: «Окидывая мысленным взглядом коллекции, рисунки и тексты Н.Н. Миклухо-Маклая, начинаешь понимать, сколь продуманно, тщательно и целенаправленно возводил он в изнуряющих условиях тропиков обширный источниковедческий фундамент своей будущей кабинетной работы. И однажды прозреваешь весь грандиозный замысел ученого — создать иллюстрированную энциклопедию меланезийской культуры определенного периода» [Иванова 1997: 30]. Полностью соглашаясь с мнением автора, хотелось бы все же отметить, что данная мысль прозвучала бы еще более убедительно, если бы в статье были приведены собственные слова Миклухо-Маклая из известного письма Шренку.

²⁴ Написаны в 1872 г. во время первого пребывания Миклухо-Маклая на Новой Гвинее.

(помимо нескольких карманных записных книжек) от второго пребывания на Берегу Маклая. По-видимому, “толстые томики”, которые показывал Миклухо-Маклай, пропали либо относились к первому пребыванию на этом Берегу» [Там же: 518]. Поскольку речь идет о «громадном материале», Миклухо-Маклай в тот момент держал в руках явно не «две записные книжки небольшого формата» только из второго путешествия на Новую Гвинею. В своем выступлении 1882 г. Миклухо-Маклай подводил итог всем предыдущим годам исследований.

Описывая свое второе посещение Берега Маклая (1876–1878) Миклухо-Маклай пишет следующее: «Я вернулся снова на Берег Маклая затем, чтобы, зная хорошо язык туземцев и пользуясь их полным доверием, дополнить мои наблюдения и окончательно выяснить некоторые не вполне разрешенные мною при первом посещении вопросы. Мои ожидания вполне оправдались. Полное знание языка туземцев, а главным образом их доверие ко мне весьма облегчили мои исследования. Я не в состоянии показать вам здесь всех рисунков, портретов, изображений хижин и других предметов и вообще обстановки жизни туземцев Новой Гвинеи, но в этих двух (*показывает толстые томики*) записных книгах собран громадный этнологический матерьял о папуасах Берега Маклая» [Там же: 410–411].

Как выглядит (а не *выглядел бы*) этот «ненаписанный» труд, можно составить ясное представление из антропологических и этнологических заметок о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее, из научных статей по отдельным вопросам, а также из конспектов лекций 1886 г., если их дополнить газетными отчетами, сделанными «весьма близко по тексту к лекциям», как отмечено в комментариях к шеститомному собранию сочинений Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай III: 399].

Впрочем, в настоящее время шансы найти два «толстых томика» остаются все еще довольно высокими, поскольку собственно архивная работа при подготовке шеститомного собрания сочинений Миклухо-Маклая проводилась довольно поверхностно. Вопрос состоит в том, *что* и *как* искать. Одно можно сказать сразу: предположение об утрате этих записных книг, в сущности, ни на чем не основано. (В подобных случаях искать «пропажу» всегда следует в самом невероятном месте, а с учетом почти доскональной изученности таким местом является маклаевский фонд архива РГО.

Как будет показано ниже, указанный адрес оказался абсолютно точным.)

Начнем с того, что два «толстых томака» были показаны публике в 1882 г. Говоря о «громдном этнологическом матерьяле», заключенном в них, Миклухо-Маклай не мог иметь в виду материалы, относящиеся к первому путешествию на Новую Гвинею и в целом к первой половине 1870-х годов, поскольку они были в основном почти сразу опубликованы («Этнографические заметки» и др. статьи). Следовательно, записи касались второй половины 1870-х годов. К этому времени относятся второе посещение Берега Маклая, путешествие по островам Меланезии и экспедиция на южный берег Новой Гвинеи, где было сделано множество зарисовок. Присовокупим к этому смену формулировок. Если в 1873–1874 гг. Миклухо-Маклай писал о «главном иллюстрированном труде о Береге Маклая» или «подробном описании жителей Берега Маклая и их обычаев», то в 1886 г. в письме Шренку ставится более широкая задача — в нем говорится об иллюстрировании «труда по этнологии меланезийцев». Таким образом, гипотеза о том, что «толстые томаки» относились к первому пребыванию на Берегу Маклая, не может быть верной. Говорить можно только о втором пребывании на Берегу Маклая и/или путешествии по островам Меланезии и южному побережью Новой Гвинеи.

Есть еще один момент, на котором следует особо остановиться. По умолчанию в качестве содержания «толстых томаков» предполагаются подробные записи (тексты), касающиеся этнографических реалий, но Миклухо-Маклай говорил о «рисунках, портретах, изображениях хижин и других предметах и вообще обстановке жизни туземцев Новой Гвинеи». Для Миклухо-Маклая при описании исследуемой культуры в полевых условиях более характерно было опираться на серии рисунков с теми или иными надписями или заметками в расчете на восстановление собранных сведений по памяти уже в рамках чисто кабинетной работы. По его мнению, проще и быстрее нарисовать, чем описать словами [Там же: 72]. В том, что он слишком полагался на видеоряд (рисунки, фотографии, коллекции), вероятно, и состояло «несовершенство его методики», о котором пишет Д.Д. Тумаркин и которое Миклухо-Маклай вполне осознал, говоря: «Разобраться в этих записках только я могу...» [Миклухо-Маклай V: 541]. Таким образом, для Миклухо-Маклая рисунки были чем-то вроде графических «конспектов», подлежа-

щих последующей расшифровке. Это означает, что искать следует записные книги, в которых рисунки преобладают над текстом.

В Маклаевском фонде архива РГО сочетанию указанных признаков в наибольшей степени отвечают только две («толстые») записные книги [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24; Д. 70]. Первая (ед. хр. № 70) в сафьяновом переплете черного цвета (альбомный формат), на обложке золотом по диагонали вытиснено имя **Maclay**. Вторая (ед. хр. № 24) в сафьяновом футляре (в виде папки или портфеля) коричневого цвета с металлической застежкой; на верхнем крышки вытиснены инициалы **N.M.M.**

На титульном листе первой расположены три надписи: «1879», «Album N=21», «Melanesia». На узком клапане, прикрепленном к корешку записной книги, вложенной в коричневый футляр, имеются две надписи: «№ 2 (1871)» и ниже — «№ 5 1878», поскольку первые записи в ней были сделаны еще на борту «Витязя» в 1871 г., а затем, с перерывом в несколько лет, записи возобновились. Несмотря на надпись «1878», большинство материалов относится к 1879 г., а отчасти — к 1880–1881 гг. с перечислением островов Меланезии: Новая Каледония, Лифу, Тана, Эфате, Амбрим, Ниниго, Андра и др. Есть рисунки, например зарисовки образцов татуировки (следует отметить, сделанные синим карандашом в том же стиле, что и рисунки Миклухо-Маклая в “Notes and Queries”²⁵), которые относятся к посещению южного побережья Новой Гвинеи (деревня Карепуна) в 1881 г. (согласно пометке Миклухо-Маклая в записной книжке № 5, название «Карепуна» идет под 1881 г.) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 152–156 об.].

Как явствует уже из оглавлений соответствующих архивных дел, в обеих записных книгах содержатся рисунки, тексты и «отрывочные заметки». Таким образом, перед нами именно те «толстые томики», которые Миклухо-Маклай держал в руках во время лекции в 1882 г. К ним и можно отнести фразу в комментариях Б.Н. Путилова (см. выше): «Сохранились две записные книжки небольшого формата (помимо нескольких карманных записных книжек) от второго пребывания на Берегу Маклая».

Некоторое формальное расхождение можно усмотреть между географией двух записных книг, хранящихся в архиве РГО, и утверждением Миклухо-Маклая о том, что в двух «толстых томиках» со-

²⁵ См. следующий раздел настоящего издания.

держатся рисунки, касающиеся традиционного образа жизни населения (только) Новой Гвинеи. Однако точное перечисление материалов, на которые он ссылался, в момент устного выступления не имело никакого значения, а Новая Гвинея для него всегда была исходным пунктом любых сравнительных исследований. Также очевидно то, что он не мог иметь в виду написание своего труда только по материалам двух записных книг. В том же 1882 г. в беседе с журналистом возникла тема «бесчисленных записных книжек», по словам Миклухо-Маклая, представлявших для него что-то вроде «оглавления», или «программы», того, что он собирался издать [Миклухо-Маклай V: 541]. Вероятно, именно в это время он пронумеровал свои записные книги, причем, по всей видимости, нумерация записей (вместе с нумерацией этнографических коллекций) соответствует тому *порядку* подачи материалов, который он именовал «оглавлением», или «программой», будущей книги.

При решении проблемы идентификации до сих пор считавшихся пропавшими записных книг Миклухо-Маклая с материалами, которые он собирался положить в основу своего иллюстрированного «труда по этнологии меланезийцев», становится возможным решить более частные, но по-своему важные задачи, касающиеся научной биографии Миклухо-Маклая. Мнение Н.А. Бутинова, поддержанное Д.Д. Тумаркиным, сводится к тому, что создание новой фамилии — «Маклай» — произошло после 1868 г., а в 1868 г. Миклухо-Маклай — это еще «просто студент Миклуха» [Бутинов 2001: 5; Тумаркин 2011: 74–80].

Изучение записной книги с инициалами **Н.М.М.** позволяет сказать совершенно точно, когда Николай Миклуха стал Маклаем. На внутреннем кармане этой записной книги наклеен откуда-то аккуратно вырезанный прямоугольный кусок бумаги с надписью: «*N. Von Maclay Stud. philos. Heidelberg. 1864*». Следовательно, Миклухо-Маклай взял себе шотландское имя еще при первом появлении в Гейдельбергском университете в 1864 г., при этом не очень заботясь об упоминании имени «Миклуха». Именем «*N. von Maclay*» он пользовался и в своих ранних публикациях за рубежом. Самая первая публикация Миклухо-Маклая по этнографии, статья «*Ueber die 'Rohau rogo rogo' oder die Holztafeln von Papa-Nui*», подписана этим именем — *N. von Maclay*.

Записная книга **Н.М.М.**, точнее раздел «№ 2 (1871)», отвечает на вопрос об *errata* в названии (вместо «*Kohau*» напечатано «*Rohau*»)

и в тексте статьи (вместо «Mataringa» — «Matariuga»). В крошечной заметке «Ос. Рапа Нуи» мы находим билингву «Kohau rogo rogo = Кохау ронго-ронго» [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.]. Латинская буква *K* написана так, что верхняя косая черта загибается влево, почти соприкасаясь с вертикальной чертой. В результате буква *K* может читаться как *R*. Нетрудно догадаться, что в рукописи, посланной Бастиану, в слове «Mataringa» строчная буква *n* была выведена как заглавная *N*, но не угловатым, а округлым стилем, делающим ее похожей на *u*²⁶.

Занимаясь сопоставлением заметок Миклухо-Маклая с его законченными работами, постепенно начинаешь понимать, каким образом первые превращались во вторые. Для него рисунки, коллекции и пояснения к ним были способом краткой записи и основным методом фиксации полевых наблюдений, расшифровка которых рассматривалась уже как часть кабинетной работы. В сущности, именно об этом он говорил, когда охарактеризовал свои рисунки и коллекции как «программу», или «оглавление», планируемого им большого труда по этнологии меланезийцев.

К сожалению, делая вывод по аналогии относительно *возможности* создания Миклухо-Маклаем капитального труда по культуре народов Меланезии, мы невольно признаем, что он только говорил об этом, но дальше разговоров дело так и не пошло. В немалой степени виной тому служат утверждения самого Миклухо-Маклая о разрозненности его материалов или о том, что только он может разобраться в своих записях. Однако в рассуждениях Миклухо-Маклая не упоминается один очень важный факт, который до сих пор как-то ускользал от внимания исследователей.

Речь идет о довольно солидном томе, на черной коленкоровой обложке которого тисненая золотом надпись: **MIKLUHO-MACLAY. N.-GUINEA. 1871–1877.** В качестве глав этой книги²⁷ (подшивки) выступают страницы печатных работ Миклухо-Маклая из ино-

²⁶ В записной книге «№ 3 Polynesia» (июнь–август 1871 г.) интересующие нас термины рапануйского языка представлены в следующем виде: “Kohau rogo rogo” и “Matakirangi” [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 72. Л. 4, 22].

²⁷ Составителям шеститомного собрания эта книга известна как хранящийся в архиве РГО «том, в который вплетены работы Миклухо-Маклая на западноевропейских языках, касающиеся Новой Гвинеи» [Миклухо-Маклай III: 353].

странных изданий. Возможно, некоторые тексты, вошедшие в эту книгу, были специально отпечатаны типографским способом. Статьи сброшюрованы в порядке их опубликования [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 92]:

Mijn Verblijf aan de Oostkust van Nieuw Guinea in de Jaren 1871 en 1872.

Anthropologische Bemerkungen ueber die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea.

Notice météorologique concernant la Côt-Maclay en Nouvelle-Guinée.

Ethnologische Bemerkungen ueber die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea.

Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea (1874).

Historisches.

Bewohner von Papua-Kowiay.

Bemerkungen zur Kartenskizze.

Как известно, Миклухо-Маклай заказывал в типографии отдельные издания своих сочинений. В частности, в 1886 г. так появилась на свет брошюра (на обложке тисненая надпись: **1870—1872. Миклухо-Маклай**) с текстом его выступлений в Императорском Русском географическом обществе в 1882 г., которая была преподнесена в дар великому князю Константину Николаевичу [Массов 2013: 111—112]. Отметим, что в отличие от данной брошюры и записных книг Миклухо-Маклая (см. выше) обложка тома, являющегося собранием его научных статей по Новой Гвинее, оформлена как обложка настоящей книги: сверху имя автора и ниже название.

Иначе говоря, перед нами действительно не что иное, как макет книги. Другая особенность рассматриваемого издания в одном экземпляре заключается в том, что между всеми страницами вшиты чистые листы, многие из которых заполнены рукописными текстами, рисунками и фотографиями. Следовательно, Миклухо-Маклай серьезно занимался подготовкой к печати целой книги путем переработки своих статей по Новой Гвинее, опубликованных в указанный период времени. Тексты “Historisches” и “Bemerkungen zur Kartenskizze”, отпечатанные типографским способом, кажется, вообще имеют смысл лишь как части книги.

Содержание этой книги соответствует ранее сделанному предположению, что если мы хотим представить себе, как выгля-

дела бы «ненаписанная» книга Миклухо-Маклая, мы должны судить по антропологическим и этнологическим заметкам. Именно две эти работы составляют основу рассматриваемого тома. Вывод о том, что том под названием «N.-Guinea. 1871–1877» имеет значение отдельной книги, подтверждает существование другой такой же книги, посвященной путешествиям Миклухо-Маклая по Малайскому полуострову. На переплете нет никакого тиснения с названием или маргиналиями Миклухо-Маклая, но на титульный лист наклеена аккуратно вырезанная бумажная обложка “Ethnologische Excursion in Johore (December 1874 — Februar 1875) (Vorläufige Mittheilung). Von Miklucho-Maclay. Batavia. Ernst & Co. 1875”. Так же как и первая, эта книга представляет собой подшивку статей, опубликованных в иностранных изданиях, между всеми страницами были вшиты чистые листы, которые затем — в процессе работы над текстом книги — заполнялись записями и рисунками [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 99]. Примечательно, что Миклухо-Маклай объединил статьи, опубликованные именно в иностранных журналах. Вероятно, только такого рода публикациям он сам придавал значение научных трудов.

Создание тома «**MIKLUHO-MACLAY. N.-GUINEA. 1871–1877**» в качестве этапа написания большой книги в контексте настоящего исследования эквивалентно положительному ответу на вопрос, существует научное наследие Миклухо-Маклая или нет, когда мы говорим об этнографии (и только об этнографии). Как выясняется, единство научной цели («главная задача») реализовывалось вполне материальным образом — в виде *неоконченной* книги, части которой были объединены идеей этнологического исследования папуасов Новой Гвинеи. При этом из содержания двух книг Миклухо-Маклая, вместе взятых (кстати, обе являются книгами по этнографии!), становится также ясно, что последовательность его экспедиций и публикация их результатов носит характер неслучайной связи событий: одно вытекает из другого. Следовательно, возникшая в 1870-е годы идея «главного иллюстрированного труда о Береге Маклая» в 1880-е годы переросла в проект создания иллюстрированного «труда по этнологии меланезийцев».

В частности, с точки зрения датировки брошюры «N.-Guinea. 1871–1877», наличие взаимосвязи между работами разных лет позволяет говорить о том, что идентификация двух «толстых томиков»

с записными книгами № 2 / № 5 и № 21, включающими данные 1879–1881 гг., оказывается в принципе верной.

Выше уже говорилось о противоречии, связанном с тем, что, по словам Миклухо-Маклая, содержанием «толстых томиков» являются материалы по Новой Гвинее или — уже — по Берегу Маклая, причем прежде, чем показывать аудитории «толстые томики», исследователь говорил о втором посещении Берега Маклая (1876–1877). Однако тот факт, что показ «толстых томиков» идет «после» рассказа о втором пребывании на Берегу Маклая, не означает, особенно в устной речи, «поэтому». Кроме того, следует обратить внимание на некоторое несоответствие датировок. Во-первых, записная книга № 5 датируется Миклухо-Маклаем двумя разными годами (в надписи, служащей заглавием записной книги, стоит 1878 г., а в ее оглавлении — 1879 г.). Во-вторых, неизвестно точное время издания брошюры «N.-Guinea. 1871–1877». На обложке поставлены 1871–1877 гг., тогда как собранные в ней статьи были опубликованы в 1871–1875 гг.

Вероятно, здесь рано ставить точку в исследовании данного вопроса, поскольку требуется более подробный и более сложный анализ как упомянутых, так и многих других источников. Однако уже на этом этапе можно говорить вполне уверенно: наложение датировок «толстых томиков» и брошюры «N.-Guinea. 1871–1877» свидетельствует о том, что между ними не существует какого-либо «пропавшего» документа. К этому можно добавить необходимость следовать такому разбиению «основных дат жизни и деятельности» Миклухо-Маклая на группы, которые соответствуют экспедиционным циклам с учетом промежуточных поездок или остановок в крупных городских центрах и которые должны совпадать с распределением по годам («номерам») полевых записей и публикаций. Интересующий нас период можно разделить на группы примерно следующим образом: 1) 1871–1872, 1873–1874, 1874–1875; 2) 1876–1877; 3) 1879–1880, 1880–1881. При таком подходе в глаза бросается тот факт, что сам Миклухо-Маклай, как видно из заглавия вышеуказанной брошюры, выделил период 1871–1877, объединяющий группы 1 и 2, но не включающий группу 3. Поскольку данная брошюра содержит публикации только по Новой Гвинее и только до 1875 г., можно предположить, что в ней есть и материалы, относящиеся ко второму пребыванию Миклухо-Маклая на Берегу Маклая в 1876–1877 гг., но

в виде записей на вставных листах²⁸. Если наша гипотеза верна, по годам все сходится²⁹.

* * *

В завершение нашего обзора результатов полевых этнографических исследований Миклухо-Маклая вернемся к вопросу об отсутствии у него склонности или, если угодно, вкуса к теоретическим построениям. После него не осталось крупных теоретических сочинений, но его научная практика и выступления перед широкой публикой насыщены скрытыми теоретическими положениями. По складу ума Миклухо-Маклай был критически мыслящим человеком. Свое выступление по «Программе исследований» 7 октября 1870 г. он завершил следующими словами: «В заключение я должен оговорить, что вышеизложенная программа *не рассматривается мною критически*. Собирая эти научные desiderata, я хотел только выслушать все то, что могут от меня требовать специалисты по разным научным отраслям. Насколько и каким образом могут быть исполнены эти задачи — окажется на месте» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 307–308]. Это свидетельствует о том, что Миклухо-Маклай с самого начала стремился создать определенную парадигму, некую единую систему постановки и решения научных задач. Вообще, как «человека науки», его проще понять по манере научного поведения, объединявшей абстрагирование и эксперимент, что выгодно отличало его от «путешественников» и «кабинетных ученых». Не следует забывать, что он начинал свое образование в Гейдельберге как студент-философ, а затем перешел к изучению медицины и зоологии.

Для этнографа систематическое знакомство с научной деятельностью Миклухо-Маклая полезно с точки зрения пересмотра общепринятых взглядов на историю этнографии. Период, в который он жил и работал, не был эпохой становления эволюционизма

²⁸ По мнению составителей шеститомного собрания, рукописные записи появились *во время* второго пребывания ученого на Берегу Маклая [Миклухо-Маклай III: 353]. Однако логичнее считать, что эти записи были сделаны после возвращения, т.е. не ранее появления самой брошюры.

²⁹ Вариант, согласно которому данная брошюра является одним из двух «толстых томиков», рассматривается нами как наименее вероятный, исходя из того, что ее основное содержание составляют *не* материалы.

в этнографии (под влиянием идей Чарльза Дарвина). В это время завершался процесс формирования предметной области этнографии. Следует помнить, что Дарвин не изобретал эволюционизма. Дарвином была предложена — в пределах уже существовавших представлений об эволюции — гипотеза естественного отбора, объясняющая, как происходит эволюция в животном мире. С этой точки зрения теория «пережитков» Тэйлора является обратной функцией теории естественного отбора Дарвина применительно к человеческой культуре, ибо и то, и другое предполагает возможность не обращаться к теологии при объяснении явлений окружающего мира, а без этого идея эволюции в той или иной форме пронизывала этнографию/этнологию по крайней мере с конца XVIII в. Эволюционный подход в известной степени даже тривиален. Это первое, что приходит в голову при научном (экспериментальном, индуктивном) взгляде на окружающий мир. Дарвинизм во второй половине XIX в. лишь стимулировал работу по взаимному определению (отделению) предметов физической антропологии и этнографии (в рамках богословской концепции такая проблема не возникает). В этой связи, вероятно, следует помнить, что книга Тэйлора «Первобытная культура» начинается с определения предмета этнографии — «науки о культуре».

В сущности, тогда все споры сводились к одному вопросу: входят ли предметные области исследования антропологии и этнографии в отношении подчинения или исключения? Англосаксонские версии этнографии пошли по первому пути, российская и немецкая — по второму. Труды Миклухо-Маклая занимают особое место в разработке именно второй, как кажется, более рациональной версии. Вероятно, чем больше Миклухо-Маклай вникал в вопросы конкретизации предметной области физической антропологии за счет зоологии и прежде всего сравнительной анатомии, тем больше он отдалялся от нее в сторону этнографии. В его работах противопоставление полевой этнографии, которую он фактически определял как метод создания этнографических источников, и этнологии, за которой он по умолчанию оставлял изучение «истории народов» или сходства/различия «племен», выступало дополнительным аргументом в пользу выделения этнографии из антропологии. Можно соглашаться или не соглашаться с противопоставлением этнографии и этнологии, но до исследований Миклухо-Маклая понятие полевой этнографии (в терминах профессионального подхода к это-

му виду деятельности) как таковое вообще не существовало. Параллельно он противопоставлял этнографию географии, что было весьма своевременно для российской науки того времени. Таким образом, он на практике создал полевую этнографию как особый институт науки. Изменения в организации полевых исследований немедленно отражались на структуре его этнографических отчетов и научных статей.

Подобные рассуждения относительно особой роли Миклухо-Маклая абсолютно уместны, ибо контекст оказывается всегда шире текста. Во многом именно благодаря его усилиям, даже самому его присутствию, российская этнография не оказалась в стороне от мировой науки, сосредоточившись, подобно некоторым другим национальным наукам, на «домашней» проблематике (*local topics*), какой бы широкой по своему масштабу она ни была для Российской империи с ее огромной территорией. Главное — он принадлежал той группе представителей мировой науки своего времени, которые, по крайней мере потенциально, способствовали тому, чтобы этнографическая наука как таковая перешла на более высокий уровень («новый тип») интуиции, если под научной интуицией подразумевать упорядоченный набор способов наблюдения и интерпретации фактов.

**НЕИЗВЕСТНЫЕ РИСУНКИ
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ,
АВТОГРАФЫ И ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ
В МАКЛАЕВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ
БИБЛИОТЕКИ МАЭ РАН**

В фонде отдела БАН при МАЭ РАН (далее — библиотека МАЭ) хранятся издания, принадлежавшие Н.Н. Миклухо-Маклаю и его семье. Эти документы — часть архивной коллекции, которую в течение многих лет собирал младший брат ученого, Михаил Николаевич. В 1927 г. коллекция поступила в МАЭ [Лебедева 2007; Решетов 2010; Шаскольская 2012]. Разбор и описание коллекции были поручены сотруднику отдела Австралии и Океании А.Б. Пиотровскому³⁰. Под его руководством была составлена опись, большая часть материалов передана в Ленинградское отделение Архива АН СССР (ныне — СПФ АРАН), фонд 143, а печатные издания — в библиотеку МАЭ.

Опись коллекции (рукопись) хранится в отделе Австралии и Океании МАЭ. К ней приложен подробный комментарий, составленный А.Б. Пиотровским, в котором дан обзор коллекции по разделам (см. прил. 3).

Материалы, переданные впоследствии в библиотеку МАЭ, образуют разделы № 12 («Список книг, не имеющих в Музее (работы М.-М.)») и № 13 («Книги, статьи, карты по антропологии и этнографии, представляющие интерес для Музея, а также касающиеся биографии Миклухи-Маклая») (см. прил. 2).

³⁰ Пиотровский Александр Брониславович (1888–1942), сотрудник МАЭ с 1917 г. Специалист по Австралии и Океании. Занимался описанием коллекций отдела, в том числе коллекций Миклухо-Маклая, подготовкой постоянных и временных выставок, переводами. Подготовил к печати издания сочинений Миклухо-Маклая (1936, 1940–1941 гг.). Автор нескольких статей по этнографии Австралии и Океании, биографических очерков Н.Н. Миклухо-Маклая.

Всего по спискам № 12 и 13 предполагалось передать в библиотеку 67 единиц хранения. На большинстве обложек сохранились надписанные карандашом номера по порядку, соответствующие номерам в списках.

Эти издания были приняты библиотекой в два приема. 15 февраля 1932 г. записан в инвентарную книгу 21 документ из списка № 12 (в графе об источнике поступления пометка: «Из Отдела»). Остальные издания поступили в фонд только через два года и записаны в инвентарь 26–31 января 1934 г. (с пометкой «Из Архива ИАЭ»).

В послевоенное время в библиотеке была проведена полная проверка сохранности фондов, в 1953 г. все издания были записаны в новые инвентари и получили новые инвентарные номера (шифры в основном остались прежние).

Первоначально, возможно, было намерение как-то выделить Маклаевскую коллекцию: на картонных переплетах некоторых брошюр имеется надпись «Редк.» (редкая книга), но отдельное хранение не было организовано.

Только на двух старых каталожных карточках есть пометка «Автограф Н.Н. Миклухо-Маклая» (см. прил. 1, № 10, 13). Одно из этих изданий, а также атлас (прил. 1, № 52) со случайно обнаруженными автографами Миклухо-Маклая хранились как отдельная коллекция с 1980-х годов (рис. 6, 37).

В настоящее время Маклаевская коллекция библиотеки МАЭ насчитывает 62 единицы хранения, выявленные по музейной описи и старым (до 1953 г.) инвентарным книгам (аннотированный список — см. прил. 1).

Маклаевская коллекция невелика по объему. Большая часть коллекции — оттиски (как специально отпечатанные, так и просто фрагменты журналов), одна книга, несколько карт. В библиотеках нашего города это, вероятно, самая большая подборка прижизненных изданий Миклухо-Маклая, причем принадлежавших лично ему. Достаточно большое собрание (23 названия, статьи по естественным наукам) имеется также в библиотеке Зоологического института РАН.

Миклухо-Маклай провел всю жизнь в путешествиях и не имел возможности собирать библиотеку. Но он участвовал в работе нескольких научных обществ, следил за научными изданиями, нередко в письмах просил своих корреспондентов прислать ему ту или

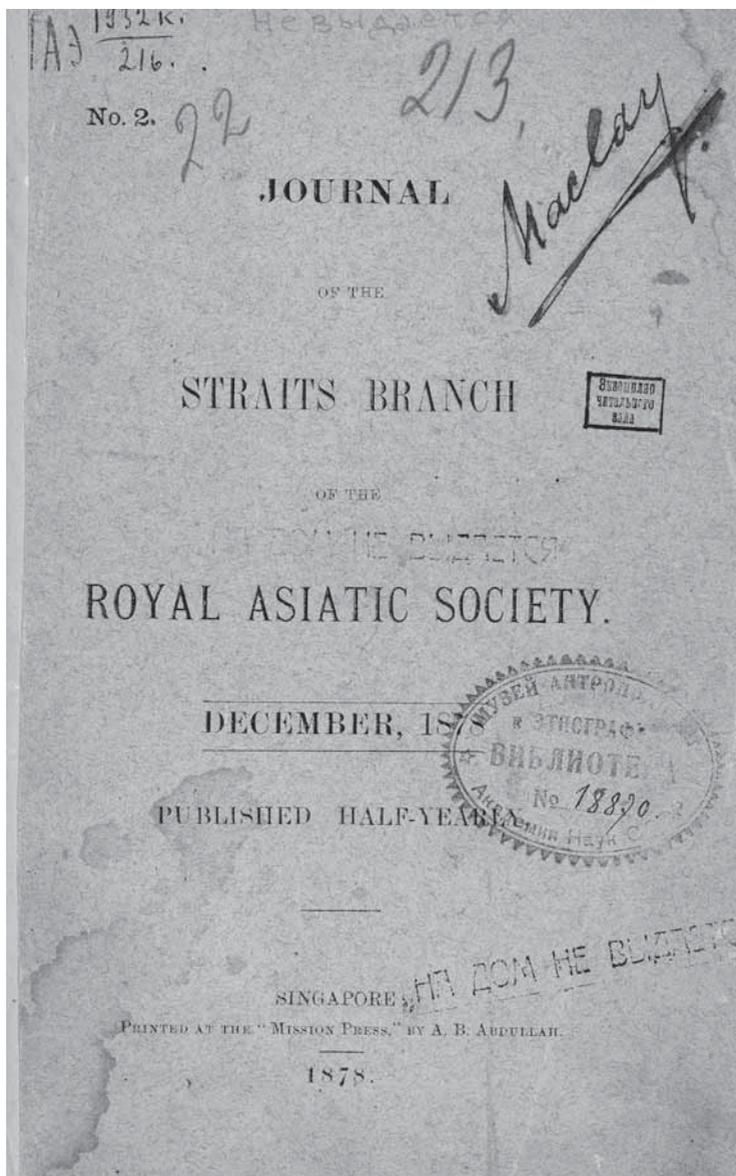

Рис. 6. Обложка с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая (Journal of the straits branch of the Royal Asiatic Society, K-216)

иную статью. Маленькая коллекция, хранящаяся в библиотеке МАЭ, хорошо подобрана: все представленные издания соответствуют кругу научных интересов ученого и его общественной деятельности.

Особую значимость коллекции придают сохранившиеся авторские пометы и обнаруженные недавно рисунки. На большинстве документов Маклаевской коллекции имеется владельческая запись ученого — *Maclay*, с энергичным росчерком или виньеткой. Хороший рисовальщик, Миклухо-Маклай любил рисовать не только с натуры, но и просто вычерчивать узоры в минуту отдыха или раздумья. Он часто оформлял немые обложки как титульный лист: стилизованным почерком выписывал название статьи, фамилию автора, добавлял виньетку или орнамент. Просматривая статью, он исправлял типографские ошибки и опечатки, помечал на полях или подчеркивал важные места в тексте.

Записи делались карандашом, если тушью или чернилами, то нередко поверх предварительной черновой наметки карандашом. Его карандаш был всегда хорошо заточен; кроме простого, использовались синий и красный карандаши.

В части коллекции, соответствующей списку № 12, представлены печатные труды Миклухо-Маклая по этнографии и антропологии. Имеется также несколько статей по зоологии, включая одну из первых его публикаций (прил. 1, № 1).

Несколько оттисков были использованы при подготовке к изданию двухтомника сочинений Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай 1940, 1941]. На оттисках из отечественных журналов сохранилась редакторская правка карандашом составителя издания А.Б. Пиотровского. Обширные карандашные вставки сохранились на оттиске статьи “Einiges über Dialecte der Melanesischen Völkerschaften in der Malayschen Halbinsel” (прил. 1, № 11): к списку диалектных слов добавлен русский вариант, прикреплен скрепкой лист с переводом одного абзаца (рукой А.Б. Пиотровского). Эта статья в переводе А.Б. Пиотровского была опубликована на русском языке полностью впервые [Миклухо-Маклай 1941: 223].

Завершает список прижизненных изданий Миклухо-Маклая статья «На несколько дней в Австралию» (две вырезки из газеты «Новое время»), вторая часть которой вышла в свет за две недели до смерти автора (прил. 1, № 30). На вырезках красным и синим карандашами подчеркнута название статьи, надписаны выходные данные.

Среди трудов различных авторов самое раннее издание — подборка статей (писем) академика Л. фон Шренка с дарственной надписью (см. прил. 1, № 32). В этой подборке Миклухо-Маклая интересовалась, в частности, тема измерения температурного режима воды. Этой темой он занимался еще во время первой экспедиции на Красное море и включил ее в свою «Программу предполагаемых исследований во время путешествия на острова и побережья Тихого океана» [Миклухо-Маклай III: 296]. В первый раздел программы включен целый комплекс гидрологических исследований: изучение температуры воды на разных глубинах, вблизи берегов и в удаленных районах, исследование морских течений и прибрежных источников и т.д. Ссылки на «Письма» фон Шренка встречаются в нескольких статьях Миклухо-Маклая, посвященных исследованию морской фауны.

На обороте обложки этого оттиска, который Миклухо-Маклай особенно ценил, изображена сложная трехцветная виньетка (черный, синий, белый цвета). В центре хорошо читается монограмма «НМ».

На нескольких изданиях имеются надписи, по содержанию (From the author) похожие на дарственные. Но по почерку, который можно сравнить со здесь же присутствующей владельческой записью, можно определить, что они, видимо, сделаны самим Миклухо-Маклаем как указание на источник поступления. Это относится к оттиску статьи Т. Гексли с красиво оформленной обложкой (прил. 1, № 34); к брошюре, полученной от П. Фёльше (прил. 1, № 39).

Наибольший интерес представляет книга с рисунками Миклухо-Маклая (библиотечный шифр И-100, инв. № 81). Эта книга и история ее появления в данном собрании заслуживают более подробного рассказа.

Полное название книги — “Notes and Queries on anthropology, for the use of travelers and residents in uncivilized lands” (London, 1874). Издание подготовлено «Британской ассоциацией прогресса наук» и выпущено в свет для того, «чтобы содействовать точным антропологическим наблюдениям путешественников и чтобы помочь тому, кто не является антропологом, собирать необходимую для научных исследований информацию» [Notes and Queries 1874: IV]³¹.

³¹ “The object of the work is to promote accurate anthropological observation of the part of travelers, and to enable those who are not anthropologists themselves to supply the information which is wanted for the scientific study of anthropology at home”.

Появление “Notes and Queries” можно рассматривать как этап в формировании методики полевых этнографических исследований и становлении этнографии как науки [Токарев 1978: 26]. Этнография той поры основывалась на сведениях, поступающих от миссионеров, путешественников и разного рода чиновников. Инструкции и вопросники, содержащиеся в книге, должны были обеспечить возможность получения объективной и значимой информации, которая могла бы послужить источником для научного анализа.

Книга начинается с краткого руководства по физической антропологии, со схемами измерения тела человека и таблицами П. Брока для определения цвета глаз и кожи. Раздел «Культура» включает небольшие тексты и очень объемные вопросники по самому широкому кругу тем: история, археология, медицина, пища, каннибализм, мораль, религия, идолы и прочие суеверия, магия и колдовство, мифология, право, обычаи, собственность, торговля, меры и вес, война, охота, кочевая жизнь, земледелие, домашние животные, рабство, общественные отношения, инфантицид, воспитание, инициации, игры и развлечения, средства передвижения, раскраска и татуировка, одежда и т.д. (всего 100 глав). Авторами текстов и вопросников стали известные ученые: Э. Тэйлор, Лэн-Фокс (Питт Риверс) и др.

Выпущена книга в удобном «карманном» формате. Британская ассоциация позаботилась о том, чтобы руководство достигло адресата: экземпляры были разосланы в британские колонии и передавались служащим на местах [Urry 1973: 54].

Это руководство оказалось очень востребованным. Книга неоднократно переиздавалась (в 1892, 1899, 1912, 1929, 1951 гг.)³². Менялся состав авторов, изменялись в соответствии с развитием научных знаний состав статей и содержание вопросников. Последовательное сравнение изданий этой книги дает информацию о перемене взглядов и течений в этнографической науке [Ibid.: 56].

Каким образом и когда книга попала к Н.Н. Миклухо-Маклаю, мы узнаем из надписи на форзаце: *C. Mayo march 1875 to N. M.-Maklay. IsthanaJohore, 2 may 1875* (рис. 7). Эта надпись также похожа на дарственную, но явно сделана самим Маклаем. На втором форзаце — владельческая запись Миклухо-Маклая, причем обе надписи сделаны тушью поверх карандаша.

³² В библиотеке МАЭ, кроме первого, представлены издания 1899 (с владельческим штампом В.И. Иохельсона) и 1912 гг.

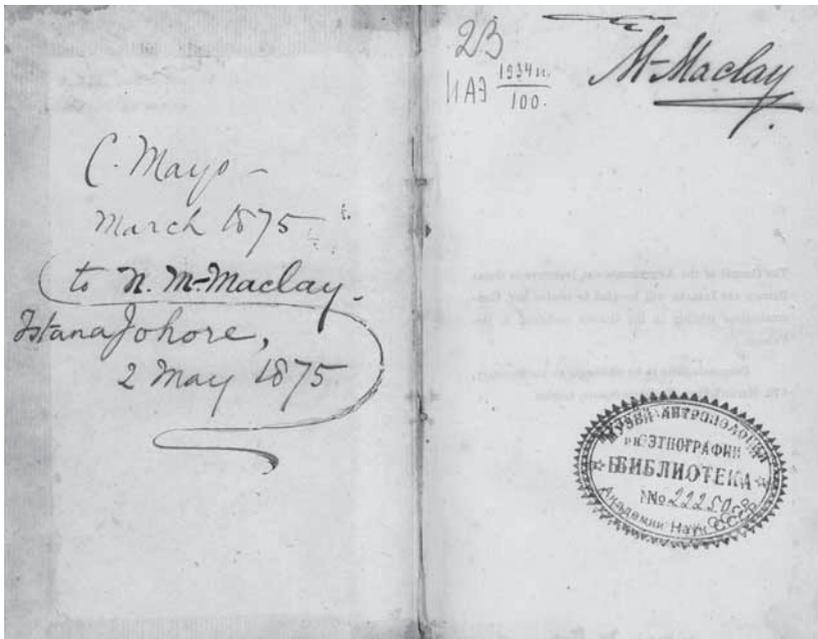

Рис. 7. Форзац книги с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая
(Notes and queries on anthropology. И-100)

Чарльз Мейо, подаривший книгу Миклухо-Маклаю, принадлежал к известной британской семье. Он родился в 1837 г. в Винчестере, учился медицине в Нью-Колледже (Оксфорд). В 1862 г. отправился в Америку и как военный хирург служил в армии генерала Гранта. Вернувшись в 1863 г., несколько лет провел в Англии. С началом Франко-прусской войны поступил на службу в германскую армию и успешно руководил обустройством и дальнейшей работой госпиталя в Дармштадте, где находились на излечении как немецкие, так и французские солдаты (за что был отмечен несколькими наградами). Далее перешел на голландскую медицинскую службу и с голландским корпусом отправился на о. Суматру, где в 1873–1874 гг. велись военные действия (так называемая Ачехская война).

Весной 1875 г. Чарльз Мейо проездом через Джохор следовал на о. Фиджи — к новому месту службы в медицинском управлении колониальной администрации. В это время Миклухо-Маклай путешествовал по Малаккскому полуострову и неоднократно бывал

в Джохоре. Тогда, вероятно, и состоялось знакомство. Дарственная надпись достаточно точно датирует период общения: в июне Мейо уже приступил к своим обязанностям на Фиджи, так что подарок, сделанный 2 мая, очевидно, был прощальным. По-видимому, больше они не встречались. В 1877 г., следуя с Фиджи в Сидней, Чарльз Мейо умер и был по морскому обычаю погребен в океане.

Врач, путешественник, знаток архитектуры и музыки, Чарльз Мейо был незаурядным человеком, вероятно, и интересным собеседником. Знакомство продолжалось недолго, но, по-видимому, вспоминалось с хорошим чувством: в переписке Миклухо-Маклай трижды упоминает о Мейо, причем называет его своим другом. Во всех трех случаях речь идет всего лишь о том, что англичанин помог ему перевести письмо Дорну с проектом создания зоологической станции в Джохоре [Миклухо-Маклай V: 140, 143, 144].

Подаренная книга, в прочном переплете с кожаным корешком, сопровождала Миклухо-Маклая долгие годы. В ней сохранились маргиналии Миклухо-Маклая — карандашные подчеркивания, отметки на полях, которые позволяют определить, какие темы и положения вызвали особый интерес ученого.

Так, в разделе «Нравственность» он отчеркнул утверждение, что у каждого племени есть своя система морали, основанная на собственных понятиях, что считать правильным и неправильным. В разделе «Религия» отметил как важный пункт вопросника: «Есть ли у растений душа?». В разделе о татуировке подчеркнуты вопросы, на которые Миклухо-Маклай искал и нашел ответы: отражает ли татуировка этапы взросления и значимые события.

Эта книга послужила и для зарисовок, когда под рукой не оказалось подходящего листа бумаги.

В книге обнаружены ранее неизвестные рисунки Миклухо-Маклая. Очевидно, все они сделаны в феврале–марте 1880 г., во время первого посещения южного берега Новой Гвинеи. Вместе с миссионерами Чалмерсом³³ и Безвиком на пароходе «Элленго-

³³ Чалмерс Джеймс (1841–1901), шотландец по происхождению, начал миссионерское служение в 1867 г. на о. Раротонга (о-ва Кука, Полинезия), а в 1877 г. перебрался на Новую Гвинею. Он открывал школы, церкви, готовил тичеров (миссионеров из числа туземцев). Его деятельность была очень успешной, он был популярен среди жителей. Погиб от рук туземцев при посещении о. Гоарибари [Такер 1998].

ван» Миклухо-Маклай морским путем достиг южного побережья и 7 февраля высадился в деревне Карепуна [Миклухо-Маклай II: 315]. Здесь он зарисовал множество образцов татуировки, как отдельные фрагменты орнамента, так и татуированные женские фигуры. Обитательницы деревни, как заметил ученый, гордились своей татуировкой и позировали очень охотно. Ему удалось выяснить, что детали орнамента имеют особые названия и что расположение татуировки на теле соответствует возрасту [Там же: 316, 317].

Некоторые затруднения в работе Миклухо-Маклая были связаны с присутствием миссионеров, которые надеялись уничтожить этот не соответствующий, по их убеждениям, насаждаемому христианству обычай. Являясь гостем в экспедиции, Миклухо-Маклай выбирал для зарисовок время, когда миссионеры отсутствовали в деревне.

В Карепуне Миклухо-Маклай провел несколько дней. 11 февраля 1880 г. ему была сделана татуировка: он рассчитал, что именно таким образом узнает наверняка все детали процесса. Для этого ученый отправился в хижину к мастерам (вернее, мастерицам) татуировки, с которыми договорился накануне, где, как он пишет, «предоставил им левое плечо ... и выбрал небольшой рисунок для этой цели» [Там же: 317]. Далее Миклухо-Маклай описывает ход татуировки. Сначала рисунок наносится на кожу палочкой с краской, а затем накальвается. Для этого используются «кини» — небольшая палочка с острым шипом на конце и «беу» — молоточек из палочки, обмотанной листьями [Там же: 318]. Боль при татуировке Маклаю показалась незначительной, и вторая мастерица также смогла показать свое искусство: «Еще один рисунок был нарисован, а затем нататуирован на другом месте руки» [Там же: 320].

На третьем форзаце книги изображены два образца татуировки, сделанные синим карандашом по наметке простым карандашом (рис. 8). Под рисунком подпись '*Karepuna*'. Не эти ли два рисунка, подготовленные заранее, были вытатуированы на предплечье Миклухо-Маклая?

Инструменты («кини» и «беу»), использовавшиеся при татуировке, ученый приобрел для своей коллекции [Там же]. Они зарегистрированы Е.Л. Петри (колл. № 402-162, 402-163), впервые опубликованы А.Б. Пиотровским [Миклухо-Маклай 1940: 361; Иванова 1998: 109].

Рис. 8. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая: образец татуировки
(Notes and queries on anthropology. И-100)

Из Карепуны Н.Н. Миклухо-Маклай и его спутники морем отправились дальше вдоль южного берега, где посетили еще несколько деревень. На обратном пути они побывали в деревне Кало (недалеко от Карепуны, на другом берегу бухты) [Миклухо-Маклай II: 323–324]. С борта корабля был сделан едва заметный набросок карандашом на последней странице: вид берега с моря, надпись 'Kalo' (рис. 9).

Рис. 9. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая: вид с моря
(Notes and queries on anthropology. И-100)

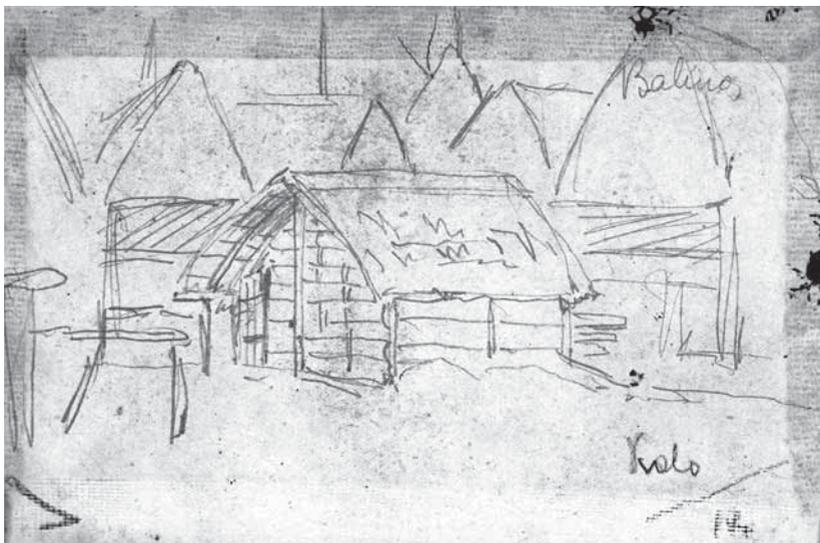

Рис. 10. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая: хижины в деревне Кало
(Notes and queries on anthropology. II-100)

Карандашный набросок хижин этой деревни — на 4-м форзаце книги, внизу — подпись синим карандашом 'Kalo' (рис. 10). На том же рисунке справа сверху простым карандашом загадочная надпись 'Balina', значение которой пока не удалось раскрыть.

На обороте титула еще один неясный набросок без подписи: хижина с высоким «шпилем» намечена легкими штрихами (рис. 11). Вероятно, это черновой набросок очень узнаваемой по опубликованному рисунку хижины в Кало [Миклухо-Маклай II: 323].

Найденные в МАЭ РАН до сих пор неизвестные рисунки дополняют обширную коллекцию рисунков Миклухо-Маклая, разбросанную по архивам, музеям и библиотекам мира.

Путешествие на «Элленговане» длилось более двух месяцев, и еще несколько недель Миклухо-Маклай провел в доме Дж. Чалмерса, в его главной резиденции Амбоине (порт Морсби).

Еще раз посетить деревню Кало вместе с Чалмерсом Миклухо-Маклаю было суждено при трагических обстоятельствах. В 1881 г. там было совершено убийство, погибли 12 человек, среди них тичер — миссионер из туземцев. Зная, что готовится карательная экспедиция, Маклай отправился к возглавлявшему ее коммодору Уилсону и сумел

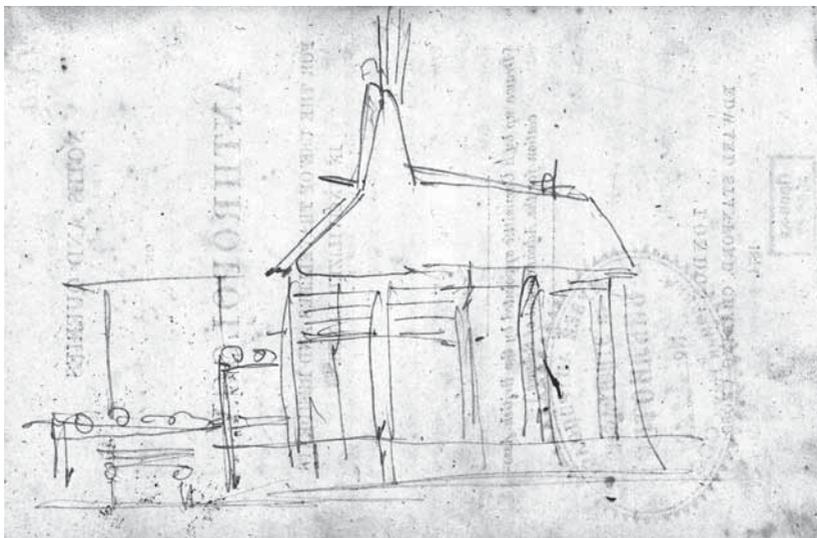

Рис. 11. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая: хижина
(Notes and queries on anthropology. И-100)

убедить его в том, что наказание должно постичь только самих участников преступления. Получив согласие и присоединившись по просьбе коммодора Уилсона к экспедиции, Миклухо-Маклай посоветовал пригласить к участию также Дж. Чалмерса, который пользовался большим уважением папуасов. Чалмерс согласился только после того, как узнал, что экспедиция будет носить мирный характер и имеет целью наказание только главных виновников.

В 1883 г. они случайно встретились на корабле, следующем в Австралию. Их мнения об отношении белых к аборигенам, к возможности установления протектората Англии над островами в основном совпадали. Миклухо-Маклай и Чалмерс написали совместное письмо лорду Дерби о защите прав жителей Новой Гвинеи [Миклухо-Маклай V: 331].

Деятельность миссионеров не была близка ученому, более того, он был убежден, что «умение читать, писать и петь псалмы» не уравновешивается теневой стороной деятельности миссионеров: следом за ними приходят «эксплуататоры всякого рода, влияние которых проявляется в распространении болезней, пьянства, огнестрельного оружия и т.д.» [Миклухо-Маклай II: 430]. Но к Чалмер-

су, человеку безусловно выдающейся духовной силы и самоотверженности, он был очень расположен. Именно «в честь достопочтенного Джеймса Чалмерса, хорошо известного и уважаемого миссионера южного берега Новой Гвинеи», Миклухо-Маклай назвал описанный им новый вид кенгуру (*Dorcopsic chalmersii* Mcl. 1885) [Миклухо-Маклай IV: 154].

В Маклаевской коллекции библиотеки МАЭ есть статья Чалмерса (его доклад в Географическом обществе в Лондоне), в которой рассказывается и о путешествии «Элленгована», и о событиях в Кало в 1881 г. (см. прил. 1, № 40). Но упоминаний о Миклухо-Маклае в ней нет.

На этом оттиске нет никаких помет. Возможно, статья поступила в Россию уже после смерти ученого.

В небольшом собрании картографического материала особый интерес представляет атлас Новой Гвинеи (прил. 1, № 52). Это приложение к отчету экспедиции на голландском пароходе «Этна» вокруг Новой Гвинеи в 1858 г. Руководителем экспедиции был Х. фон Розенберг (1817–1888), геодезист и картограф. Несколько карт из этого атласа Миклухо-Маклай использовал в своих путешествиях, на картах сохранились его пометки и обозначения маршрутов. Весной 1874 г. на урумбае он совершил плавание по заливу Киуру (берег Папуа-Ковиай, западная часть Новой Гвинеи). На л. 6 рукой Миклухо-Маклая выписаны даты его поездки (27, 28, 29 Mars 1874 г.) и обозначен маршрут. На карте аккуратно надписаны недостающие географические названия. В центре надпись на немецком языке: “*niedrig Inseln mit mangrava Bäume bedekles fundet sich eine Durchfahrt für kleine Prauen von Vaimatu nach Timbona*” ([среди] низменных островов, покрытых мангровыми деревьями, находится проход для маленьких прау от Ваимату до Тимбона).

Все надписи сделаны карандашом.

Эта поездка очень подробно описана [Миклухо-Маклай I: 310–314].

Разрозненные листы приложения помещены в картонную папку. На верхней крышке неясный автограф сверху и владельческая запись Миклухо-Маклая. оборот нижней крышки наполовину покрыт сложным орнаментом. В центре орнамента виньетка с надписью «Папуа-Ковиай».

В коллекции присутствуют три статьи зарубежных авторов о Миклухо-Маклае (прил. 1, № 55, 56, 57). Первая из них написана

Э.С. Томассеном. Англичанин по происхождению и инженер по профессии, Эрве Салиган Томассен был также путешественником и членом Британского географического общества. Многие годы он провел в Австралии, где и познакомился с Н.Н. Миклухо-Маклаем. При написании книги он не только воспроизвел рассказы путешественника, но и воспользовался текстами его статей, о чем свидетельствуют пространственные цитаты. Миклухо-Маклай также просматривал окончательный вариант текста. В дарственной надписи на статье Томассен прямо называет себя «компилятором». Эта брошюра, вышедшая в самом начале 1882 г., появилась очень своевременно: Н.Н. Миклухо-Маклай отправлялся в Европу и Россию, и главной его задачей было добыть средства на дальнейшие исследования и обработку собранного материала, в том числе на подготовку к печати собственных рукописей.

В брошюре Томассена есть несколько ценных приложений. Это переписка Н.Н. Миклухо-Маклая по вопросам защиты прав жителей Новой Гвинеи, в том числе известное письмо А. Гордону от 11 (23) января 1879 г. В этом письме ученый предлагает для защиты жителей Берега Маклая поддержать их право на землю обитания и запретить ввоз алкоголя и огнестрельного оружия. Именно по брошюре Томассена была сделана публикация письма в собрании сочинений [Миклухо-Маклай V: 209]. Томассен поместил в приложении и ответное письмо Гордона (частью приведено в комментарии [Там же: 655]); как важная помечена фраза о решительной поддержке со стороны Гордона запретных мер, предложенных Миклухо-Маклаем [Thomassen 1882: IV].

Томассен также приложил отрывок из своего письма, в котором пересказывает поразившие его эпизоды из жизни Н.Н. Миклухо-Маклая.

По пути в Россию летом 1882 г. Миклухо-Маклай познакомился с известным французским ученым Г. Моно³⁴: встреча произошла сначала в Генуе, а через несколько недель — в Шербуре. Моно также был увлечен рассказами путешественника и, воспользовавшись брошюрой Томассена, в свою очередь написал более пространственный очерк о Миклухо-Маклае. Моно прямо объявил в своем тексте, что после 12-летнего пребывания в Океании русский ученый приехал в Европу именно для того, чтобы изыскать средства, достаточные для публикации бесчисленных материалов, собранных во время

³⁴ Моно Габриель (1844–1912) — французский историк и публицист.

путешествий [Monod 1882: 4]. Текст Моно, написанный по-французски экспрессивно, касается не только научной деятельности Миклухо-Маклая, но и его личных качеств. Моно безоговорочно считает его настоящим героем.

Миклухо-Маклай встретился с Моно еще раз в декабре в Париже. В парижском историческом клубе в его честь был устроен вечер, где произнес речь Моно, статья которого как раз появилась (или должна была выйти) в декабрьском номере журнала “Nouvelle Revue” [Тумаркин 2011: 261]. В январе Миклухо-Маклай из Франции отправляется в Австралию и в письме к брату Михаилу, который известил его, что собирается в Париж, просит забрать у профессора Моно «небольшую посылку для матери» [Миклухо-Маклай V: 310]. На оттиске, хранящемся в МАЭ, есть автограф Г. Моно, адресованный “*madame de Mikloucho-Maclay*”. Через Михаила Николаевича или иначе, но оттиск поступил к владельцам, а ныне хранится в библиотеке МАЭ РАН.

На оттиске несколько исправлений. В заголовке статьи неверное написание фамилии “*Miklucho*” исправлено на “*Mikloucho*”. По поврежденной бумаге на обложке видно, что ошибка была исправлена и в дарственной надписи. По тексту везде так и осталось «*Miklucho*». Исправлена также ошибка в названии места рождения путешественника.

В отличие от отчасти компилятивных биографических очерков Томассена и Моно, статья Ж. Деникера³⁵ написана в другом стиле. Автор заранее оговаривает, что не будет останавливаться на биографических данных и пытаться обрисовать «своеобразный и привлекательный характер Миклухо-Маклая: это уже сделал очень подробно и с примечательным талантом г. Моно» [Deniker 1883: 2]. Это серьезный библиографический обзор трудов Миклухо-Маклая, начиная с его первых печатных работ. На полях и в тексте статьи — многочисленные пометки карандашом.

³⁵ Деникер Жозеф (1852–1918), французский антрополог, создал свою систему расовой классификации, которую принято считать основополагающей. По происхождению француз, он родился и получил специальное инженерное образование в России. В 1876 г. переехал во Францию, прослушал в Сорбонне курс естественных наук. Занимал должность главного библиотекаря Парижского музея естественной истории. О знакомстве или переписке с Миклухо-Маклаем сведений нет.

Автор обзора оценил открытия, сделанные Маклаем, в том числе опровержение идеи «пучковолосости» папуасов [Ibid.: 13].

Некоторые суждения автора обзора отмечены знаком вопроса. Это предположение о различии волосяного покрова у папуасов и негритосов, утверждение, что полинезийцы не жуют бетель [Ibid.: 10]. Большие дома папуасов, по мнению Деникера, могут считаться аналогом свайных жилищ предков европейцев эпохи позднего палеолита и бронзы [Ibid.: 15].

Последние по времени публикации, представленные в данной коллекции, вышли в свет уже после смерти Миклухо-Маклая. Сохраненные родственниками ученого, эти издания не имеют никаких маргиналий.

**МАТЕРИАЛЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РИСУНКОВ
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ.
ИЗ ИСТОРИИ МАКЛАЕВСКОЙ
КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН**

В ходе своей многолетней работы Н.Н. Миклухо-Маклай, помимо Новой Гвинеи, посетил Малайзию, Индонезию и многие острова Тихого океана, оставив описания различных народностей и культур. Эти данные, видимо, только частично опубликованные путешественником (зачастую в зарубежных изданиях), должны были быть объединены в сводном труде. Замысел создания единого фундаментального издания, по всей вероятности, составлял важнейшую часть научных планов исследователя. И он отнюдь не держал это в секрете. В 1882 г. Миклухо-Маклай дал подробное интервью для газеты (автор текста не установлен), в котором, в частности, говорил о своем будущем сочинении. Однако на тот момент, по его собственному замечанию, материалы были еще практически не обработаны [Миклухо-Маклай IV: 540]. В конспекте лекций, прочитанных в Петербурге в ноябре—декабре 1886 г., содержится следующая пометка: «Не стану <все рассказывать>, чтобы не утомлять вас длинным описанием, прочтете когда-нибудь в моей книге...» [Миклухо-Маклай III: 319].

В последние годы жизни (1886—1887) Миклухо-Маклай с помощью переписчиков обработал свои новогвинейские дневники (этнографический материал по Новой Гвинее многократно превосходит по объему сведения, собранные в любом другом регионе). Как известно, это делалось для подготовки текстов к печати. О рукописи с описанием путешествий, поступившей в РГО после смерти Миклухо-Маклая, существует краткое упоминание в журнале заседаний от 12.04.1888 [Известия 1888, т. 24: 510]. Как пишут Б.Н. Путилов и Д.Д. Тумаркин, «вице-председатель представил приготовленный к печати покойным Н.Н. Миклухо-Маклаем первый том описаний его путешествий, обнимающий описание пребывания его в Новой

Гвинею» [Миклухо-Маклай I: 10]. Впоследствии, при поступлении в РГО общего фонда рукописей ученого, данные материалы смешались с остальными материалами его архива. Отдельные тетради были частично утрачены³⁶.

Несмотря на то что ранняя смерть ученого не позволила сбыться его планам относительно публикации дневников путешествий, его труд, как показали посмертные издания, не пропал. Избегая общих слов о значимости научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая, необходимо подчеркнуть, что даже частично систематизированные материалы дают нам яркую и многостороннюю картину описываемой им этнографической реальности. Нельзя также забывать, что тексты этнографических отчетов являются не единственным научным жанром, которым владел путешественник.

Вероятно, также нет нужды лишней раз акцентировать внимание на исключительной исторической и этнографической ценности таких материалов, как его рисунки. Известно, что Миклухо-Маклай придавал огромное значение изобразительным средствам фиксации культуры (в частности, живо интересовался активно развивавшимся в то время искусством фотографии и практиковался в нем). Что же касается его рисунков, то в силу того, что автор весьма неплохо владел карандашом и кистью, их значение как изобразительного источника трудно переоценить.

В этой связи чрезвычайно интересен тот факт, что именно рисунки, в отличие от дневниковых записей, были систематизированы автором ранее всего, о чем он и говорил в упомянутом выше интервью. «Коллекции и рисунки — вот все, что более или менее приведено мною в порядок... А рисунков немало» [Миклухо-Маклай IV: 541].

Конечно, систематизировать предметы и рисунки в некотором отношении значительно проще, чем работать с текстом. Возможно, этим обстоятельством объясняется то, что названные материалы были разобраны автором в первую очередь. Но в данном контексте более важно то, что именно рисункам в трудах Миклухо-Маклая придается особое значение.

После смерти Н.Н. Миклухо-Маклая рисунки и фотографии из его экспедиций, как, впрочем, и рукописные источники, разо-

³⁶ Подробнее см. шеститомное собрание сочинений [Миклухо-Маклай I: 11].

шлись по различным архивам и музеям. Это почти (но не окончательно) лишает нас возможности восстановить первоначальную идею автора, в соответствии с которой он упорядочивал свои изобразительные материалы.

Тем не менее даже относительная разрозненность маклаевских фондов не препятствует поискам ценной информации относительно иллюстративного сопровождения в работах Миклухо-Маклая, если проанализировать данный комплекс источников по двум взаимосвязанным направлениям. Исследование содержательной части материала (рисунок как изображение реальности) позволяет лучше понять собственное видение автора изучаемой им культуры. Состав собрания (рисунок как музейный предмет, единица хранения) в значительной степени отражает метод подбора, посредством которого Миклухо-Маклай стремился *представить* исследуемую культуру, т.е. как можно точнее передать свои впечатления (коннотации) зрителю, слушателю, читателю. Разницу между «изображением» и «предметом» следует трактовать буквально. Первое связано с выделением некоторого сюжета или мотива, второе — с его исторической атрибуцией (перемещением, идентификацией, копированием и т.п.).

Естественно, для более полного понимания двух составляющих необходимо исследование музейной и архивной жизни материалов, их собственной истории, а также истории их публикаций.

В центре нашего внимания оказывается достаточно разнообразная коллекция рисунков Миклухо-Маклая, хранящаяся в настоящий момент в МАЭ РАН. Учитывая изначальную целостность иллюстративных материалов Миклухо-Маклая, воссоздание истории их последующего разделения равносильно реконструкции той коллекции, которую он составлял в целях иллюстрации своих этнографических исследований. Как показано ниже, собрание МАЭ сохраняет исторические и структурные взаимосвязи с другими собраниями рисунков Миклухо-Маклая.

Как ни странно, история поступления рисунков Миклухо-Маклая в МАЭ никогда специально не изучалась. Между тем обстоятельства формирования этого собрания вызывают множество вопросов. В первую очередь обращает на себя внимание дата регистрации этого собрания — чрезвычайно поздняя для материалов, чье происхождение относится к последней четверти XIX в. Рисунки были зарегистрированы только в 1983 г., спустя 95 лет после смерти Миклухо-Маклая. Из музейных документов можно узнать только

то, что рисунки и ранее хранились в Музее, однако время и обстоятельства их поступления неизвестны.

Даже при беглом знакомстве с коллекцией МАЭ бросается в глаза, что ее состав неоднороден, а это косвенным образом указывает на различные источники поступления. Общее число коллекционных номеров — 49. В большинстве своем коллекция состоит из плакатов крупного формата (до 72×168 см), выполненных автором в качестве иллюстративного дополнения к своим лекциям и в некоторых случаях являющихся авторскими копиями оригинальных рисунков. Меньшую часть рисунков (всего 12) представляют антропологические портреты. Некоторые из них являются лишь набросками, другие же отличаются подробной прорисовкой, передающей не только антропологические, но и индивидуальные особенности модели. На остальных рисунках, также небольшого формата, изображены дома, предметы, человеческие фигуры.

Отправной точкой в изучении данного собрания может стать наличие некоторых публикаций и музейных документов, по которым можно судить, что коллекция, зарегистрированная в 1983 г., не во всем соответствует составу рисунков Миклухо-Маклая, когда-либо хранившихся в МАЭ.

Таким образом, в контексте изучения истории коллекции рисунков Миклухо-Маклая в МАЭ в ее современном виде мы неизбежно затронем вопрос не только о поступлениях, но и об утратах или временном хранении предметов, проходивших через МАЭ в связи с теми или иными событиями в жизни Музея.

Необходимо отметить, что некоторые изменения в составе коллекции произошли непосредственно в процессе работы с ней в последние годы в связи с уточнением ряда обстоятельств. Поэтому в качестве исходной позиции нами рассматривается время создания описи — 1983 г. (см. табл. 1).

Несмотря на позднюю, как уже сказано, дату регистрации, наличие в Музее рисунков Миклухо-Маклая, конечно же, не было тайной. В частности, они привлекли внимание Н.А. Бутинова, который посвятил им специальную статью с целью ввести в научный оборот до того никогда не публиковавшиеся рисунки Миклухо-Маклая [Бутинов 1949: 213–231]. Эта публикация свидетельствует по крайней мере о том, что к 1949 г. рисунки Миклухо-Маклая уже находились в МАЭ. Следовательно, мы имеем возможность сравнить современную коллекцию с теми вещами, которыми Музей располагал ранее.

Рисунки, упоминаемые в статье Н.А. Бутинова, можно разделить на три группы: 1) 31 рисунок, изданный до 1949 г., вместе со ссылками на соответствующие публикации (Н.А. Бутинов приводит список в начале статьи; см. рис. 12); 2) 13 рисунков, опубликованных Н.А. Бутиновым в 1949 г.; 3) 3 рисунка, упоминаемых в его статье, но не опубликованных как прежде, так и им самим.

Все три неопубликованных рисунка в настоящее время находятся в Музее (И-2085-3, 13, 46). Из рисунков, опубликованных Н.А. Бутиновым, согласно описи 1983 г., отсутствует один рисунок — с подписью «Телум из деревни Бонгу» (см.: [Бутинов 1949: 228]). Другие опубликованные им рисунки в настоящее время хранятся под номерами И-2085-1, 10, 11, 14, 15, 16, 18, 19, 22, 39, 43, 44.

Несколько сложнее обстоит дело с первой группой. Хотя список Н.А. Бутинова насчитывает 31 пункт, фактически речь идет о 34 предметах. Три «лишних» рисунка представляют собой авторские копии, которые Н.А. Бутинов не включил в перечень публикуемых рисунков, ограничившись в каждом случае пометкой «в музее имеется копия этого рисунка» и указанием размеров.

На момент нашего исследования в собрании МАЭ РАН существовало только два рисунка с копийными парами, совпадающих с описаниями в статье Н.А. Бутинова: И-2085-27 (оригинал) и И-2085-4 (копия), И-2085-26 (оригинал) и безномерной рисунок (см. табл. 1, № 50). Третий рисунок, числящийся у Н.А. Бутинова под номером И-2085-25, описан как рисунок с размерами 17×19, которому соответствует копия 101×68. Однако в более ранней публикации, указанной Н.А. Бутиновым [Миклухо-Маклай 1940: 124], представлен не оригинал, а именно эта копия, которая и зарегистрирована под номером И-2085-25 в описи 1983 г. Рисунок с размерами 17×19 в Музее обнаружить не удалось.

Под № 1 и 3 в списке Бутинова числятся рисунки «Хижина в Гарагаси» и «Хижина в Айве» [Там же: 24, 303]. В настоящее время оригиналов таких рисунков в МАЭ также нет, но есть сделанные с них гравюры (в числе так называемых незарегистрированных материалов). Теперь сложно сказать, были ли когда-то в МАЭ РАН такие рисунки или названные материалы по каким-либо причинам оказались причислены Н.А. Бутиновым к рисункам.

Наконец, отсутствуют два рисунка из числа опубликованных до 1949 г. Согласно списку Бутинова, это рисунок № 14 («Боге,

графии Академии Наук СССР (МАЭ), при этом не лишним будет указать, что мы подходим к этим рисункам не с художественной (эта их сторона еще ждет своего исследователя), а с чисто научной точки зрения.

В МАЭ хранятся 47 рисунков Миклухо-Маклая, из них 31 рисунок опубликован. Мы проводим ниже список опубликованных рисунков с указанием их размеров,¹ а также года и страницы последнего издания, в котором они опубликованы:

1. Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси; 32 × 24 см; 1940, стр. 24.
2. Дерево с прибитой к нему мемориальной доской в память пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси; 30.5 × 13.5 см; 1940, стр. 160.
3. Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Айве; 14 × 19 см; 1940, стр. 303.
4. Дом Н. Н. Миклухо-Маклая из о. Мангарева; 21.5 × 28 см; 1941, стр. 149.
5. Буамрамра и таль на берегу Маклая; 66.5 × 101 см; 1940, стр. 228.
6. Хижина в бухте Калло, на южном берегу Новой Гвинеи; 68.5 × 101 см; 1940, стр. 347.
7. Урумбай, малейское судно, на котором Миклухо-Маклай прибыл на берег Папуа-Ковний; 17.5 × 22 см; 1940, стр. 284.
8. Папуасская пирога; деталь платформы, якорь, весло; 60.5 × 101 см; 1940, стр. 97
9. Ванг, папуасная пирога с о. Били-Били; 23 × 13 см; 1923, стр. 217 (копия этого рисунка, сделанная Миклухо-Маклаем, также хранится в МАЭ; размер 56 × 39 см).
10. Ванг, папуасная пирога с о. Били-Били; 68 × 101 см; 1940, стр. 90.
11. Ванг, папуасные пироги с о. Били-Били; 68.5 × 101 см; 1940, стр. 186.
12. Дягуаи, житель деревни Теньгум-Мана; 22.5 × 13.5 см; 1940, стр. 110.
13. Марамай, житель о. Били-Били; 22.5 × 13.5 см; 1940, стр. 146.
14. Боге, житель деревни Энгаам-Мана; 18.5 × 13 см; 1940, стр. 131.
15. Наму, житель деревни Марагум-Мана; 16.5 × 13.5 см; 1940, стр. 165.
16. Туземец с берега Маклая с характерными украшениями на нем; 24 × 16.5 см; 1940, стр. 228.
17. Радья о. Айдума; 16.5 × 15 см; 1940, стр. 304.
18. Туземец с о-вов Адмиралтейства; 23.5 × 15 см; 1941, стр. 14.
19. |
20. | Узоры орнамента у папуасов берега Маклая; 64 × 44.5 см; 1940, стр. 259—262.
21. |
22. |
23. Узоры татуировки у папуасов южного берега Новой Гвинеи; 64 × 44.5 см; 1940, стр. 341.
24. Узоры татуировки. Архипелаг Луизианы; 64 × 44.5 см; 1940, стр. 339.
25. Участник обрядовой пляски в полном наряде; 54 × 180 см; 1940, стр. 168.
26. „Ай“, замаскированный участник обрядов инициации; 28 × 13 см; 1940, стр. 254 (копия этого рисунка, исполненная Миклухо-Маклаем, также хранится в МАЭ; размер 90 × 180 см).
27. Невеста из дер. Бонгу в свадебном наряде; 72 × 180 см; 1940, стр. 174.
28. Способ погребения детей на берегу Маклая; 72 × 72 см; 1940, стр. 240.
29. Гамбор, папуасское погребение на берегу Маклая; 17.5 × 19 см; 1940, стр. 124 (копия этого рисунка, исполненная Миклухо-Маклаем, также хранится в МАЭ; размер 101 × 68.5 см).
30. Гробница туземца под бэрлой в его хижине (берег Маклая); 68.5 × 101 см; 1940, стр. 239).
31. Ласео, оран-утан; 24 × 34.5 см; 1941, стр. 197 (голова туземца дана на рисунке в фас и профиль; опубликован только профиль).

¹ При публикации рисунков размеры их не были указаны.

Рис. 12. Список Н.А. Бутинова. Рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая из собрания МАЭ РАН 1949 г., опубликованные к этому времени [Бутинов 1949: 214]

житель деревни Энглам-Мана», 18,5×13) [Там же: 131] и рисунок № 30 («Гробница туземца под барлой в его хижине, берег Маклая», 68,5×101) [Там же: 239].

Таким образом, сравнение состава коллекции, описанной Бутиновым, с составом, зарегистрированным в 1983 г., показало, что совпадают 44 единицы. В коллекции И-2085 насчитывается 49 единиц плюс один безномерной рисунок. В табл. 1, в которой наглядно показаны соответствия, можно видеть, что обнаруженные шесть предметов зарегистрированы под № И-2085-20, 28, 29, 30, 48, 49. В то же время утраченными из числа существовавших до 1949 г. следует считать четыре предмета: оригинал И-2085-25 малого формата, № 14 и 30 по списку Бутинова и опубликованный им «Телем из деревни Бонгу»³⁷.

Можно заметить, что ссылки на публикации рисунков у Н.А. Бутинова сделаны в основном на издание 1940–1941 гг. Только в одном случае (рисунок № И-2085-27) фигурирует публикация 1923 г. Очевидно, Н.А. Бутинов не ставил задачу дать ссылки на все уже существующие к 1949 г. публикации. Ему было важно выяснить, публиковалось ли вообще данное изображение ранее или нет. Рисунок № И-2085-27 оказался единственным из опубликованных к 1949 г., который не входил в двухтомник 1940–1941 гг., поэтому мы видим ссылку на издание 1923 г.

В издании 1923 г., которое было подготовлено Д.Н. Анучиным, опубликовано еще несколько рисунков, находившихся к 1949 г. в МАЭ (№ И-2085-35, 36, 37, 40, 42), а также рисунок № И-2085-29, который отсутствует в списке Бутинова, т.е. появился в Музее между 1949 и 1983 гг.

Как известно, в целях подготовки к печати материалов путешествий Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай 1923] Д.Н. Анучин перевез его фонд из РГО в Москву. Поэтому сам факт публикации вышеупомянутых семи рисунков именно в 1923 г. заставляет обратить на них более пристальное внимание. Примечательно, что на оборотах четырех из них (№ 2085-27, 29, 35, 42) имеется штамп «Библиотека МГУ». Такой же штамп можно увидеть еще на шести предметах — № 2085-28, 31, 43, 45, 46, 47.

³⁷ Данное сравнение имеет место на момент регистрации коллекции. Как видно из табл. 1, к моменту написания настоящей статьи (т.е. уже после 1983 г.) выявилось отсутствие еще одного рисунка — И-2085-1.

В архиве библиотеки МГУ в настоящее время хранится фонд Д.Н. Анучина, который возник в связи с подготовкой первого издания трудов Миклухо-Маклая (рис. 13). Собственно рисунков здесь нет, но имеется список изобразительных материалов (рисунки, фотографии, литографии). К сожалению, данный список не являет-

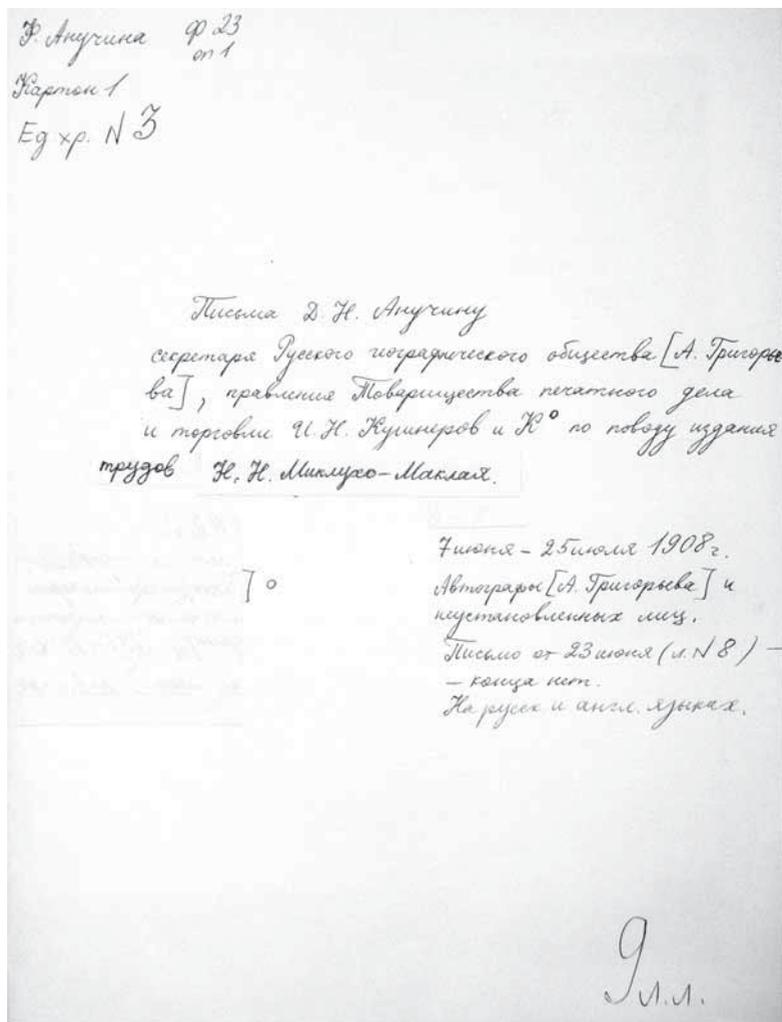

Рис. 13. Титульный лист фонда Д.Н. Анучина в архиве библиотеки МГУ

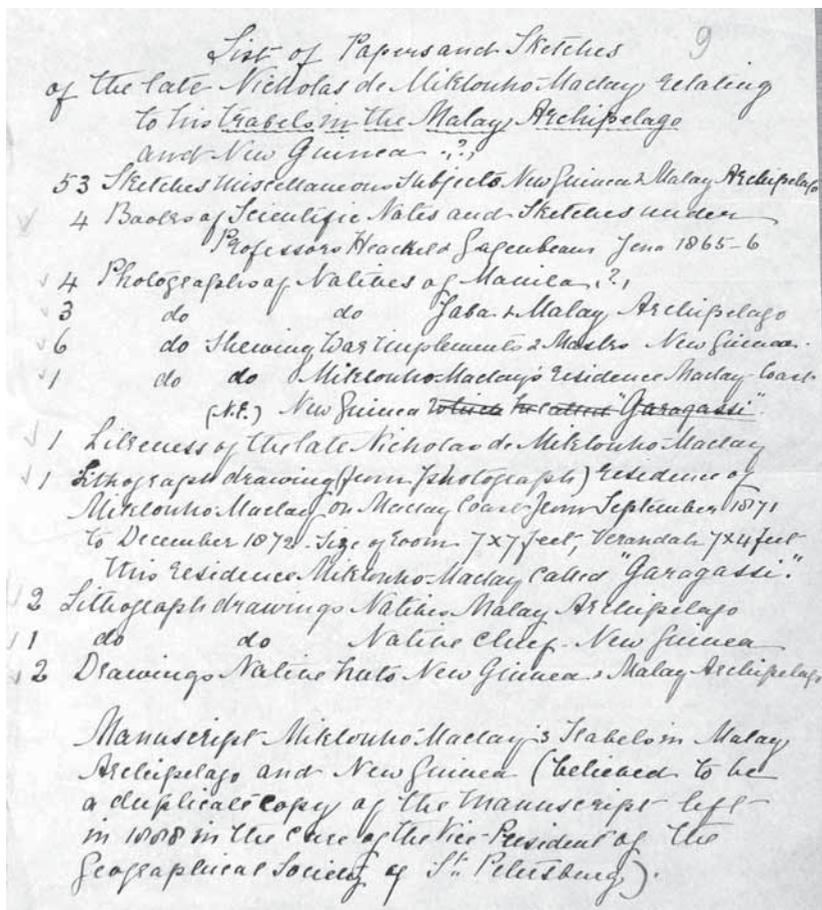

Рис. 14. Список изобразительных материалов Н.Н. Миклухо-Маклая из фонда Д.Н. Анучина в архиве библиотеки МГУ

ся описью в строгом смысле и содержит только общие сведения о количестве материалов того или иного вида и их тематике (рис. 14). Таким образом, мы не можем доподлинно знать, входили ли в этот документ рисунки из МАЭ, имеющие штамп библиотеки МГУ. К тому же, штамп, возможно, был поставлен позднее, чем составлен данный список. Последнее, скорее всего, произошло еще при поступлении архива Д.Н. Анучина в библиотеку МГУ, после выхода в свет издания 1923 г. Точное время поступления этих документов

неизвестно. Предположительно это произошло после 1932 г.³⁸ Также не исключено, что отдельные рисунки поступали в разное время. Этим обстоятельством может объясняться отсутствие штампа на оставшихся трех рисунках из анучинского издания.

Так или иначе, приведенные факты указывают на те материалы из графического наследия Миклухо-Маклая, которые были переданы в Москву Д.Н. Анучину для работы по подготовке издания трудов Миклухо-Маклая. Последнее представляется особенно важным в связи с тем, что следы еще одной — и довольно значительной — части коллекции № И-2085 вновь ведут в Москву.

На оборотах 30 рисунков (№ И-2085-1–26, И-2085-32–34 и безномерного) имеются четырехзначные инвентарные номера Музея антропологии им. Д.Н. Анучина. В 1937–1938 гг. эти рисунки были переданы во временное пользование МАЭ для проведения выставки, посвященной 50-летию со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая. В Музее антропологии им. Д.Н. Анучина сохранились соответствующие документы — акт выдачи № 19 от 13.09.1937 и акт выдачи № 20 от 04.03.1938.

Сейчас уже не представляется возможным узнать точные причины, по которым рисунки не были своевременно возвращены в Москву. Впоследствии, возможно, во время войны, документация приема была утрачена. Рисунки «осели» в МАЭ и к моменту регистрации коллекции № И-2085 их происхождение, вероятно, было забыто. В настоящий момент оформлена официальная передача рисунков из Музея антропологии им. Д.Н. Анучина в МАЭ РАН.

Исключением стал только один рисунок, музейную судьбу которого определила его «документальная» история. Согласно акту № 19 от 13.09.1937 г., в МАЭ был передан один рисунок «Мужчина в маске тайного союза “Ай”» с инв. № 3997. Как можно судить по списку Н.А. Бутинова и составу коллекции № И-2085, рисунков с таким названием два: оригинал (13×28), имеющий инв. № 4030 Музея Анучина, и его копия (90×170) с инвентарным номером 3997, указанным в московском акте. Таким образом, из Музея антропологии им. Д.Н. Анучина было передано два рисунка вместо одного.

³⁸ Личное сообщение Ирины Владимировны Великодной, заведующей отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Вероятно, эта ошибка связана с тем, что на обоих рисунках (предметах) одно и то же изображение.

Именно оригинал, который не указан в документах, поступивших из Москвы, был зарегистрирован под номером И-2085-26, а его увеличенная копия, фигурирующая в акте передачи, оказалась вне коллекции (№ 50 в табл. 1). На практике ее наличие учитывалось. Сначала она появляется в статье Н.А. Бутинова в 1949 г., позднее экспонируется в 1971 г. на временной выставке, посвященной 125-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая [Розина 1971: 159–162]. Оригинал же, поскольку он формально, согласно музейной документации, никогда не покидал Музея Анучина, был возвращен в Москву в 2013 г.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что рисунки Миклухо-Маклая из архива РГО, перевезенные в Москву в связи с работой над первым изданием его трудов, впоследствии частично вернулись в Ленинград. Временная передача рисунков в МАЭ РАН из Музея Анучина произошла в 1937–1938 гг. и была приурочена к мемориальной выставке. Обстоятельства передачи рисунков в МАЭ из библиотеки МГУ неизвестны. При этом подчеркнем, что, несмотря на то что обстоятельства появления рисунков Миклухо-Маклая в библиотеке МГУ и Музее Анучина не вполне ясны, едва ли возможно сомневаться в том, что они представляют часть одного и того же запроса в рамках работы Д.Н. Анучина над изданием трудов Н.Н. Миклухо-Маклая.

Возвращаясь к вопросу, по каким причинам рисунки Миклухо-Маклая были «забыты» в Ленинграде, можно добавить, что в 1938 г. основной фонд рукописных материалов исследователя, хотя и не в полном составе, был возвращен в РГО. Этот факт позволяет предположить, что передача рисунков для мемориальной выставки в 1937–1938 гг. просто совпала по времени с решением о возвращении в Ленинград всех материалов, когда-то затребованных Д.Н. Анучиным для работы над изданием 1923 г. Логично предположить, что рисунки из библиотеки МГУ были переданы в МАЭ также в 1937–1938 гг.

Помимо собрания РГО, считающегося основным и самым крупным фондом архивных материалов Миклухо-Маклая, в Санкт-Петербурге (Ленинграде) существовало еще одно собрание, которое первоначально хранилось в МАЭ. Речь идет о значительном числе материалов, не переданных в РГО после смерти ученого и храни-

вшихся у его младшего брата Михаила Николаевича. После смерти последнего в 1927 г. его дочь Серафима Михайловна Маклай передала принадлежавший ученому архив в МАЭ РАН. Данный архив под заголовком «Опись материалов к биографии Н.Н. Миклухо-Маклая, поступивших в МАЭ АН СССР 20 апреля 1927 г. от племянницы путешественника Серафимы Михайловны Маклай» был подробно описан и снабжен А.Б. Пиотровским комментариями [Лебедева 2007: 329–330].

Все материалы в упомянутой описи разделены на тематические группы и в целом составляют три основных блока: рукописные, печатные и изобразительные. Последние состоят из фотографий и рисунков. Известно, что в 1931 г. рукописная (!) часть этого фонда поступила в Ленинградское отделение Архива АН СССР (Ф. 143)³⁹; а печатные издания перешли в библиотеку Ленинградской части Института этнографии АН СССР⁴⁰ [Миклухо-Маклай I: 9].

Мы не находим прямого упоминания о судьбе рисунков, входящих в данный комплекс документов, в трудах, посвященных научному наследию Миклухо-Маклая. Точнее упоминается факт нахождения каких-то рисунков в Петербургском филиале Архива АН. Как отмечено в комментариях «От редакции», «большинство рисунков Миклухо-Маклая хранится в Петербурге — в АРГО (Ф. 6), ПФА РАН (Ф. 143) и МАЭ (Оп. И-2085)» [Миклухо-Маклай VI: 345]. Согласно соответствующему делу ф. 143, рисунки поступили в Архив АН в 1931 г. именно из МАЭ. Для того чтобы удостовериться, являются ли они теми материалами, которые попали в МАЭ в 1927 г., необходимо сравнить список с рисунками, хранящимися в архиве. Приведем «Список рисунков Миклухи-Маклая» согласно описи 1927 г.⁴¹

Отдельные рисунки

1. Комната М.-М. в СПб перед отъездом в Новую Гвинею. 1870 г.
2. Вид «Fondano»
3. Палатка в «Porto Grande»
4. Вид Кема
5. Копия с Кохау-ронго-ронго Островов Рапа Нуи
6. Вид «Klabot»

³⁹ Ныне — СПФ АРАН.

⁴⁰ Ныне — библиотека МАЭ РАН.

⁴¹ Орфография и пунктуация оригинала полностью сохранены.

7. Вид Porto Grande
8. Негритянка 13–14 лет с об’яснительным текстом
9. Статуя с о-ва Пасхи
10. Карта Берега Маклая
11. Фотография в раме — хижина, в которой жил М.-М. на берегу Маклая в Новой Гвинее (с рисунка Н.Н. М.-М.)
12. Альбом рисунков М.-М. 1869–1887
13. То же 1870–71
14. Вид на юго-восток от горы Кассур (фотография со схематич. рисунка Н.Н. М.-М.)
15. Anuarata 1880
16. Рисунок из путешествия на Flower of Jagon в 1877. Южная оконечность о-ва Минданао (Филипп. о-ва)

В ф. 143 СПФ АРАН хранится большинство этих рисунков [СПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. № 53]. Вероятно, в указанном фонде есть изображения, не относящиеся к рассматриваемому поступлению, так как даже с учетом числа рисунков в двух альбомах (на самом деле небольших записных книжках с 14 и 17 рисунками соответственно) общее число единиц хранения в фонде превышает количество номеров в списке 1927 г.⁴²

Следуя нумерации списка 1927 г., в ф. 143 не оказалось рисунков, соответствующих пунктам 5, 9, 11 и 14. Не исключено, что некоторые из них просто не удалось идентифицировать. Многие рисунки без подписей, по которым можно было бы судить, что на них изображено, а само содержание изображения не всегда поддается однозначному чтению. Собрание фотокопий с подписями, имеющихся в архиве, охватывает не все материалы этого дела. Но возможны и другие сценарии. Уместно вспомнить, что рисунки хранились в МАЭ в течение четырех лет. В связи с этим внимания заслуживают следующие моменты. Во-первых, за это время материалы вполне могли подвергаться каким-то перемещениям внутри Музея, во-вторых, не все из названных категорий документов были переданы на хранение в другие учреждения. Так, большая часть фотографий была обнаружена автором в 2005–2006 гг. хранящимися в кабинете отдела Австралии и Океании МАЭ РАН⁴³ [Лебедева 2007: 330].

⁴² Выяснение обстоятельств этих неизвестных поступлений не входит в задачу настоящего исследования, представляя собой отдельную тему.

⁴³ В настоящее время они зарегистрированы под колл. № 7425.

Все это вместе взятое может означать, что какие-то из перечисленных выше номеров не были переданы в Архив АН, а значит, и искать их следует среди предметов МАЭ. Обратимся вновь к списку коллекции И-2085.

Здесь мы находим И-2085-48 «Рисунок пером, изображена фигура с о. Пасхи». В списке 1927 г. под № 9 числится рисунок «Статуя с о-ва Пасхи». Судить, действительно ли мы имеем дело с одним и тем же рисунком, позволяет цифра «9» в левом верхнем углу И-2085-48. Дело в том, что и другие рисунки, перечисленные в описи 1927 г. и хранящиеся ныне в ф. 143 СПФ АРАН, также имеют подписи (или их следы) в виде номеров, соответствующих порядку рисунков в данной описи. Вероятно, интересующий нас рисунок по каким-либо причинам оказался отделенным от остальных материалов и остался в МАЭ. В то же время мы не находим этого предмета в списке Бутинова, и, следовательно, между 1927 и 1949 гг. он исчез из поля зрения сотрудников МАЭ. Когда он был вновь найден, сказать нельзя, кроме того, что это произошло до регистрации коллекции в 1983 г. Примечательно, что он не вошел и в последующую публикацию пятитомного собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая в 1950-е годы, что можно было бы также списать на его «исчезновение». Нет его и в последнем собрании сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая, вышедшем в 1990-х годах.

Интересно, что у этого рисунка есть своя история. Как известно, Миклухо-Маклаю так и не удалось высадиться на о. Пасхи, о чем он очень сожалел: «В это время года о. Рапа-Нуи, имеющий только открытые рейды, не представляет безопасной якорной стоянки, почему наш капитан, несмотря на достопримечательности острова, решил идти далее. <...> досадно мне было, находясь в виду острова не побывать на нем, не осмотреть тех важных документов, которые делают о. Рапа-Нуи единственным в своем роде из всех островов Тихого океана» [Миклухо-Маклай I: 59, 60].

С предметами культуры рапануйцев он смог познакомиться непосредственно только в Этнологическом музее в Сантьяго. Большинство из экспонатов путешественник постарался зафиксировать. Среди них большой идол из черной лавы, рисунки с которого, согласно комментариям составителей издания 1990-х годов, находятся в ЗК-1871 (№ 2, л. 6), и четыре барельефа, на которых, кроме прочего, изображены «сфинксообразная фигура с человеческим лицом

и две также человеческие фигуры, соединенные спинами вместе и стоящие на коленях» [Там же: 63, 401]. В комментариях читаем: «В ЗК-1871, № 2, л. 5, вклеены две маленькие фотографии с изображением головы первой фигуры и второй фигурки полностью» [Там же: 401]. Наконец, Миклухо-Маклай называет «небольшие деревянные идолы (1/2 и 3/4 метра вышины), которые принадлежат более поздней эпохе...» [Там же: 63]. Далее авторская сноска: «...я постарался сделать с них как можно более точные копии и, как только найду возможность, перешлю в Европу фотографические снимки с моих *рисунков*...» (курсив наш. — *А.Л.*) [Там же]. В комментариях составителя указано, что, «кроме названных выше рисунков и фотографий, других копий скульптур в материалах Миклухо-Маклая не сохранилось» [Там же: 401].

Все это — отсутствие публикаций данного изображения во всех существующих изданиях, воспоминания Миклухо-Маклая о рисовании идола и, конечно, содержание изображения — позволяет нам со значительной степенью вероятности полагать, что рисунок под коллекционным номером И-2085-48 является тем самым рисунком, который, как полагалось, не сохранился, или, выражаясь осторожнее, одним из серии подобных рисунков. Таким образом, можно говорить о находке иллюстративного документа, считавшегося утраченным (рис. 15).

В коллекцию И-2085 входят и другие рисунки, заслуживающие особого внимания с той точки зрения, что сопоставление существующих изданий рисунков само по себе позволяет установить некоторые неизвестные факты. Составители последнего

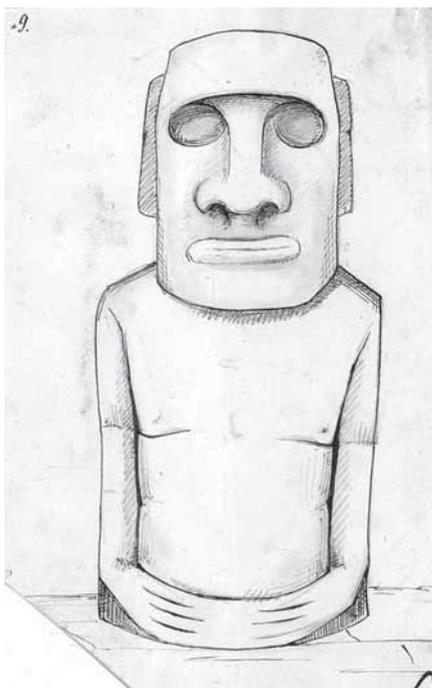

Рис. 15. Рисунок И-2085-48

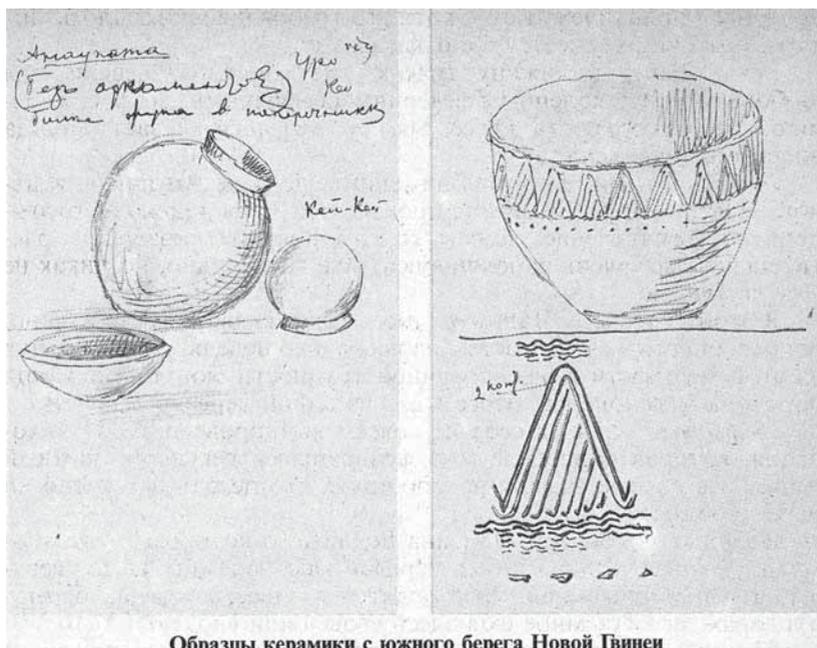
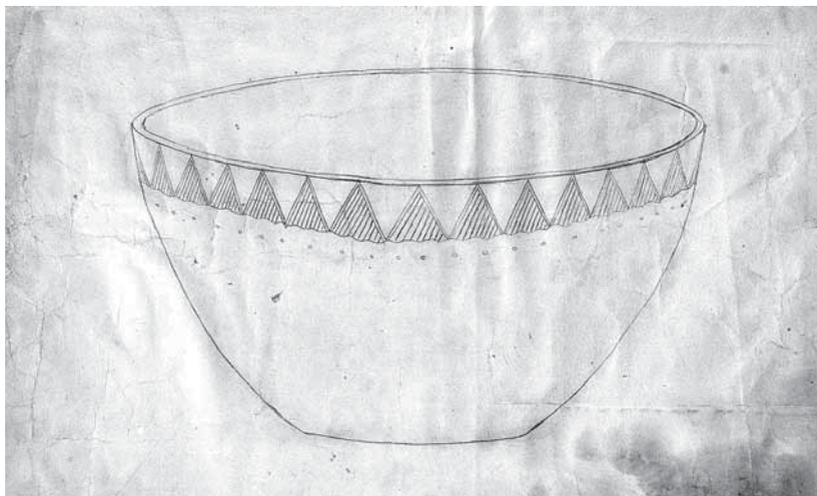
собрания сочинений предупреждают, что «...работа по выявлению текстов Миклухо-Маклая не может считаться законченной: в архивах нашей страны и особенно за рубежом еще могут быть обнаружены различные рукописи ученого» [Там же: 8]. Это утверждение справедливо и в отношении изобразительных материалов, в частности коллекции МАЭ. Известно, что Миклухо-Маклай по различным причинам делал копии со своих рисунков; вполне закономерно, что при отборе для публикации именно копийные материалы могли оказаться в «черном списке» или даже просто остаться невыявленными.

В коллекции И-2085 удалось выявить четыре рисунка, являющихся копиями, три из которых ранее не были опубликованы. Оригиналы двух из них, как отмечалось выше, также входят (или входили) в эту коллекцию.

Рисунок И-2085-2 с изображением сосуда с южного берега Новой Гвинеи представляет собой демонстрационную копию, подготовленную Миклухо-Маклаем для чтения лекций. Как уже отмечалось, Н.А. Бутинов упомянул об этом рисунке, но не счел нужным опубликовать его, видимо, из-за того что само изображение крайне лаконично. Однако научная значимость рисунков может оцениваться по иным критериям. Вероятно, у Миклухо-Маклая были свои причины среди множества других выбрать именно эту зарисовку. Оригинал рисунка был опубликован в шеститомном собрании сочинений вместе с увеличенным фрагментом орнамента [Миклухо-Маклай II: 327] (см. рис. 16).

Рисунок № И-2085-13 с чертежом разреза дома также представляет собой демонстрационный плакат. Это видно не только по его формату, но также по тому, что все надписи на нем выполнены крупно, красной краской, печатным шрифтом и в русской транскрипции. На оригинальном изображении, где ниже помещен общий вид хижины, папуасские названия записаны латинскими буквами и дополнены пояснениями на русском языке [Там же: 324] (см. рис. 17).

Копия под номером И-2085-4 интересна прежде всего с точки зрения ее изобразительной ценности. Это хорошо проработанный рисунок парусной лодки «ванг» с о. Били-Били, оригинал которого входит в коллекцию под номером И-2085-27. Как отмечалось, данный оригинал был опубликован в издании 1923 г. и позднее в собраниях 1950-х и 1990-х годов (рис. 18).

Образцы керамики с южного берега Новой Гвинеи

Рис. 16. Рисунок И-2085-2
и опубликованный оригинал изображения

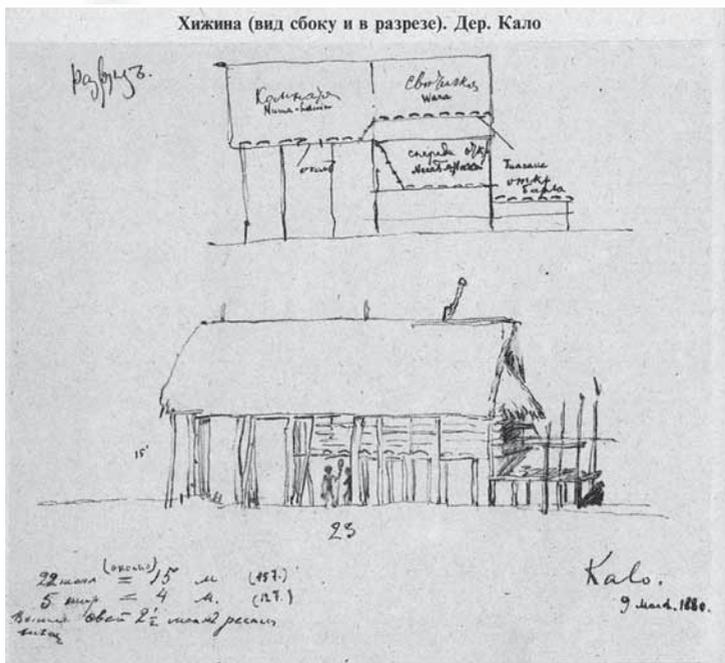
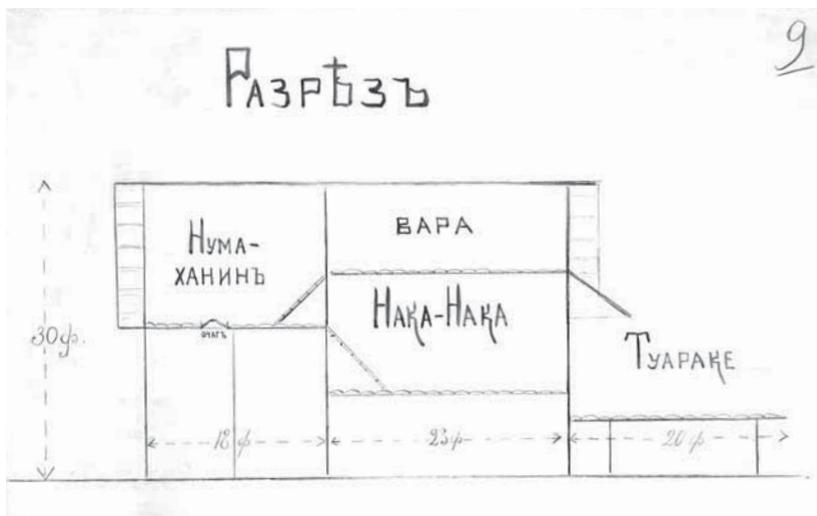

Рис. 17. Рисунок И-2085-13
и опубликованный оригинал изображения

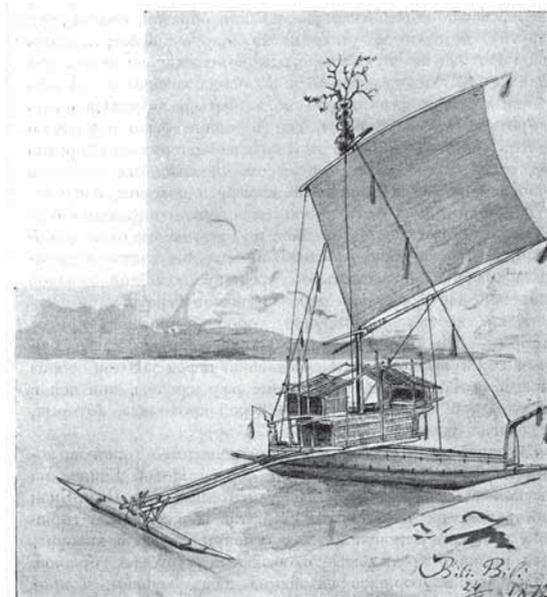
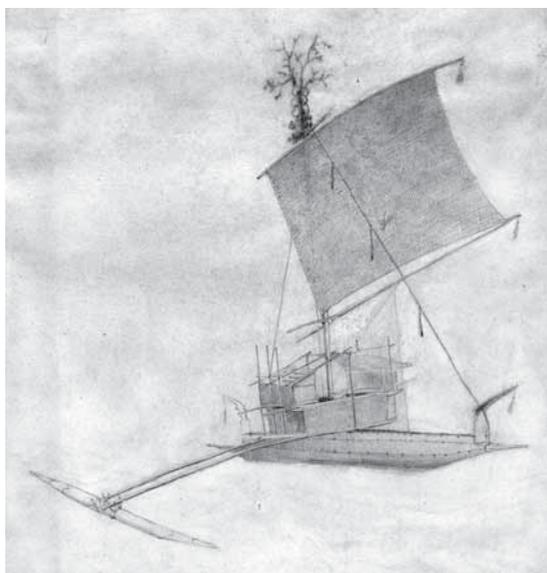

Рис. 18. Рисунок И-2085-4
и опубликованный оригинал изображения

Последняя из имеющихся в коллекции неопубликованных копий — безномерной рисунок, представляющий собой великолепный демонстрационный экземпляр с цветным изображением участника празднества «Ай». Его оригинал (по нашей нумерации И-2085-26), как отмечалось, возвращен в Москву. Опубликованы оба варианта изображения. Более того, именно копию можно видеть в трех изданиях (1940-х, 50-х и 90-х годов), а рисунок, с которого она сделана, помещен только в третьем томе пятитомного собрания сочинений в черно-белом варианте.

Сравнение опубликованных изображений позволяет поставить еще одну исследовательскую задачу, в чем-то противоположную задаче поиска неизвестных (или неопубликованных) рисунков Миклухо-Маклая, — выявление нескольких вариантов одного и того же изображения. На наш взгляд, чрезвычайно любопытна история публикаций рисунка И-2085-28, представляющего собой портрет в профиль женщины народности оранг-сакай. На рисунке имеется соответствующая надпись рукой автора: строка вверху «orang sakai. ♀ circa 20 an.», внизу «М.-Маclay 1875».

Данный рисунок интересен тем, что среди фотографий, попавших в 1927 г. в МАЭ РАН вместе с архивом М.Н. Миклухо-Маклая (см. выше), мы находим и снимок с этого рисунка (в настоящий момент № 7425-20). Фотография наклеена на карточку со штампом фотоателье (на лицевой ее стороне надпись: «W. & P. Phot. JAVA», на обороте: «WOODBURY & PAGE PHOTOGRAPHERS JAVA»), который встречается на ряде других снимков из этой коллекции. Большинство из них относится к распространенному в последней четверти XIX в. жанру так называемой антропологической фотографии. Поскольку Миклухо-Маклай чрезвычайно интересовался физической антропологией, он собирал такие фотографии и, более того, даже заказывал фотографии наиболее типичных, на его взгляд, представителей того или иного этноса [Миклухо-Маклай I: 37]. Нет ничего удивительного в том, что он захотел сделать фотографию и с рисунка собственной работы. Таким образом, И-2085-28 является одним из немногих рисунков Миклухо-Маклая, которые были продублированы им средствами фотографии.

Однако интрига на этом не заканчивается. В коллекции № 7425 есть еще две фотографии, сделанные с рисунков Миклухо-Маклая (как кажется, других современных путешественнику фотокопий с его рисунков не существует): № 7425-18 — портрет мужчины в профиль

и № 7425-77 — портрет мальчика в профиль. Надписи на них «Orang Sakai. ♂ circa 25 an. M.-MacLay 1975» и «Orang Simang. ♂ circa 13 an. M.-MacLay 1975» соответственно расположены так же, как и на снимке № 7425-20. Точно так же снимки наклеены на такие же карточки фотографы. Очевидно, что все три снимка относятся к одной серии. Их объединяет оформление, стиль изображений и надписей, масштаб, региональная принадлежность представителей изображенных этносов.

Все три изображения, с которых были сделаны эти фотографии, вошли в публикацию 1941 г., причем в составе одного рисунка [Миклухо-Маклай 1941: 221]. Профили представлены в виде таблицы, где, кроме этого, прорисованы еще такие детали, как волосы и глаз. Все пять изображений имеют подписи в виде номеров (с Fig. 1 по Fig. 5), которые, таким образом отличаются от подписей на одиночных портретах. Помимо этого, сами портреты совершенно идентичны, как будто бы сделаны под копирку. Однако предположение о том, что первоначально они были нарисованы вместе, а впоследствии разрезаны (возможно, самим Миклухо-Маклаем), маловероятно из-за слишком близкого к рисункам расположения номерных надписей, в этом случае они были бы видны.

Разъяснить ситуацию помогает комментарий самого Миклухо-Маклая, который счел нужным расшифровать смысл таблиц: «Фиг. 1. Портрет сакая около 25 лет. Фиг. 2. Портрет сакайки, около 20 лет. Фиг. 3. Портрет семанга, мальчика около тринадцати лет...» И далее: «NB. Рисунки сделаны при помощи камеры-люсида; я сохранил в своем дорожном альбоме только наиболее удачные и похожие эскизы» [Там же: 220].

Камера-люсида (светлая камера) — оптический прибор, служащий вспомогательным средством при переносе натуры на бумагу. Художник может наблюдать на листе бумаги проекцию предмета, отраженную призмой, и копировать ее; такое приспособление было актуально именно при необходимости получить максимально точное изображение. Сам факт использования Миклухо-Маклаем этого изобретения с целью добиться максимального сходства представляется примечательным. Но если механический способ копирования, учитывая «одинаковость» портретов, не оставляет сомнений, остается не совсем понятным, сделаны ли первоначальные изображения при помощи камеры с натуры или камера использовалась только для создания копии. Также возникает вопрос: какое из двух изображений является оригиналом?

В этой связи следует вспомнить еще об одном рисунке из Маклаевской коллекции МАЭ, а именно о рисунке И-2085-38 с портретом жителя островов Адмиралтейства с выраженным макродонтизмом (именно эта особенность в данном случае интересовала Миклухо-Маклая). У этого рисунка есть копия, которая была опубликована в пятитомном издании сочинений Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай 1951: 337], а также в шеститомном собрании, причем в последнем вместе с оригиналом, что является редким случаем [Миклухо-Маклай III: 285, 287]. Проследить, что есть что, оригинал или копия, для данного изображения нетрудно, пользуясь текстами самого Миклухо-Маклая.

Статья Н.Н. Миклухо-Маклая «О большезубых меланезийцах» была отправлена в Берлин профессору Р. Вирхову и впоследствии издавалась как отдельный текст (впервые в “*Zeitschrift für Ethnologie*”. Bd. 8. S. 290–291 [Миклухо-Маклай III 339]). Рисунок здесь заметно отличается от имеющегося в коллекции МАЭ, и не только сам по себе: тот же ракурс, те же украшения, но лицо на портрете имеет все-таки несколько иное «выражение», и в целом на рисунке присутствуют другие элементы в виде увеличенной прорисовки фрагментов зубов с нумерацией и размерами. В свою очередь, сопроводительный текст снабжен авторской ссылкой, где даны комментарии согласно нумерации выделенных фрагментов. Этот текст вместе с соответствующей иллюстрацией и был впервые опубликован на русском языке в издании 1951 г.

В текстах Миклухо-Маклая существует прямое указание, которое объясняет историю появления данного изображения: «В журнале “*Natura*” (V. XVI, № 494) напечатана копия зарисовки островитянина с Тауи (о. Адмиралтейства), которую я послал в 1876 г. профессору Р. Вирхову в Берлин. Эта копия — совершеннейшая карикатура, а потому я решил, учитывая, что этот вопрос представляет большой интерес для антропологии, представить <Линнеевскому> обществу <нового Южного Уэллса> точную литографию моего рисунка...» [Миклухо-Маклай III: 286].

В данном случае нетрудно убедиться, что рисунок И-2085-38 является оригиналом. При его рассмотрении обнаруживается одна важная деталь — подпись, расположенная по диагонали в левом нижнем углу: «18 I/IV 76 Village Ruobi...», далее еще две строчки и роспись «M.-Maclay». Кажется абсолютно естественным, что подобная подпись (особенно включающая дату) должна была быть

поставлена Миклухо-Маклаем именно на первом, оригинальном изображении. Сравнивая копию рисунка И-2085-38 с другими портретами этого ряда, можно увидеть, что все они являются, по сути, антропологическими таблицами, содержащими различные дополнения. Собственно, сведение на один лист портретов (представителей близких народностей) и деталей, иллюстрирующих их антропологические особенности, позволяет расценивать их уже не просто как разрозненные полевые материалы, а как некое научное пособие, которое путешественник снабдил своими комментариями. Следовательно, заключенная в нем информация, по его собственному замыслу, должна была объединяться в один блок (как правило, в поле исследователь не занимается обобщением материала, это следующий этап).

Таким образом, именно отдельные изображения представителей народностей Малаккского полуострова, в том числе и рисунок И-2085-28, должны считаться первоначальными, оригинальными материалами (рис. 19).

Есть еще один рисунок в коллекции МАЭ, который встречается в публикациях в нескольких вариантах — И-2085-45. Это портрет, на котором изображен представитель народности оран-утан по имени Лосо в профиль и анфас. Существуют три публикации: в двух из них представлено одно и то же изображение [Миклухо-Маклай 1950: 189, 190; 1941: 197], хотя в публикации 1941 г. мы находим только профиль, в третьей — отличное от них [Миклухо-Маклай II: 57]. Помимо отличий в деталях самого изображения, о том, что это действительно разные рисунки, нам говорят подписи.

В последнем издании (1991 г.) слева внизу от изображения в анфас стоит год «1875» и неразборчивая надпись, справа внизу — другая надпись: «Размеры губ измерены циркулем». Внизу слева от профиля поставлено имя «Лосо», еще ниже надпись также неразборчива, а сверху читается: «“Оранг-утан” в горахъ Джохора» (кавычки и орфография Миклухо-Маклая).

В изданиях 1941 и 1950 гг. и профиль, и анфас снабжены надписями «Лосо», под ними содержатся еще по шесть коротких строчек, прочитать которые затруднительно.

Рисунок И-2085-45, хранящийся в МАЭ, по всей видимости, является третьим вариантом данного изображения. На нем имеются отметки «Fig. 1» и «Fig. 2» соответственно портретам анфас и профиль. Между ними пояснение: «Losso, Orang-utan ♀ circa 20 a...

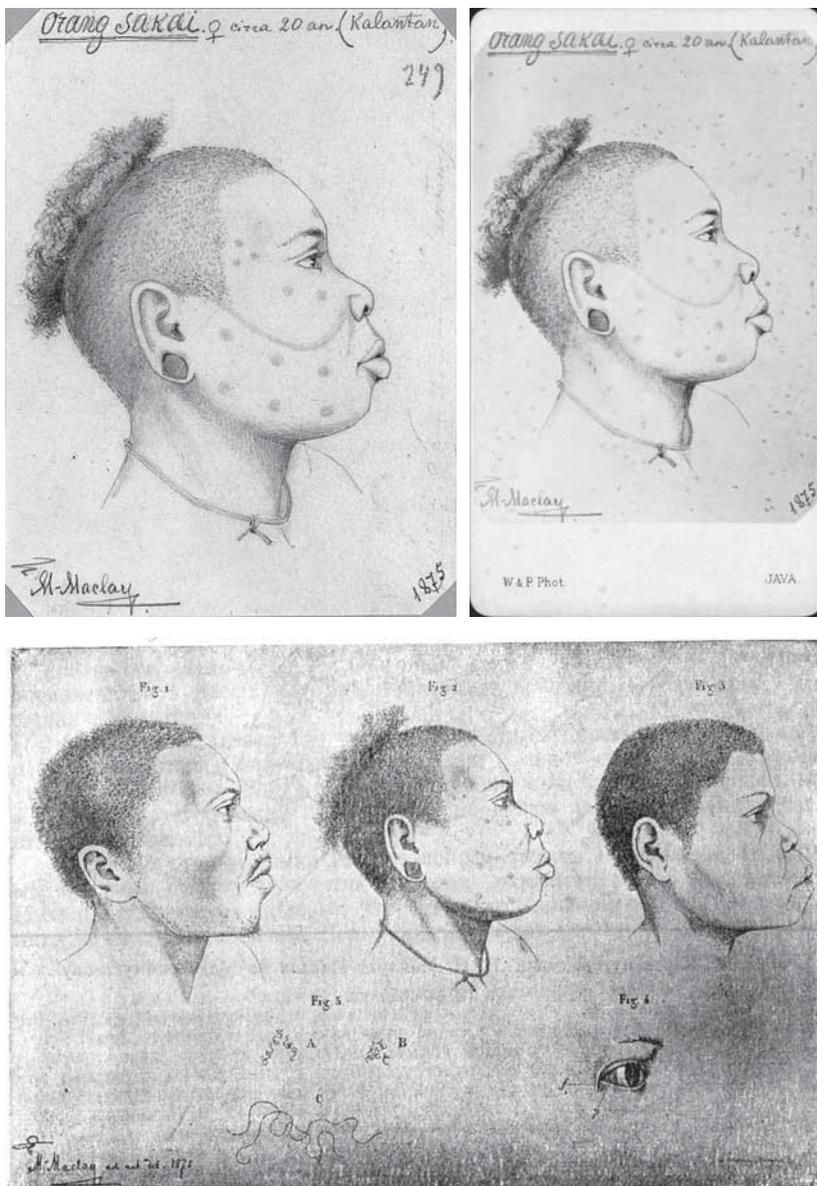

Рис. 19. Рисунки И-2085-28, 7425-20
и опубликованная копия изображения

John», и, наконец, в правом нижнем углу «M.-MacLay 1975». Таким образом, в данном случае можно говорить не только о наличии нескольких копий рисунка, одной из которых располагает МАЭ РАН, но и о том, что именно этот рисунок еще никогда не был опубликован (рис. 20).

Завершая экскурс в историю сложения в МАЭ коллекции рисунков Н.Н. Миклухо-Маклая, можно сказать следующее. Большая часть коллекции (30 + 10) была передана из Москвы в конце 30-х годов прошлого века и относится, по всей вероятности, к личному архиву ученого, первоначально поступившему в РГО. Один предмет был передан в МАЭ РАН в 1927 г. и является, таким образом, самым ранним подобным поступлением. Время и обстоятельства поступления в МАЭ девяти остальных рисунков пока документировать не удастся. Не исключено, что они также имеют отношение к московским событиям. Как мы помним, некоторые из предметов коллекции И-2085, опубликованные в самом раннем издании, относящемся к 1923 г., не имеют никаких отметок.

Главная особенность коллекции И-2085 МАЭ РАН видится именно в том, что более половины рисунков являются так называемыми демонстрационными копиями, сделанными Миклухо-Маклаем специально для показа во время лекций⁴⁴. А поскольку объекты, изображенные на этих рисунках, относятся исключительно к традиционной культуре населения Новой Гвинеи и Меланезии, можно предположить, что для него они репрезентировали ключевые аспекты описываемой культуры.

Курс лекций Миклухо-Маклая относится к концу 1886 г. Это означает, что их подготовка шла параллельно с обработкой новогвинейских дневников, следовательно, тематика во многом должна была совпадать. Кроме того, в то время структура планируемой Н.Н. Миклухо-Маклаем книги, несомненно, уже во многом сформировалась.

⁴⁴ Что касается антропологических рисунков, на примере коллекции № И-2085 можно видеть, что копирование таких материалов, если оно и осуществлялось, имело другие цели.

Рис. 20. Рисунок И-2085-45
и две опубликованные копии изображения

Таблица 1

**Список рисунков Н.Н. Миклухо-Маклая в МАЭ РАН
по результатам музейной сверки на 2012 г.**

№ п/п	Колл. №	Описание ⁴⁵	Размеры	Сведения по Н.А. Бутинову на 1949 г. ⁴⁶	Наличие отметок других учреждений
1	2	3	4	5	6
1	И-2085-1 <i>(Не обнаружен при сверке 2012 г.)</i>	Рисунок карандашом. Телум деревянный резной, женский. Новая Гвинея, о. Били-били	180×73	ПВ	МА 3996 ⁴⁷
2	И-2085-2	Рисунок карандашом. Сосуд. Новая Гвинея	59×48	ВТ	МА 4005
3	И-2085-3	Рисунок угольным карандашом. Образцы орнаментов папуасов. Новая Гвинея	66×44,5	ВС	МА 4145
4	И-2085-4 <i>Копия И-2085-27</i>	Рисунок карандашом. Парусная лодка «ванг», Новая Гвинея, о. Били-били	70×38	ВС (как копия, не опубликован)	МА 3982
5	И-2085-5	Рисунок синим карандашом. 15 образцов орнамента, применявшегося при татуировке. Южный берег Новой Гвинеи	64×47	ВС	МА 3974
6	И-2085-6	Рисунок синим карандашом. 16 образцов орнамента, применявшегося при татуировке. Меланезия, о-ва Луизиада	65×46	ВС	МА 3975

⁴⁵ По сравнению с музейной описью описание предмета в данной таблице несколько сокращено (например, удалено слово «изображение» и т.п.).

⁴⁶ ПВ — публикуется впервые Н.А. Бутиновым; ВТ — упоминается в тексте статьи Н.А. Бутинова, но не опубликовано как изображение; ВС — фигурирует в списке, приводимом Н.А. Бутиновым (рис. 12).

⁴⁷ Здесь и далее означает «инвентарный номер Музея им. Д.Н. Анучина»; рисунок имеет соответствующую отметку.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
7	И-2085-7	Рисунок угольным карандашом. Образцы орнамента папуасов. Новая Гвинея, Берег Маклая	66×44	BC	МА 4144
8	И-2085-8	Рисунок угольным карандашом. Образцы орнамента папуасов. Новая Гвинея, Берег Маклая	66×44	BC	МА 4146
9	И-2085-9	Рисунок угольным карандашом. Образцы орнамента папуасов. Новая Гвинея, Берег Маклая	66×44	BC	МА 4143
10	И-2085-10	Рисунок черным карандашом. 9 образцов орнамента, применявшегося при табуировке. Меланезия	66×44	ПВ	МА 4142
11	И-2085-11	Рисунок-чертеж цветными карандашами. Лодка с балансиrom. Меланезия, о-ва Адмиралтейства	101×68	ПВ	МА 3998
12	И-2085-12	Рисунок цветными карандашами. «Гамбор» — способ захоронения. Новая Гвинея, Берег Маклая	68×67	BC	МА 3976
13	И-2085-13	Рисунок-чертеж, карандаш, краска. План дома в разрезе. Южный берег Новой Гвинеи	101×68	BT	МА 3991
14	И-2085-14	Рисунок цветными карандашами. «Гамбор». Новая Гвинея, Берег Маклая	101×68	ПВ	МА 3988
15	И-2085-15	Рисунок карандашом и краской. Хранилище черепов «тамбуна». Меланезия, Соломоновы о-ва	101×68	ПВ	МА 3987

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
16	И-2085-16	Рисунок карандашом и черной краской. Хранилище черепов и фигура предка. Меланезия, Соломоновы о-ва	101×68	ПВ	МА 3989
17	И-2085-17	Рисунок краской. Хижина в дер. Кало. Южный берег Новой Гвинеи	101×67	ВС	МА 3977
18	И-2085-18	Рисунок краской. Помост «барла». Новая Гвинея	58×48	ПВ	МА 3993
19	И-2085-19	Рисунок краской. Магический предмет «помали». Новая Гвинея	68×34	ПВ	МА 3986
20	И-2085-20	Рисунок краской. Способ захоронения у папуасов. Новая Гвинея, Берег Маклая	101×68		МА 3980
21	И-2085-21	Рисунок цветными карандашами. Папуасская лодка с балансиrom. Новая Гвинея, Берег Маклая	101×68	ВС	МА 3999
22	И-2085-22	Рисунок цветными карандашами. Магический предмет «мандюри». Новая Гвинея, Берег Маклая	102×68	ПВ	МА 3994
23	И-2085-23	Рисунок цветными карандашами. Парусная лодка «ванг» с балансиrom, вид сбоку. Новая Гвинея, о. Били-Били	101×68	ВС	МА 3992
24	И-2085-24	Рисунок цветными карандашами и синей краской. Парусная лодка «ванг» под парусом. Новая Гвинея, о. Били-Били	101×68	ВС	МА 3990

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
25	И-2085-25	Рисунок краской. «Гамбор». Новая Гвинея	101×68	ВС	МА 4006
26	И-2085-26 <i>Оригинал, копия б/н</i>	Рисунок цветными карандашами. Участник праздника «Ай» с украшением из перьев на голове. Новая Гвинея, Берег Маклая	28×13	ВС	МА 4030
27	И-2085-27 <i>Оригинал, копия № И-2085-4</i>	Рисунок карандашом. Парусна лодка «ванг». Новая Гвинея, о. Били-Били	23×18,5	ВС	МГУ ⁴⁸
28	И-2085-28	Рисунок карандашом. Портрет в профиль, женщина народности оранг-сакай. Малайзия	13×11		МГУ
29	И-2085-29	Рисунок карандашом. «Гамбор». Новая Гвинея, Берег Маклая, дер. Бонгу	22,5×19		МГУ
30	И-2085-30	Рисунок карандашом. Портрет в профиль, житель о. Яп. Микронезия, Каролинские о-ва	13,5×12,5		
31	И-2085-31	Рисунок карандашом. Портрет в профиль, радья о. Айдума. Новая Гвинея	16,5×15	ВС	МГУ
32	И-2085-32	Рисунок акварелью. Участник обрядовой пляски во весь рост. Новая Гвинея, Берег Маклая	171×58	ВС	МА 3978
33	И-2085-33	Рисунок акварелью. Мужской дом. Новая Гвинея, Берег Маклая	102×69	ВС	МА 3981

⁴⁸ Рисунок имеет штамп библиотеки МГУ.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
34	И-2085-34	Рисунок акварелью. Невеста во весь рост. Новая Гвинея, Берег Маклая, дер. Бонгу	168×72	ВС	МА 3979
35	И-2085-35	Рисунок карандашом. Портрет в профиль, папуас Наму. Новая Гвинея, Берег Маклая	16,5×14	ВС	МГУ
36	И-2085-36	Рисунок карандашом. Портрет в профиль, житель о. Били-Били Марамай. Новая Гвинея	22×14	ВС	
37	И-2085-37	Рисунок карандашом. Портрет в профиль, житель Берега Маклая Дягусли. Новая Гвинея	22×14,5	ВС	
38	И-2085-38	Рисунок карандашом. Портрет жителя Адмиралтейских о-вов с большими зубами на верхней челюсти. Меланезия, о-ва Адмиралтейства	24×16	ВС	
39	И-2085-39	Рисунок карандашом. Портрет микронезийской девочки Миры. Микронезия	23,5×15	ПВ	
40	И-2085-40	Рисунок карандашом. Портрет папуаса с характерными украшениями. Новая Гвинея, Берег Маклая	22,5×17	ВС	
41	И-2085-41	Рисунок карандашом. Дом Н.Н. Миклухо-Маклая на о. Мангарева. Полинезия	29×23	ВС	

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
42	И-2085-42	Рисунок отмывной с прорисовкой пером и тушью. Малайское судно «Урумбай», Меланезия	22×17	ВС	МГУ
43	И-2085-43	Рисунок отмывной с прорисовкой пером и тушью. Меланезец с носовым украшением. Меланезия	20×14	ПВ	МГУ
44	И-2085-44	Рисунок карандашом на тонированном ватмане. Две хижины на сваях. Новая Гвинея, мыс Бугарлом	35,5×29	ПВ	
45	И-2085-45	Рисунок тушью и пером. Портрет в профиль и анфас, представитель народности оран-утан Лоссо. Малаккский полуостров	34,5×24	ВС	МГУ
46	И-2085-46	Рисунок карандашом с подчеркиванием тушью. Мужской дом «бай». Микронезия, о-ва Палау	30×21	ВТ	МГУ
47	И-2085-47	Рисунок карандашом. Дерево с мемориальной доской. Новая Гвинея	29,5×12,5	ВС	МГУ
48	И-2085-48	Рисунок пером. Фигура с о. Пасхи	17×11		
49	И-2085-49	Рисунок графитом. Портрет старика в профиль, Рохо Охорелла. Индонезия, о. Амбон	16,5×11		

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
50 копия № И-2085-26	Не зарегистрирован	Рисунок карандашом и акварелью. Участник праздника «Ай» с украшением из перьев на голове. Новая Гвинея, Берег Маклая	170×72	ВС (как копия, не опубликован).	МА 3997

Это дает основания говорить о том, что прообраз коллекции И-2085 (имеется в виду тот «порядок» рисунков, о котором он говорил в одном из своих газетных интервью (см. выше)) соотносится не только с работой по изданию дневников путешествий, но и с идеей Миклухо-Маклая о создании научного труда по этнологии меланезийцев⁴⁹. Можно полагать, что в рамках жанра публичных лекций Н.Н. Миклухо-Маклай в той или иной степени воспроизводил структуру задуманной им книги.

⁴⁹ См. подробнее раздел 3 настоящей книги.

ПРЕДАНИЯ О Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕ В КУЛЬТУРЕ ЖИТЕЛЕЙ БЕРЕГА МАКЛАЯ

Проблема трансформации воспоминаний об исторических событиях в мифологическое повествование чрезвычайно важна для культурологических, исторических, фольклорных и этнографических исследований. Ведутся многочисленные споры о том, происходит ли трансформация исторических событий в миф или же, наоборот, события окружающей реальности воспринимаются с помощью шаблонов, сформированных в сознании человека мифологическими представлениями [Байбурин, Левинтон 1983]. Как правило, обе стороны в таком споре располагают небольшим количеством данных. Исторические события, подвергшиеся мифологизации, разделены с исследователем значительным временным отрезком, а письменных источников об этом периоде чрезвычайно мало. Однако если мы хорошо осведомлены об определенных исторических событиях, то степень их мифологизации, как правило, минимальна.

Уникальным явлением среди подобного рода событий является «случай Маклая». Во-первых, Миклухо-Маклай высадился в селении, жители которого до этого не видели ни одного белого человека. Во-вторых, Миклухо-Маклай детально описал все свои действия в Бонгу, и мы практически «шаг за шагом» можем восстановить его работу там. Это своеобразный исторический источник, который можно сравнить с мифологическими текстами. Перед нами крайне редкий случай добросовестного документированного первого контакта европейца с традиционной (первобытной) культурой. Наконец, в-третьих, предания и легенды о русском ученом фиксировались исследователями-этнографами, работавшими на Новой Гвинее, с 1890-х годов до настоящего времени.

Можно сказать, что первые полумифологические предания о себе сообщил сам русский ученый. Так, он упоминает, что местные жители называли его карам-тамо, т.е. человек с Луны. Однако это не полнотекстовый миф или легенда о нем самом, а рассужде-

ния о мифах о нем. Так, в «Кратком сообщении о моем пребывании на восточном берегу острова Новая Гвинея в 1871 и 1872 гг.» ученый приводит такие факты: «Кроме моего имени “Маклай”, которое они знали и помнили с первого же дня моего знакомства с ними, они стали звать меня “каарам-тамо” (человек луны) или “тамо-боро-боро” (человек большой-большой), ставя меня выше самых старых и почитаемых глав семейств, которых они называют просто “тамо” и редко “тамо-боро” (человек, человек большой). Они приходили ко мне, прося изменить погоду или направление ветра; были убеждены, что мой взгляд может вылечить больного или повредить здоровому, думали положительно, что я могу летать и даже, если захочу, могу зажечь море» [Миклухо-Маклай I: 263].

В тексте чтений в Русском географическом обществе есть уточнение этого факта. «Наконец, уже на четвертом месяце моего знакомства с ними, когда я успел ознакомиться с языком достаточно хорошо, при новых расспросах о происхождении этого выражения я узнал следующее. Спросив однажды одного из туземцев: “Кто тебе сказал, что я каарамтамо?”, т.е. человек с Луны, я получил ответ: “Да все говорят это”. — “Кто же эти все?” — “Да ты спроси их (при этом он указал на подле стоявших): вот тот, тот и тот, все тебя так называют”.

Добившись, наконец, кто первый назвал меня таким образом (мне сказали, что это был Бугай из деревни Горенду), я тотчас же отправился в эту деревню, отыскал Бугая и спросил его: “Почему ты думаешь, что я пришел с Луны?” — “Потому что у тебя огонь с Луны”. Опять явилось затруднение: что они называют “огнем с Луны”? Я стал объяснять им, что огонь, который горит в моей хижине или зажигается в ней, совершенно такой же, как и тот, который горит в Горенду, Тумбу и других деревнях. “Все это так, — отвечал Бугай, — но у тебя в твоей хижине есть еще другой огонь, который с Луны”. Снова пришлось расспрашивать, и, наконец, я узнал, что этот дикарь Бугай, будучи раз с товарищем на рыбной ловле, увидел около моей хижины яркий белый свет и так испугался, что сейчас же бросился в деревню и стал звать всех посмотреть на “огонь с Луны”, как он назвал этот необыкновенный огонь. С этого времени сначала в ближайших деревнях, а потом и в более отдаленных стали звать меня “человеком с Луны”» [Миклухо-Маклай II: 406–407].

Очевидно, что ученый сосредоточился на поиске исторических фактов, которые способствовали сложению мифа или, более

точно, имели отношение к формированию того или иного аспекта мифа. В то же время зафиксировать предание полностью он не считал нужным.

Примечательно, что ряд ситуаций, которые на страницах дневников Миклухо-Маклая выглядели как своеобразные чудеса и, с точки зрения европейца, должны были неминуемо оставить след в памяти местных жителей, не упоминаются в позднейших легендах. Например, в зафиксированных исследователями текстах не встречается эпизод с «поджиганием воды»: «Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую допивал; вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил на веранду и позвал моих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать одному из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым движением. Я прилил к спирту на блюдечке несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящий спирт из блюдечка, который продолжал гореть на лестнице и на земле. Туземцы отскочили, боясь, что я на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что убрались немедленно, как бы опасаясь видеть что-нибудь еще страшнее» [Миклухо-Маклай I: 131–132].

В 1884 г. земли Берега Маклая были включены в Германскую колонию «Земля императора Вильгельма». Немецкие ученые Отто Финш, Гуго Цёллер, Отто Демпвольфф, изучавшие языки местных народов, записали несколько преданий о Миклухо-Маклае на островах Били-Били и Каркар. Рейнская лютеранская миссия разместилась в деревне Богатым (в дневниках Н.Н. Миклухо-Маклая фигурирует под названием Богати). Ее работники — врач Бернард Хаген, миссионеры Август Ханке, Георг Эйферт, Альберт Гоффман, Якоб Вельш и ряд других — постоянно сталкивались с воспоминаниями и преданиями о русском ученом. По просьбе Д.Н. Анучина Б. Хаген обобщил предания папуасов в специальной статье «Воспоминания о Н.Н. Миклухо-Маклае у жителей бухты Астролябии на Новой Гвинее», которая была опубликована на русском языке в журнале «Землеведение» [Хаген 1903].

В 1920–1930-е годы на Берегу Маклая, а также в прилегающих внутренних районах округа Маданг сбор этнографической информации проводился сотрудниками лютеранской миссии. Данные были опубликованы лишь частично и недоступны в России [Hoff-

man 1948; Hannemann 1996]. В 1940–1950-е годы полевые исследования на Берегу Маклая возобновляются. Британский исследователь Питер Лоуренс пишет книгу «Путь карго» [Lawrence 1971], посвященную карго-культам округа Маданг. По словам автора новейшего библиографического издания «Религии в Меланезии» Гарри Тромпфа, «просто лучшая книга о карго-культурах» [Trompf 2006: 237]. В ней описывается история контактов папуасов Берега Маклая с европейцами с 1871 по 1950 г.

В научной литературе под термином «карго-культ» подразумевают новые культурные явления, возникающие в культуре традиционных народов под влиянием более развитых цивилизаций. В середине XX в. карго-культы были подлинными культурами, их приверженцы почитали местных пророков, которых считали «черными Иисусами». Однако к концу XX в. карго-культистские сообщества приняли форму организаций, занимающихся коммерческой деятельностью. Такая деятельность включает многочисленные элементы «промысловой магии», «магии богатства», подразумевает возрождение общинных традиций и т. д., но вместе с тем в их основе уже не лежит подлинный культ какой-либо вещи или человека, поэтому в работах рубежа XX–XXI вв. для обозначения этих явлений используется термин «каргоизмы» [Sullivan 2005: 8].

Питер Лоуренс назвал легенды о Маклае первым карго-культом округа Маданг. Развитие местной мифологии он видит как череду сменяющих друг друга культов карго, которые представлены в табл. 2 [Lawrence 1971: 62].

Таким образом, по мнению П. Лоуренса, почитание Маклая было лишь первым этапом развития того, что он называл «каргомышлением». В книге «Путь карго» культу Маклая в дальнейшем не уделяется внимания. А упоминания о позднейших случаях почитания Маклая разбросаны по различным работам. Например, в уже приводившейся рецензии на книгу «Человек с луны» Лоуренс упоминает, что «в 1960-е его даже идентифицировали с Иисусом Христом» [Lawrence 1986: 537].

Кроме основной работы по карго-культурам, П. Лоуренс издал множество статей и монографий, в которых упоминаются различные аспекты преданий о Миклухо-Маклае. Так, через 13 лет он издает вторую книгу, основанную на материалах, собранных в ходе экспедиций в округе Маданг: «Гария. Этнографическое описание космологических представлений в Папуа — Новой Гвинее». Это

Таблица 2

Период	Основа культа	Распространение	Божества
I этап 1871–1900	Язычество	Побережье от дер. Саранг до дер. Сайдор	Маклай считается местным добрым божеством; немецкие колонисты — местные злые божества
II этап 1900–1914	Язычество	Побережье от дер. Сек до дер. Бонгу	Европейцы не родственны папуасам. Они владели карго изначально. Возвращение к мифам о Манупе и Килибобе
III этап 1914–1933	Христианство	Весь Берег Маклая	Европейцы и папуасы — братья через Адама, Еву и сыновей Ноя. Почитание христианского Бога и Иисуса Христа
IV этап 1933–1945	Синтез христианства и язычества	Почти весь округ Маданг	Почитание местных лидеров: Каут, Таграб, Каум и др.
V этап 1948–1950	Язычество	Побережье от дер. Саранг до дер. Сайдор	Культе Яли

племя, иногда называемое сумау, занимает территории на водоразделе рек Нуру и Пека. Первая относится к бассейну реки Гогол, а вторая — к бассейну реки Раму, отделенной от побережья горами. Гария одновременно были связаны речными долинами с симбу (более правильное название народа чимбу, распространенное в современной англоязычной литературе. — *А.Т.*) на Раму и били-били (в англоязычной литературе «билбил». — *А.Т.*) на тихоокеанском побережье. Таким образом, данные по этому народу являются чрезвычайными для понимания географии распространения легенд о русском путешественнике в целом.

В рецензии на англоязычную биографию Миклухо-Маклая «Человек с луны», написанную Элси Мэй Вебстер, Лоуренс пишет: «В 1949 г., когда я начал работу среди гария во внутренних районах за Мадангом в Папуа — Новой Гвинее, один из информантов сказал мне на ток-писине: “Wanpela magarai bilong mipela” (‘один из наших магараев’). Слово звучало необычно и оказалось синонимом поня-

тию “масалай” на ток-писине или “ойтеу” на местном языке, что значило традиционное божество. Позднее я понял, что это было искаженное имя собственное — Маклай, а более точно — Миклухо-Маклай — первый европеец (русский), который жил в этом регионе, в Бонгу, в тридцати милях отсюда, на побережье еще до появления первой колониальной администрации» [Lawrence 1986: 537].

В другой небольшой заметке — отклике на опубликованную в «Новостях» Королевского антропологического института статью Д.Д. Тумаркина о Миклухо-Маклае — он добавляет: «В Гариа слово “магарай” использовалось как синоним понятия “ойте`у” (низшее божество). Предки этих людей узнали о нем рано: через каналы торговых связей, простирающихся до самого побережья». И далее: «Это поверье начало распространяться в 1871 г. Карго-движение просуществовало более ста лет, хотя божества, которые ассоциировались с ним, регулярно менялись. Тем не менее имя Маклая периодически появлялось среди них» [Lawrence 1982: 13]. Иными словами, почитание Миклухо-Маклая в различных качествах продолжалось во многих деревнях округа Маданг на протяжении всего XX в.

В 1970-е годы на Берегу Маклая дважды работали советские ученые-этнографы. В ходе двух поездок (1971 и 1977 гг.), приуроченных к столетию первой и второй экспедиции ученого на Новую Гвинею, были собраны этнографические данные о деревне Бонгу и, в частности, воспоминания папуасов о «тамо-русс». Тексты воспоминаний были опубликованы в работах Б.Н. Путилова и Д.Д. Тумаркина [Путилов 1981; Тумаркин 1997]. Вместе с тем в работах этих авторов воспоминания о русском ученом рассматривались в основном как исторические тексты, на основании которых можно прояснить малоизвестные периоды жизни ученого на Новой Гвинее.

Примерно в те же годы в округе Маданг в течение нескольких лет проживала и работала австралийская исследовательница «устной истории» Мэри Меннис, которая зафиксировала несколько преданий о Миклухо-Маклае на островах Били-Били и Грагед, а также в дер. Бонгу. Основная часть текстов была опубликована в журнале «Устная история». Кроме того, небольшая часть преданий с острова Били-Били была переведена на русский язык и напечатана в журнале «Советская этнография» [Меннис 1989]. Другая австралийская исследовательница, ученица П. Лоуренса, Ромола МакСуэйн писала в своей работе о мифологии жителей острова Каркар, что в преданиях Миклухо-Маклаю отводится очень важное

место — «то отца Килибоба, то самого Килибоба, то сына Килибоба» [McSwain 1994: 19]. Эти работы вновь показали, что память о Миклухо-Маклае жива. Воспоминания о нем не исчезли, вытесненные другими культурами, а трансформировались и продолжают меняться под влиянием новых реалий современности.

В 1994 г. Мэри Меннис, в то время проживавшая уже в Австралии, вновь совершила поездку по округу Маданг и зафиксировала новую версию предания о русском ученом. В 2010 г. два сотрудника кафедры этнологии исторического факультета МГУ (А.А. Винецкая и автор данной работы) побывали в деревне Бонгу и записали еще три предания о Миклухо-Маклае (отрывки из полевого дневника опубликованы в настоящем издании).

Таким образом, легенды о Миклухо-Маклае существуют вплоть до настоящего времени. Они зафиксированы и изданы. Благодаря большому количеству этнографических и лингвистических заметок о регионе можно поэтапно проследить изменение этих устных текстов, что и было сделано в рамках этой работы.

* * *

Перед тем как перейти к описанию преданий и легенд о русском ученом, необходимо сделать несколько пояснений по поводу исторической географии Берега Маклая.

Вопрос об этническом составе жителей Берега Маклая требует пояснений. Папуасы представляют собой пеструю языковую смесь. Миссионер Рейнской лютеранской миссии Август Ханке задался вопросом о том, являются ли папуасские наречия диалектами одного языка, подобно тому как швабский, рейнский и мекленбургский диалекты составляют немецкий язык, или это самостоятельные отдельные языки, малородственные друг другу. Ханке сравнил языки трех групп залива Астролябии — жителей селений Бонгу, Богатым и островитян Сиар и Рагетта. В качестве сравнительного материала он использовал материалы книги «Меланезийские языки» Роберта Г. Кодрингтона. В итоге Ханке пришел к выводу, что Бонгу и Богатым, с одной стороны, и Сиар-Рагетта и меланезийские языки, с другой стороны, относятся к различным языковым семьям. При этом меланезийские языки имеют сходство с языком Сиар-Рагетта, а язык Бонгу — с языком Богатым [Hanke 1905: 255–262].

Лингвистические исследования середины XX в. подтвердили эту гипотезу. Родство языков Бонгу и Богатым, с одной стороны,

и Сиар и Рагетта — с другой, оказалось еще более отдаленным. В настоящее время жители дистрикта Маданг относятся к двум большим филам: австронезийской и трансновогвинейской. На языках австронезийской филы говорят жители прибрежных и островных деревень, в частности Каркар (язык Такиа)⁵⁰, Били-били (язык Билбил), архипелага Довольных людей (язык Гедагед), а также ряда прибрежных деревень Берега Маклая — Миндир (язык Миндри) и Телята (язык Биляу). Жители остальных деревень побережья, а также жители внутренних районов говорят на языках трансновогвинейской филы. Последняя имеет чрезвычайно дробное деление на субфилы, суперветви, ветви, группы и семьи, воспроизводить которое в настоящий момент не имеет смысла. Можно, однако, отметить, что языки деревень Бонгу (Бонгу) и Богатым (Бом) относятся к субфиле Маданг-Адальберт Рэйндж, Мадангской суперветви, ветви побережья Рай и семье Минджим [Z'graggen 1979: 5–12].

Носители австронезийских языков обладают более высокотехнологичной культурой. Они владеют технологиями постройки больших каноэ и играют роль торговцев на Берегу Маклая. Им же известно гончарство: жители деревень Били-Били и Ябоб привозят жителями побережья горшки для обмена. Путешествуя вдоль побережья, носители австронезийских языков выступают проводниками новых культурных влияний. Именно представители этих деревень были организаторами несостоявшегося восстания 1904 г. против немецкой колониальной администрации. Культура носителей австронезийских языков представляет собой своеобразную элитарную культуру побережья, в то время как культуры носителей трансновогвинейских языков занимают место на ступень ниже.

Торговые путешествия носителей австронезийских языков являются одним из каналов распространения не только знаний и вещей, но и преданий. Как писал сам Миклухо-Маклай: «Люди этой деревни (Били-Били. — *А.Т.*) из поколения в поколение ежегодно по несколько раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до деревни Телята» [Миклухо-Маклай II: 178]. Отклоняться от освященных традицией путей папуасские мореплаватели не решались. Н.Н. Миклухо-Маклай так описывает попытки уговорить

⁵⁰ В данном случае и в дальнейшем сначала приводится название деревни по записям Миклухо-Маклая, а в скобках дается принятое в англоязычной литературе название языка (по работе Дж. З'граггена).

хозяина лодки Каина плыть дальше, за Телята: «Вечером я имел долгое совещание с Каином, уговаривая его отправиться далее; обещал ему один и даже два топора, ножей, красного коленкору, бус — одним словом, несметные для него богатства. Но он стоял на своем: “Нет”, “Нельзя”, “Убьют”, “Всех убьют”, “Съедят” и т. д. — вот все, чего я мог от него добиться» [Там же: 186]. На западе крайней точкой путешествия были острова Довольных людей, которые на современных картах обозначаются как Сиар и Кранкет.

В ходе таких путешествий папуасы обменивались различными товарами. В частности, жители деревни Били-Били предлагали глиняные горшки, которые производились в их деревне. Вместе с торговыми путешествиями распространялись и истории о белом путешественнике. Н.Н. Миклухо-Маклай описывает такую ситуацию: «Мой выстрел привлек жителей деревни, которые прибежали осведомиться, что случилось. Каин воспользовался этим и набросился на бедных жителей Сингора. “Как это, — завопил он, — Маклай — тамо-боро-боро, Каарам-тамо, тамо-русс приехал сам в Сингор, а эти люди не принесли еще ни свиньи, ни поросенка, ни даже аяна!” <...> По прошествии пяти минут стали появляться из деревни туземцы: кто с аяном, кто с курицей, кто с поросенком...» [Там же: 183]. Эта ситуация показывает, что к моменту прибытия тамо-русс в Сингоре о нем уже знали.

Следует еще раз отметить, что жители деревень Сиар, Грагер, Сингор и Телята, несмотря на значительную пространственную удаленность друг от друга, разговаривают на языках австронезийской языковой семьи. Следовательно, общение между ними не затруднено значительной языковой разницей. Они могли обсуждать подробности прибытия, пребывания и отъезда Маклая, а впоследствии и пересказывать друг другу легенды о нем.

Второй канал распространения легенд был связан с деятельностью миссионеров Рейнской евангелической миссии. Первоначально ими были основаны несколько станций на побережье: Богатым (1887), Бонгу (1896), Сиар (1889) и Рагетта (1889). Миссионеры установили контакты с местным населением и стали обучать местных жителей основам христианской веры. Затем они попытались установить контакты и привлечь к обучению в школе жителей соседних деревень. Здесь их ожидали трудности: горы Финистер (хребет Мана-Боро-Боро в дневниках Миклухо-Маклая. — *А.Т.*) были труднопроходимыми, и за один день с большими трудностями было

возможно пройти расстояние в 15–20 км. Необходимость охватить проповеднической деятельностью как можно большее количество поселений была связана с конкурентной борьбой с католической миссией, разместившейся на побережье к северо-западу от Маданга.

На протяжении 1890-х годов миссионеры совершили ряд путешествий вглубь побережья и нашли наиболее удобный путь проникновения во внутренние районы острова. Этот путь лежал через водораздел рек Гогол и Раму. Первоначально сил и средств для основания станции вдали от берега не было. В 1906 г. в десяти километрах от Маданга была построена станция Амеле, существующая до сих пор. В школе при этой станции уже в первые десятилетия XX в. обучались представители народов симбу, проживающих в бассейне реки Раму. Симбу принимали участие и в деревенских, и в религиозных праздниках рядом со станцией Амеле. Вот как в 1930 г. описывает их участие один из миссионеров: «Оказалось, что на празднике присутствуют три человека с другого берега реки Раму, которым их друзья из Фулуму хотели вручить таро. С этими словами говорящий поднял вверх клубень таро размером около 70 см длиной. После этого были поделены свиньи, каждый получил свою долю и вернулся на место для того, чтобы съесть» [Das Archiv der VEM, 2.996 Amele, S. 135 (271)].

Оттуда вместе с жителями Амеле и соседних деревень они уходили работать на плантации на побережье. Именно в среде таких рабочих, по мнению П. Лоуренса, наиболее широко были распространены разнообразные карго-идеи. После работы на плантациях симбу возвращались домой и приносили эти идеи в свои селения. В 1930-е годы священники католической и лютеранской миссии смогли проникнуть в долину Раму и основать там станции. В частности, в 1934 г. лютеранские миссионеры основали станцию на том месте, где сейчас находится город Кероваги [Rambo 1990: 177]. К моменту их прибытия легенды о Миклухо-Маклае там уже существовали. Там он именовался термином Магруай или Макарай.

Таким образом, в настоящий момент нам известно два очага легенд о Миклухо-Маклае: первый связан с побережьем и морскими экспедициями жителей островов Били-Били и Сиар, а второй — с группой племен симбу в бассейне реки Раму.

* * *

В культуре папуасов на Береге Маклая сохранилось несколько типов воспоминаний о пребывании нашего соотечественника.

Первый тип воспоминаний — это ситуативные воспоминания о том, что делал Миклухо-Маклай. Эти воспоминания фиксировались вплоть до конца XIX в. По всей видимости, были живы люди, которые сохраняли воспоминания о личных контактах с ученым. Одно из них приводит Б. Хаген: «Миссионер Гофман спросил однажды туземцев Били-Били, не получал ли кто из них когда-нибудь побоев от Миклухи-Маклая. Они захохотали и сказали: “О, у Маклая была скорая рука! Не раз он здорово задавал трепку молодежи!”» [Хаген 1903: 249].

Или другой пример бытового эпизода: «Так, однажды он выбрил одному малому из Богатьима полголовы за то, что он дерзко ему налгал. А так как заботливо убираемый волосяной убор составляет высшее украшение у мужчин-папуасов, то наказанный не мог несколько месяцев открыто появляться в своем селении» [Там же]. Среди публикаций, появившихся на протяжении XX в., ни одного подобного рассказа не было зафиксировано.

Другой эпизод из повседневной жизни приводится и Хагеном, и миссионером Томасом, работавшим на станции Богатьим. Последний в своих воспоминаниях пишет: «Вначале он (Миклухо-Маклай. — А.Т.) из-за страха перед местными жителями окружил свое жилище цепью небольших мин, которые приводились в действие шнурами, протянутыми к хижине, в том случае, если аборигены приближались к хижине. Поэтому неудивительно, что они считали незнакомого человека высшим существом» [Thomas 1892: 43]. Примерно такую же картину рисует Хаген: «При всей своей храбрости и уверенности он (Миклухо-Маклай. — А.Т.) не оставлял никогда <...> необходимой осторожности; люди Богатьима и теперь еще рассказывают, что всякий раз, когда к его жилищу приближалась большая толпа вооруженных людей, из земли вырывался с громким треском огонь» [Хаген 1903: 248]. Вновь можно указать на то, что в легенды о Маклае эти сюжеты не попали.

Второй тип воспоминаний существует в виде обычая называть детей именем Маклай. Этот обычай был отмечен еще О. Финшем в 1884 г.: «Нам была показана также одна нангели (женщина) или кринга (девочка) “Маклай”, маленькая рябая девочка лет шестнадцати, у которой крестным отцом был Маклай» (цит. по: [Бутинов 1950: 745]). Об этой же женщине упоминает Б. Хаген: «Он остерегался также показываться туземцам нагим или обнажать части своего тела. Но в особенности он был осторожен в отношениях

с женщинами и никогда не искал случаев сношения с ними. Объяснение того факта, что в Бонгу живет дочь Миклухи-Маклая, заключается в обычае папуасов давать их новорожденным имена дружественных и по возможности видных или сильных людей. Нередко дети папуасов получают от их родителей европейские прозвища, часто с согласия, а то и без разрешения и знания о том носителей этих имен» [Хаген 1903: 248].

Обычай давать имена в честь значимых людей широко распространен в разных деревнях Берега Маклая. В 1913 г. миссионер А. Ханке совершил путешествие в горную деревню Янау, в которой надеялся найти желающих принять крещение. Незадолго до возвращения домой к нему подошел один из пожилых жителей деревни. Ханке пишет: «Он объяснил через переводчика, что его ребенка, которому было примерно три месяца, звали Ханке. Естественно я подарил маленькому человеку подарок, и, таким образом, нить, связывающая нас, стала еще прочнее» [Das Archiv der VEM, 2.149 Hanke 4, S. 7].

В 1960-е годы обычай продолжал существовать. В 1966 г. во время одного из первых заходов советского судна «Витязь» в бухту Маданга штурман дальнего плавания, гидрограф, специалист по истории географических знаний и топонимике В. Гурецкий познакомился с лютеранским миссионером из Маданга Диком Хейтером. Дружба переросла в переписку. Миссионер писал в одном из писем: «И я знаю одного папуаса из деревни Бонгу и двух из окрестностей Маданга — всех троих зовут Маклаями» [Гурецкий 1969: 89].

Кэрол Дженкинс, исследовавший народ амеле в 1982–1984 гг., пишет: «В одной из деревень амеле — Умуине, так же как и на острове Били-Били и в других местах, в честь него (Миклухо-Маклая. — А.Т.) называли детей. В Умуине ребенка называли Макель. Это имя и сейчас используется у людей Амеле» [Jenkins 1988: 182].

Обычай давать детям имя «Маклай» существует и в настоящее время. В ходе расспросов в деревне Бонгу нам было сказано, что и сейчас несколько человек носят имя «Маклай». Кроме того, нам известно, что имя «Маклай» носят несколько человек на острове Багабаг [ПМА 2010].

Третий тип воспоминаний — так называемые географические предания. Впервые на них обратил внимание Д.Д. Тумаркин. В частности, он писал: «Вот деталь, казалось бы, несущественная, но на самом деле красноречивая и волнующая: тропинка из Бонгу на мыс

Бугарлом, где в 1876–1877 гг. жил тамо-русс, до сих пор называется *гом Маклай* — “тропа Маклая”» [Тумаркин 1975: 41]. В 2010 г. нам тоже показали «гом маклай», однако это была тропа, ведущая от вемуна Горенду до мыса Гарагаси, где Миклухо-Маклай жил в 1871–1872 гг. Нам также сказали, что во время второго пребывания в Бонгу исследователь жил в самой деревне на мысу Бугарлом. Кроме того, папуасы продемонстрировали то место, где располагался загон, в котором в 1883–1884 гг. находились привезенные им бычок и телки. В этом месте сейчас находится церковь и могила Самуэля Парива.

Аналогичные предания записала М. Меннис на острове Били-Били: «Обернувшись, Маджар показал на широкий уступ позади нас: “Это Айру, где наши люди построили хижину для Маклая”. <...> Маджар объяснил, почему они выбрали именно это место: “Маклай обычно останавливался тут и всматривался в море в ожидании русского корабля. Наши люди построили ему здесь хижину, чтобы он мог здесь спать. Отсюда виден и Берег Рай, и выход в океан”» [Меннис 1989: 119]. Как видно, оба предания весьма историчны и точно передают то, что делал Миклухо-Маклай.

В конце 1930-х годов у жителей ближайших окрестностей Маданга австралийским лютеранским миссионером Эмилем Ханнеманом была зафиксирована своеобразная «История Маданга» от древнейших времен до прихода европейцев: «Сначала были времена великой тьмы: пепел, пемза и ракушки падали и уничтожали наш урожай; затем люди были заражены “siasi” (оспой) и умирали в больших количествах. После того как разразилась эпидемия “disidus” (корь) последовала “daz idu” (дизентерия). Потом было еще одно большое землетрясение и большая приливная волна. Когда это все прошло, появился первый “yakas wag” (корабль с дымом), про который говорили, что это корабль Анут (tibud). Корабль проплыл мимо нас и пристал в Бонгу» [Hannemann 1996: 52]. Если «историческая» часть этого предания вызывает множество сомнений и затруднений, то «географическая» часть чрезвычайно точна и верна.

Впрочем, иногда часть географических преданий получает мифологический оттенок. В настоящее время большая часть вемуна Горенду проживает в деревне Бонгу. Однако эти люди отчетливо помнят, что изначально деревня Горенду располагалась недалеко от мыса Гарагаси. Эти земли до настоящего времени считаются принадлежащими роду Горенду, и именно там находятся огороды,

которые возделывают члены клана. По рассказам Сета Багуна, «в 1979 г. старейшина рода Гасом Каму переселился на то место, где Горендук находилась во время приезда Маклая. В 1992 г. весь клан Гумбу вернулся на свои земли. В прошлом люди переехали в Бонгу из-за болезней и стихийных бедствий. Люди Горендук и Гумбу переселились в Бонгу, когда пришли немцы и разбили плантации кокосов. Скоро весь Горендук переедет на свои земли. Когда вы приедете в следующий раз, деревню будет не узнать» [ПМА 2010].

Таким образом, географические предания отличает большая точность: место проживания Миклухо-Маклая в первый и второй приезды не меняет своего расположения. Те земли, на которых деревни располагались во «времена Маклая», воспринимаются как «правильные», а переселение на них представляется как путь к благоденствию.

Единственное, что меняется в географических преданиях, — это трактовка названий. Так, побережье Рай, как заявили местные жители, является сокращением от английских слов “Russian coast”. Версия эта неверна исторически, поскольку название побережья «Рай» встречается в дневниках ученого. Вместе с тем такая версия происхождения названия хорошо соотносится с другими «русскими» аспектами бонгуанской мифологии (подробнее об этом см: [Тумаркин 1984]).

Четвертый тип воспоминаний можно условно назвать «русские слова в папуасских языках». Одним из наиболее ярких свидетельств о пребывании русского исследователя в заливе Астролябии является ряд русских слов, вошедших в местные языки. Наиболее известные из них — это «топор», «кукуруза» и «арбуз». Однако «русские слова» составляют нечто большее, чем просто несколько лексических единиц в языках папуасов. С так называемыми «русскими словами», многие из которых никакого отношения к русскому языку не имеют, связаны особые представления о роли и помощи Маклая в освоении папуасами европейских знаний.

Впервые русские слова в языках папуасов описал немецкий путешественник, орнитолог, а в дальнейшем колониальный служащий Отто Финш. Он описывает две интересные ситуации, с которыми он столкнулся в 1884 г. во время посещения деревни Бонгу. Так, он пишет, что «в заливе Астролябии мы увидели дынное дерево (*Carica papaya*), называемое “папайя”, дыни и тыквы, и те и другие, называемые “арбус”. В звучании этих слов можно легко заметить

иноземное влияние. Как только был задан вопрос об этом, сразу звучало имя “Маклай”, поскольку именно он впервые принес эти растения (среди прочих также кукурузу “кукурус”) папуасам в подарок» [Finsch 1888: 61]. Финш не знал языка местного населения, хотя Миклухо-Маклай научил его нескольким словам на языке Бонгу. Очевидно, что общение было затруднено. Слово «Маклай» в данном случае было универсальным ключом, который прояснял темные моменты и делал общение более простым.

Вторая ситуация непосредственно связана с рождением легенды о «русских словах». Финш писал: «Никогда бы мне не могло прийти в голову, что немногие русские слова, которые я выучил за время поездки в Сибирь, смогут пригодиться мне еще раз среди так называемых дикарей Новой Гвинеи. Но так случилось! “Глеба” (Chljeb = Brot), “тапорр” (Топор = Beil), “скирау” (Ssjekrá = Axt), “ноша” (Nosh = Messer), постоянно повторяясь, звучали в речи папуасов. Впрочем, эти слова исчерпывали все знания русского языка. Как люди, которые жили в достатке, они требовали не хлеб, поскольку он едва ли пользовался спросом, а лишь железо. За все, даже за самые маленькие вещи, они хотели получить “тапорр” или “скирау”. За “ноша” они давали намного меньше, а прочие предметы, такие как зеркала, стеклянные бусы, кольца и т.п., интересовали только женщин и молодежь».

Если слово «тапорр» прочно вошло в язык Бонгу и ряда соседних племен, то слова «скирау», «ноша» и «глеба» вызывают серьезные вопросы. Во-первых, сам О. Финш не был большим знатоком русского языка, как он свидетельствует сам, русские слова он выучил во время путешествия по Сибири. Если в слове топор ошибок нет, то в словах «глеба» и «ноша» намного сложнее увидеть соответственно слова «хлеб» и «нож». А уж «сьекра», как транскрибирует его сам Финш, весьма отдаленно напоминает слово «секира».

Во-вторых, тот факт, что папуасы произносили слова, которые Финш считал русскими, не означал, что эти слова прочно вошли в бонгуанский лексикон и регулярно используются жителями Бонгу. Миклухо-Маклай так описывает свой опыт «языкового» общения с папуасами: «...у диких племен вообще есть обыкновение повторять ваши слова. Вы говорите, указывая на хороший предмет: “Казь”; туземец вторит вам: “Казь”, и вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете “казь”» [Миклухо-

Маклай I: 148]. Логично предположить, что кратковременный опыт общения Финша с папуасами и отделенное представление о русском языке породили в его воображении, а затем и в текстах воспоминания о словах «ноша» и «скирау». Некритичное отношение к этим материалам привело к тому, что недобросовестные наблюдатели обнаружили слово «ножа» даже в западной части Папуа — Новой Гвинеи.

В словаре языка бонгу Августа Ханке, который считается одним из лучших словарей папуасских языков, слова «глеба» и «ноша» отсутствуют [Hanke 1909]. Вместе с тем там имеется слово “tapor”, о котором написано, что оно заимствовано из русского. “Sirau” — нож (никаких указаний на заимствование этого слова из русского Ханке не дал), причем металлический нож в словаре обозначен как “buga sirau” — нож злого духа. Кроме того, упомянуты “gugrus” — кукуруза, “rapai” — дынное дерево. Слово «арбуз», хотя и отсутствует в основной части словаря, тем не менее упоминается как сохранившееся со времен Миклухо-Маклая во введении. Также интересно, что слово «рис» произносилось в языке бонгу как “gis”, а не как “rais”, что также может свидетельствовать о заимствовании из русского языка.

По всей видимости, слово «глеба» принадлежит к плодам фантазии О. Финша. Логично предположить, что слово, обозначающее неизвестный папуасам вид пищи, в их языке отсутствует. В местной культуре аналогом хлеба является ямс. Слово «ноша» ни в одном из известных автору словарей не зафиксировано. А вот слово «сирау», судя по всему, является аутентичным местным словом. В записях Миклухо-Маклая, содержащих слова и образцы речи туземцев Берега Маклая, слова, похожие на «сирау», зафиксированы в ряде деревень: деревня Сингор — «серай», деревня Телят — «сelay». В языке деревни Богатым это слово также встречается, но только для обозначения ножа из бамбука: “serie” [Hoffman 1899: 295].

По всей вероятности, связь с бамбуком имеет определяющее значение. Помимо слова “sirau”, А. Ханке приводит также слово “rau”, которое обозначает «стена из расщепленного и сплетенного бамбука» [Hanke 1909: 203]. Пример, когда слово, обозначающее постройку, переносилось на название материала постройки, общеизвестен — это буамбрамра из дневников Н.Н. Миклухо-Маклая. Исследователь предполагал, что этим словом папуасы обозначают мужской дом. А. Ханке, более детально изучивший язык бонгу,

пишет, что мужской дом обозначается словом «бодьо». Буамбрама, как выяснилось позже, обозначает плетеную стену из листьев саговой пальмы [ПМА 2010] (см. также примечание № 52 в: [Миклухо-Маклай I: 415]). Возможно, что и слово “rau” обозначает скорее расщепленный бамбук. Например, в языке богатым слово “rau” значит бамбук [Hoffman 1899: 293, 295].

Возможно, что слово “sirau” первоначально обозначало именно бамбуковый нож, иными словами, расщепленный бамбук. Как уже говорилось, для обозначения железного ножа к слову прибавлялось название злого духа “buga sirau”, а при обозначении ножа из кости казуара также добавлялось определение “дыюра сугхле сирау” — нож из кости казуара [ПМА 2010]. Видимо простой, обыкновенный, «эталонный» нож был именно из бамбука, и именно он обозначался словом «сирау» без дополнительных уточнений. К слову «секира» он никакого отношения не имеет.

Помимо языка Бонгу, на рубеже XIX–XX вв. русские слова вошли в языки некоторых других народов Берега Маклая. На языке бом (деревня Богати в дневниках Миклухо-Маклая. — А.Т.) железные топоры назывались “taporr”, кукуруза — “gurkus”, некоторые виды тыкв и папайи — “abrus” [Hoffman 1899: 293, 295]. На языке жителей острова Били-Били топоры назывались “sapor” [Dempwolff 1909: 258]. Названия же полевых растений, которые привез в Бонгу русский путешественник, в языке Били-Били не закрепились, что, по всей вероятности, связано с незначительным развитием земледелия на острове. Впрочем, Отто Финш пишет, что плоды дыни и тыквы на Били-Били называли словом «Маклай» [Finsch 1888: 51].

Следует также отметить, что в большинстве языков слово “taporr” не полностью вытеснило старое название инструмента. Немецкий путешественник Гуго Цёллер, изучавший языки Берега Маклая в конце XIX в., сообщал, что железные топоры назывались “taporr”, в то время как каменные топоры сохранили свое прежнее наименование — “planis” [Zölller 1891: 383]. В ходе восхождения в горы Финистерр Цёллер отметил, что в деревне Кадда, находящейся примерно в 12–15 км от Бонгу вверх по реке Габенау, у жителей напрочь отсутствуют железные топоры. В деревне не растут кокосовые пальмы, а многочисленные плоды папайи они называют словом, похожим на «маклай» [Ibid.: 99].

В деревне Паним, расположенной в глубине острова примерно в 10 км от современного Маданга, топор обозначался словом «тса-

поль», в котором также очевидно угадывается искаженный русский прототип [Demrwolff 1905: 246]. Язык паним относится к языковой семье Мабусо, близкой к языковой семье Побережье Рай.

В феврале 2012 г. автор работал в архиве Объединенной евангелической миссии в городе Вупперталь (Германия). Здесь собраны все словари, составленные лютеранскими миссионерами в первые десятилетия XX в. Это машинописный словарь языка Богатим, составленный миссионером Георгом Эйфертом [Das Archiv der VEM, 2.997 Bogadjim], и словарь языка Сиар-Пагетта, составленный миссионером Генрихом Хельмихом [Das Archiv der VEM, 2.148 Helmich]. Язык богатим — это немецкое обозначение языка бом, который состоит в близком родстве с языком бонгу. Язык сиар-пагетта относится к австронезийской филе языков и чрезвычайно близок языку били-били. К этим словарям следует добавить «лучший» словарь папуасских языков — Словарь языка Бонгу А. Ханке. Ни в одном из этих словарей нет слова «маклай».

Впрочем, Август Ханке описывает историю, в которой имя Маклай используется как нарицательное: «В мае этого года эти напуганные люди (1913 г., люди племени рауа. — А. Т.) пришли с детьми и семьями со своих горных высот, чтобы на побережье выменять железные инструменты: ножи, топоры, долота — на свиней, собак, миски, стрелы и луки у “Маклая”. Так они еще называют европейцев в честь первого белого человека, русского, который в 70-е годы предыдущего столетия жил здесь в заливе Астролябии, и был очень близок с папуасами. С тех пор как я побывал у джеба, их ближайших соседей, которым непосредственное общение с “Маклаем” не только ничуть не повредило, но даже дало очевидные преимущества, рауа желали вступить в непосредственные отношения с удивительным белым человеком» [Das Archiv der VEM, 2.149 Hanke 4, S. 1].

Уместно предположить, что слово «маклай» использовалось при общении папуасов и европейцев, обозначая все нововведения в жизни жителей Новой Гвинеи: папайи, арбузы, топоры и т.д. По мере установления более прочных отношений, изучения местных языков необходимость в универсальном слове-посреднике пропала. Однако словом «маклай» продолжали обозначать всех белых людей те папуасы, которые еще не имели с ними регулярных контактов.

Во второй половине XX в. поиски русских слов продолжили путешественники и исследователи из СССР. Уже упоминавшийся штурман В.Е. Гурецкий лично слышал употребление слова «топор»

жителями одной из деревень рядом с Мадангом (по всей вероятности, дер. Грагер. — *А.Т.*). Он пишет: «На судовом катере мы совершили экскурсию на острова архипелага Довольных людей. На одном из них, Паэовой (на карте, приложенной к статье, название написано как “Пазован”. — *А.Т.*), провели почти весь день, собирая кораллы... С лежащего поблизости островка Массас — на нем виднелась папуасская деревня — подошла пирога... Дружно стучали топоры, вырубая первые грубые очертания пироги. И тут я совсем неожиданно услышал, что свое орудие они называют “тапор”. Однако никаких других русских слов мне от них узнать не удалось».

Австралийский лютеранский священник Дик Хетер в письме написал В.Е. Гурецкому еще о нескольких «русских словах», распространенных во многих деревнях залива Астролябии: «К названиям культур, привезенных сюда Маклаем, папуасы прибавляли его имя. И вот сейчас мы узнаем, что названия многих местных овощей и фруктов до сих пор сохранили это имя, например “Maclay cucumber”, что значит “огурец Маклая”» [Гурецкий 1969: 89]. Во время работы советских ученых на Берегу Маклая в 1971 г. Д.Д. Тумаркин зафиксировал, что слово «топор» произносилось как «схапор». Он также подтверждает, что ко многим словам прибавляется имя ученого: «дыгли Маклай» (огурец), «валю Маклай» (тыква) [Тумаркин 1975: 41]. Другой участник этой экспедиции, фольклорист Б.Н. Путилов, указывал, что корову называют словосочетанием «бик Маклай» [Путилов 1981: 55].

На мой взгляд, наиболее интересным из приведенных фактов будет изменение слова топор и «переименование» тыквы с сохранением ее в списке «русских слов». Со словом «топор» проблема может быть решена следующим образом. Слово “sapor” было зафиксировано для обозначения топора в начале XX в. у папуасов острова Били-Били. Учитывая их более высокое культурное положение и более высокий социальный статус этого торгового племени, возможно предположить, что заимствование тамоле-бонгу произношения билибильцев является «опущенной традицией», по терминологии В.Э. Мюльмана: элементы культуры заимствуются менее статусными группами у более статусных.

С обозначением тыквы дела обстоят сложнее. Исследователи языков округа Маданг обращали внимание на то, что все плоды с сочной мякотью папуасы именовали одним словом. В Бонгу этим словом было слово “abrus”. По предположению С.Р. Варшавского,

вероятно, такое объединение связано с тем, что «Маклай частенько в разговоре называл тыкву хорошо известным ему украинским словом “гарбуз”, и папуасы восприняли слово, опустив гортанное “г”» [Варшавский 1968: 88].

По мере увеличения количества европейцев на Берегу Маклая менялись и названия европейских предметов и растений. Вместо русских названий приживались сначала немецкие, потом английские. Миссионер Э. Ханнеман пишет про неопределенных туземцев округа Маданг, что «среди разных растений, которые он привез, были тыква, дыня и семена папайи, некоторое количество ананасов и т.п. Семена крупных видов папайи, которыми местные жители до этого не владели, они стали называть “tibus melaun”» [Hannemann 1996: 53]. Слово «тибуд» обозначает «божество, духа предков» на ряде диалектов Берега Маклая, а также на пиджин-инглиш. Слово «мелаун» — очевидно, калька с английского слова “melon” — дыня. В общем, словосочетание можно перевести как «плод духов предков». Таким образом, в 1930-е годы русское слово было утрачено, но представление о его связи с Миклухо-Маклаем осталось.

Кэрол Дженкинс, работавший в районе деревни Амеле в 1982–1984 гг., зафиксировал производное слово от имени русского ученого. В частности, Дженкинс отмечает: «Он (Миклухо-Маклай. — А.Т.) ввел в культуру папуасов новые растения, такие как ананасы, тыквы, некоторые виды бобов и несколько видов папайи, до сих пор известную в Амеле под именем “Маклейлика”» [Jenkins 1988: 182].

В ходе поездки в 2010 г. я столкнулся со следующей ситуацией. В первый день пребывания в Бонгу один из папуасов, предлагая вскрыть кокосовый орех, протянул мне топор и сказал: «Схапор». В ответ на мое непонимание он добавил: «Схапор-тапор». Судя по всему, в настоящее время вследствие регулярных посещений деревни русскими туристами (не менее двух раз в год) папуасы вновь получили представление о правильном произношении русского слова «топор», вместе с тем в повседневном языке сохраняется форма «схапор», возникшая под влиянием языка били-били.

Кроме того, когда мы попросили назвать русские слова в языке Бонгу, хозяин дома, в котором мы останавливались, Сет Багун ответил: «Маклай дал людям семена дыни, фасоли, кукурузы, огурцов и тыквы. Эти растения мы называем русскими именами: “абрус” (дыня), “мокар” (фасоль), “гугруз” (кукуруза), “дигли” (огурцы) и “уалю” (тыква)» [ПМА 2010]. Все эти слова зафиксированы

А. Ханке в начале XX в. и представляют, таким образом, изначальный (относительно времени контактов с европейцами) словарный фонд языка бонгу.

Приведенные примеры показывают, что количество слов, которые увязываются с Миклухо-Маклаем, постоянно увеличивается. Кроме того, если в 1970-е годы связь слов с памятью о Миклухо-Маклае подчеркивалась прибавлением имени ученого, то в настоящее время эти слова называются русскими. Как сказал нам один из жителей: «У нас в языке есть русские слова. Мы даже немного понимаем, когда вы говорите по-русски» [ПМА 2010]. Это показывает, что слова «русского фонда» в языке Бонгу не являются подлинными заимствованиями. Они представляют собой часть мифологического мировоззрения, в котором связь с Маклаем, а впоследствии «русскость» или отнесение к заимствованиям из русского выполняют определенные функции.

Пятый тип воспоминаний составляют собственно легенды о Миклухо-Маклае. Их, в свою очередь, тоже очень условно, можно разделить на две группы. В первую, наиболее многочисленную, войдут небольшие мифологические рассказы, в которых действует Миклухо-Маклай. Назовем их «краткими преданиями». Эти рассказы, как правило, лишь опосредованно связаны с историческими событиями. Они широко распространены в ряде деревень Берега Маклая. Рассказы второй группы намного более «историчны», или, точнее сказать, похожи на исторические. Назовем их «полными преданиями». После пересказа такого предания наш информант Гасом Каму показал нам книгу Б.Н. Путилова «Миклухо-Маклай» на английском языке. В ней на нужных страницах были сделаны закладки, а многие сюжеты рассказа были явно заимствованы из книги.

Дополнение самого «полного» устного предания за счет письменных источников отмечал в 1977 г. Д.Д. Тумаркин: «Публикации дневников и особенно радиопередачи не могли не оказать влияния на представления о тамо-русс у жителей Берега Маклая. Первые признаки такого влияния мне довелось наблюдать в 1977 г. во время пребывания в Бонгу. Ограничусь одним примером. Рассказав нам три предания о Маклае, пастор Абудзь неожиданно добавил: “А знаете, Маклай был мастер на выдумки. Он похоронил своего умершего слугу в море, а нам намекнул, что тот улетел в Россию”» [Тумаркин 1997: 165].

Второй вид преданий «принадлежит» потомкам Туя. Как рассказал нам праправнук Туя Гасом Каму, «у Туя было три сына: Бонем рано умер, Лилай не женился, дети были только у Ассела, его звали Аселл Туй. Сыном Аселла был Тейиб Аселл, сыном Тейиба — Каму Тейиб». Сыном Каму является нынешний старейшина клана Горендук (местные жители произносят именно так. — *А.Т.*) Гасом Каму. Именно от Каму Тейиба были записаны в 1971 г. две истории о пребывании Миклухо-Маклая в Бонгу. Д.Д. Тумаркин писал: «Наша группа записала в Бонгу на магнитофонную ленту три варианта предания о тамо русс: два — от деревенского старосты Каму (на пиджин-инглиш), один — от самого старого жителя деревни Танога» [Там же: 162]. В 2010 г. наиболее полное предание было записано от Гасома Каму.

Мы остановимся более подробно на легендах первого типа. Именно они наиболее ярко демонстрируют черты мифологического сознания эпохи аккультурации.

Легенды о культурном герое. Первое впечатление о прибытии русского корабля было сформулировано туземцами дер. Богатым в рамках мифа о предках. Эта легенда была зафиксирована миссионером Томасом. Ее пересказ приведен в статье Б. Хагена для журнала «Землеведение»: «Когда жители Богадьим и Бонгу заметили дым “Витязя” в море, у них явилась мысль, что пришел конец свету. Богадьим-тамо (так называют себя сами туземцы-мужчины) поспешили перебить массу свиней и собак, сначала, может быть, с целью умиловить эту жертвой великого духа, а затем, как они сознавались, г. Гофману — и с намерением поесть получше перед последним концом. <...> Но когда прошел день и ничего особенного не произошло, то они снова вылезли и набрались настолько храбрости, что решились посмотреть, куда направилось “морское чудовище”, большой корабль. Когда тамо Богадьима узнали от жителей Бонгу, что прибыли белокожие люди, они сначала обрадовались, так как полагали, что это вернулся к ним “Ротей” (Rotej — великий прадед или дух). Многие мужчины из селения Богадьим направились в лодках к военному кораблю, чтобы поднести подарки Ротей. <...> Но, когда они покинули корабль и стали грести к берегу Бонгу, вдруг раздался пушечный выстрел. Со страха тамо прыгнули из лодок, бросили полученные подарки и пустились к берегу вплавь. Вернувшись к своим, они объявили в ужасе, что это не Ротей посетил их, а Бука (“сам злой”» [Хаген 1903: 246].

Данное предание показывает, насколько реальные события воспринимались через призму мифологического сознания. Здесь практически отсутствуют «реальные» (безусловно, в европейском смысле отражения реальности. — *А. Т.*) описания событий: не указано, как выглядел корабль, Н.Н. Миклухо-Маклай, что он подарил людям Бонгу и Богатым и т.д. Первая встреча с русским путешественником описывается именно как встреча с духом. Причем из данного описания трудно понять, кого считали духом — самого Миклухо-Маклая или корабль.

Первое предание, в котором именно Маклай выступает в качестве культуртрегера, зафиксировано в самом начале XX в. О. Демпвольфом от двух жителей острова Били-Били в Дар-эс-Саламе, куда билибильцы прибыли для службы в колониальных военных частях. В русском переводе оно приводится в статье Н.А. Бутинова: «Наши предки раньше не работали. Они выменивали пищу у людей Сиар и Грагер за горшки. Теперь мы сами работаем, но раньше наши предки не работали, они жили доходами от гончарства. Тогда пришел Маклай и дал им — дал нам — железо; теперь мы работаем с помощью ножей и топоров. Маклай говорил: “О, люди Били-Били, идите с моими ножами, с моими топорами, которые я вам дал, на плантации и обрабатывайте поля, работайте и ешьте, ваши каменные топоры не острые, они тупы. Бросьте их в лес, они плохие, не годятся, они тупы”. Так говорил Маклай, а также Кубари» [Бутинов 1950: 749].

В этом переводе есть одна неточность. В немецком тексте О. Демпвольфа написано: «Маклай говорил: “О люди Били-Били, идите с моими ножами, с моими топорами, которые я вам дал, на материк (*dilnde* на языке били-били, *aufs Festland* — на немецком) и обрабатывайте поля...”» [Demppwolff 1909: 258]. Предание было зафиксировано в марте—апреле 1906 г. За два года до этого, в 1904 г., произошло восстание папуасов, известное в устных преданиях как бунт Сиар. После этого жители небольших островов (Били-Били, Ябоб, Грагер, Сиар и Риво) были переселены на материк по приказанию колониальной администрации. По всей видимости, для мифологического обоснования необходимости переселения возникло это первое предание. Здесь Миклухо-Маклай и Ян Кубари выступают как два культурных героя, установивших определенный порядок жизни — проживание на большой земле.

Важно отметить, что в своих дневниках Миклухо-Маклай не упоминает предложений жителям Били-Били переселиться на по-

бережье. Мы имеем дело с текстом, не являющимся производным от исторических фактов, а объясняющим суть исторического события исходя из мифологической картины мира. Ни Миклухо-Маклай, умерший в 1888 г., ни Кубари, умерший в 1895 г., в действительности не имели отношения к переселению 1904 г.

От культурного героя к карго-культам. Этот раздел необходимо отделить как от традиционных преданий о культурных героях, так и от карго-преданий, поскольку процессы аккультурации у папуасских племен протекали неодновременно. В 1930-е годы, в то время как на Берегу Маклая стали зарождаться карго-культы, в удаленные от побережья районы истории про Миклухо-Маклая только начинали проникать. Здесь они стали конституироваться в особый род преданий. В этих преданиях главный персонаж (который носит имя и Магарай, и Магруай, и различные другие, не похожие на имя русского ученого) не является культурным героем. Он не учит местных жителей сажать растения, заниматься земледелием и т.д. Вместе с тем этот персонаж не может быть назван карго-божеством, потому что он не призывает к борьбе с белыми людьми, не дарит европейские товары. Также немаловажно, что бытование этих историй не приводит к появлению пророков, начинающих активную реорганизацию жизни своего народа на основании карго-легенд. Таким образом, эти легенды являются промежуточным этапом между традиционными мифами о культурных героях и преданиями о карго-божествах. Это одна сторона проблемы.

С другой стороны, главные действующие лица этих историй имеют много общего с их историческим прототипом — Николаем Николаевичем Миклухо-Маклаем. Так, во многих легендах этот персонаж ходит от деревни к деревне. Он не навязывает никому европейские товары, не пытается заставлять папуасов выполнять свои приказания, но интересуется черепами различных животных и знает языки и обычаи папуасов. Очевидно, что функция этих легенд-преданий заключается в том, чтобы подчеркнуть важность традиционной культуры. Именно из этого тезиса в дальнейшем разовьются классические карго-культы 1950—1960-х годов.

Одно из первых преданий такого рода было зафиксировано Э. Ханнеманом в 1930-е годы у племени Грагед в окрестностях Маданга. Образ Миклухо-Маклая сохраняет черты культурного героя, но вместе с тем приобретает новые черты, характерные для последующего периода карго-культов. Миссионер пишет: «Неко-

торые жители Грагеда говорят, что у него под мышкой была большая книга и он говорил: «Ваши обычаи должны быть такими-то и такими-то» [Hannemann 1996: 53]. С одной стороны, перед нами существо, которое учит традиционному образу жизни, т.е. культурный герой. С другой стороны, его описание — «книга под мышкой» — подчеркивает, что это европеец. Этот образ, по всей видимости, сложился под воздействием внешнего облика миссионеров, которые чаще всего попадали в поле зрения местных жителей. Сам Миклухо-Маклай, судя по его дневниковым записям, не гулял по деревням с книгой под мышкой. Кроме того, он учит обычаям, что нетрадиционно для «настоящих» европейцев, которые либо проповедовали христианство, либо заставляли работать на плантациях. Сюжет об «обучении традициям», подчеркивающий важность традиций по сравнению с европейской культурой, свидетельствует о том, что в сознании папуасов происходят важные сдвиги.

Очень похожее действующее лицо описали миссионеры Рейнской евангелической миссии во время праздника миссии в поселении Фулуму. В отчете миссионера Шётлера за вторую половину 1930 г. говорится: «Другой радостный праздник аборигенов — ежегодный праздник миссии, который каждый раз проводится в новой деревне. В этот раз на очереди была Фулуму. Я каждый раз радуюсь, когда путь лежит в Фулуму, поскольку там работает один из наших лучших помощников, которого зовут Аик. Он пользуется большим уважением среди своих соплеменников. В этом году жители Фулуму пригласили людей преимущественно из тех деревень, в которых проживали их односельчане, а из прочих деревень общины (имеется в виду христианская община с центром в Амеле. — *А.Т.*) позвали несколько человек персонально. Но все равно вместе с приглашенными пришло множество других людей.

В центре деревни был воздвигнут огромный помост, на который клали всех свиней. Праздник начался со стрельбы по кокосу из лука. Лишь немногим удалось попасть в цель, поскольку она висела очень высоко. В качестве изюминки нам был показан боевой танец, который в прошлом регулярно исполнялся на праздниках. Среди участников танца был также «белый дьявол» (в машинописном варианте подчеркнуто. — *А.Т.*), который во время танца громко говорил танцующим, что они должны делать так-то и так-то. Позже нам объяснили, что раньше местные жители всегда танцевали этот та-

нец, а теперь, поскольку они стали христианами, они оставили его» [Das Archiv der VEM, 2.996 Amele, S. 271].

Два сюжета сближают «белого дьявола» и «Маклая» в описании туземцев племени Грагед: это белый цвет кожи и наставления в том, как надо совершать те или иные обычаи и ритуалы. Этих мотивов недостаточно, чтобы полностью отождествить данного персонажа с Миклухо-Маклаем. Вместе с тем эти два ключевых признака, с одной стороны, вполне соответствуют описаниям Миклухо-Маклая в других легендах. С другой стороны, они точно характеризуют сказания эпохи перехода к карго-культам. Некое действующее лицо не учит местных жителей, не дает им новое знание, богатства и блага. Это лицо руководит известными всем ритуалами, тем самым подчеркивая их важность.

Наиболее широкое распространение предания о белом человеке, пришедшем незадолго до других белых, получили у племени симбу (в прошлом неправильно именовались чимбу). В 1985–1988 гг. американский антрополог Карл Рэмбо зафиксировал 37 вариантов преданий о существовании Магруай в различных деревнях племени симбу по рекам Коро и Симбу. Он пишет: «В провинции Симбу Папуа — Новой Гвинеи рассказывают истории о человеке, называемом Магруай, который путешествовал по землям Симбу когда-то после 1928 г. и до первых патрулей, разведчиков, правительственных офицеров и миссионеров в 1933–1934 гг.» [Rambo 1990: 177]. Указание на то, что Магруай пришел к местным жителям незадолго до прихода европейцев, чрезвычайно важно для нас. Во-первых, это соответствует историческим фатам. Н.Н. Миклухо-Маклай действительно побывал у папуасов за несколько лет до того, как у них появились европейские миссионеры и служащие Германской новогвинейской компании. Указание на 1928 г. для нас не принципиально, поскольку эта дата реконструирована самим К. Рэмбо. Он рассчитал ее, исходя из того факта, что «австралийские первопроходцы появились в районе Кероваги в 1933, а в 1934 г. лютеранские миссионеры основали станцию на том месте, где сейчас находится город Кероваги» [Ibid.]. Во-вторых, совершенно четко определяет для нас «мифологическое время»: до карго-культов, но уже позже классических культурных героев.

Автор сообщает интересный факт о происхождении существа Магруай: «Несмотря на то что он никогда об этом (о своем происхождении. — *А.Т.*) не говорил, все считали, что он пришел из района

Бунди или современной провинции Маданг. В историях о его происхождении заявляется, что он соскользнул прямо с неба на “громовой стреле” и попал в ловушку для сумчатых на дереве. С тех пор он очень сильно боялся гроз». Если вспомнить рассуждения о точности географических указаний и неточности отражения конкретных фактов и действий в мифах, то, очевидно, наиболее важным указанием в приведенном отрывке для нас будут район Бунди и провинция Маданг. По всей вероятности, под «происхождением героя» более точно понимать исходный регион бытования легенды. Что же касается попадания в ловушку для сумчатых и спуска с неба на громовой стреле, то эти сюжеты можно будет прояснить позже, после знакомства с самими преданиями.

Описание Магруая не вызывает симпатии к нему: «Он был очень низкого роста (маленький как мальчик), отвратительный, растрепанный, который носил ненужный (cast-off) пояс и набедренную повязку и никогда не причесывался» [Ibid.: 179]. Можно попытаться увидеть в этих указаниях реальные исторические факты. Пышная шевелюра Миклухо-Маклая действительно выглядела для папуасов как непричесанная. Однако это положение — лишь догадка и не может быть верифицируемо. А свидетельство о низком росте ученого явно не соответствует истине.

Карл Рэмбо видит в таком описании особую логику мифа. Магруай представляется не таким, как классические бигмены и лидеры симбу, а их противоположностью. Исследователь пишет: «Характерные (или стереотипные) представления о бигменах таковы: они имеют крепкое, могучее телосложение, обладают способностью убеждать других людей и вообще талантливые ораторы. Идеальное физическое развитие, гладкая, блестящая кожа, красивые и дорогие украшения из раковин и перьев, обилие жен, детей, свиней и союзников — эти качества, приписываемые бигменам, контрастируют с описанием Магруая. Магруай — это стереотипный маргинал, маленький, нечесанный и некрасивый, не имеющий собственных украшений и другого имущества, вынужденный питаться крысами и растениями с чужих огородов» [Ibid.: 185]. С этими доводами следует согласиться, потому что они учитывают целый ряд мировоззренческих и культурных особенностей симбу.

Однако все указанные черты Магруая в преданиях, если называть их другими словами, не только противопоставляются чертам бигменов, но и сильно напоминают характеристики христианских

праведников, а также ряд черт самого Иисуса Христа в легендах: пренебрежение к внешнему виду, нежелание иметь собственность, путешествия из одного селения в другое. Как пишет К. Рэмбо, в ряде легенд, распространенных среди младшего поколения информантов, сходств с Иисусом Христом намного больше.

Так, одна из наиболее распространенных историй, которую К. Рэмбо слышал множество раз в различных вариациях, повествует, «как Магруай взял листья одного из местных огородных растений — рунджии — положил их в бамбуковый сосуд и приготовил на огне. Когда он открыл сосуд, там были горы пищи — достаточно, чтобы накормить всех желающих, а кроме того множество еще осталось» [Ibid.: 180]. С одной стороны, тема магического изобилия характерна для других историй племени симбу. С другой — очевидна связь сюжета этой истории с евангельской историей о насыщении 5 тыс. людей пятью хлебами. Как и в истории о Магруае, после трапезы еще осталось множество еды: «Набрали оставшихся кусков двенадцать полных корзин».

Другая история о Магруае похожа на сюжет о хождении по водам: «Он находился какое-то время в районе места, которое называют Дирекуле. Пребывание Магруая закончилось тем, что один из мужчин разозлился на него за собирание листьев рунджии на его огороде и бросил его в реку Коро. В этой реке стремительное течение, но Магруаю удалось вскарабкаться на воду, как на канат, и выбраться с другой стороны потока» [Ibid.]. По мнению Рэмбо, со временем сюжетов, сближающих Магруая и Иисуса Христа, в преданиях симбу становилось все больше, например сюжет о молитве Магруая и ряд других. Иными словами, из первоначального героя, противопоставлявшегося бигменам, Магруай трансформировался в существо со многими чертами христианского божества.

Вместе с тем ряд историй о Магруае совпадает с описанием курьезных ситуаций, приведенных в дневниках Миклухо-Маклая. Например, одна история повествует о том, «как один из стариков, тогда еще мальчик, попал в Магруая стрелой, когда играл с ним. Когда Магруай вынул стрелу из своего бока, то там не оказалось ни раны, ни шрама» [Ibid.]. Она отдаленно напоминает общеизвестное место из дневников ученого под заголовком «Может ли Маклай умереть». В реальности никакого попадания стрелы в ученого не было, однако итог предания симбу чрезвычайно похож на тот вывод, который сделал папуас Саул, который задал вопрос о смерти

Маклая. «Недоумевавший Саул хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копья и первый заговорил: “Арен! Арен” (Нет! Нет!). Между тем некоторые из присутствующих бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула. Простояв еще несколько времени перед Саулом в ожидании и назвав его даже шутливым тоном бабою, я сел между туземцами, которые говорили все зараз. Ответ оказался удовлетворительным, так как после этого случая никто не спрашивал меня, могу ли я умереть» [Миклухо-Маклай II: 196].

Другое предание симбу очень похоже на эпизод из дневников Миклухо-Маклая, связанный с установкой рядом с хижинкой ученого булу-рибут, малайского музыкального инструмента из бамбука, использовавшегося для извлечения звука ветра. В дневнике ученый пишет, что ночные звуки булу-рибут были восприняты папуасами как прибытие русских людей: «Тут мне стало ясно, что булу-рибут около моей хижины были причиною этого недоразумения, и <я> невольно улыбнулся. Туземцы, внимательно следившие за выражением моего лица, подумали, вероятно, что я соглашаюсь с ними, и осыпали меня вопросами: “Когда прибыли тамо-рус? Каким образом? Корвета ведь нет! Прилетели они? Что будут делать? Долго ли останутся? Можно ли прийти посмотреть их?” Все это показалось мне до такой степени смешным, что я захохотал. “Никаких тамо-рус в таль-Маклай нет. Приходите посмотреть сами”, — сказал я и вернулся домой в сопровождении полдеревни, отправившейся искать тамо-рус и оставшейся в большом недоумении, не найдя никого. Туземцы, однако ж, не были совершенно убеждены, что тамо-рус не являются, по крайней мере по ночам, каким-либо образом для совещаний с Маклаем, и положительно боялись приходиться ко мне после захода солнца» [Там же: 162].

В преданиях симбу этот эпизод выглядит несколько иначе: «По ночам он играл на музыкальном инструменте, сделанном из обрубка или нижней части стебля бамбука, и пел песни на своем собственном языке до поздней ночи» [Rambo 1990: 181]. Факты изготовления музыкального инструмента из бамбука, ночной игры на нем сближают две эти истории.

Кроме истории о ночной игре на музыкальном инструменте, Рэмбо зафиксировал истории о том, что Магруай интересовался головами крыс (ср. записи Миклухо-Маклая о том, что он просил папуасов приносить ему экзотических представителей фауны, у кото-

рых он отделял череп), ходил от деревни к деревне, разговаривал на местных языках (local languages). Все они сближают персонажа Магруай племени симбу и предания о русском ученом в Бонгу. Вместе с тем очевидно, что основой всех историй служат местные легенды и мифы симбу. Именно эти повествования задают структуру, а исторические факты вкраплены в достаточно случайном порядке.

В целом легенды о Магруае, «Маклае с книжкой» и «белом дьяволе» имеют множество общих черт. Основная — переходный тип главного персонажа от культурного героя, учителя к карго-божеству. А среди прочих можно назвать оторванность персонажа от конкретной деревни, его постоянные перемещения, а также то, что он придавал особое значение местной культуре и учил сохранять ее. При этом ни один из трех персонажей не призывал бороться с европейцами и не дарил им материальные ценности. Многие из этих черт перешли по наследству к главным героям карго-легенд.

Эпоха карго-культов. В конце 1940-х годов восприятие белого человека в традиционной папуасской культуре начинает меняться. Постепенно он превращается из воплощения божеств, духов предков в дарителя богатств или «карго».

Таким предстает Миклухо-Маклай в предании, зафиксированном М. Меннис на острове Грагед в 1975 г. Здесь Миклухо-Маклай действует как даритель в рамках карго-культистской парадигмы. «Маклай сказал Кудаму и Мальбаку с помощью жестов: “Вы не должны бояться”. Затем Маклай дал им флаг и сказал: “Через какое-то время я вернусь”. Он дал им мясо, консервированную рыбу в банках, еду. Этот флаг был большим тамбу (тамбу — по всей вероятности материальное воплощение духа предка, также *tumbuna*, *tabuna*), его выносили во время сингсингов (племенных праздников)» [Mennis 1980: 118]. Очевидно, что это предание минимально связано с историческими событиями, породившими его. Безусловно, Миклухо-Маклай делал папуасам подарки, но чаще всего это были вещи, а не еда. Еду же, напротив, он получал от туземцев.

Как уже говорилось, 1960–1970-е годы — время существования культов карго. Уже упоминавшееся исследование П. Лоуренса не охватывает 1970-е годы, однако с середины 1930-х идеология карго-движений стабилизируется: в преданиях утверждается, что карго изначально принадлежал аборигенам, а белые захватили его незаконно. Приведенное предание с острова Грагед обосновывает этот тезис мифологическим авторитетом Миклухо-Маклая.

Важным элементом предания является мотив «дарения флага». Во многих других преданиях, зафиксированных в тот же период, флаг является священным предметом, воплощением тайны карго. Так, в одном из преданий о восстании Сиар говорится: «Англичане дали народу Сиар флаг и сказали людям Ябоб, Били-Били и Сиар, что это символ того, что они вернутся на свои земли» [Ibid.: 32]. Флаг является сакральным предметом, символом восстановления справедливости (возвращение на земли предков), символом предков — табуна.

Нельзя не отметить, что мотив «дарения флага» центральный в «образцовом меланезийском карго-культе», движении Джона Фрума на острове Танна (Вануату). Французский антрополог Марк Табани, исследовавший возрождение культа Джона Фрума в 2000–2008 гг., пишет, что после освобождения Танны американскими солдатами в 1942 г., многие жители острова «поверили в идею мифологического союза, который свяжет их со всемогущей Америкой». На том этапе основой культа была демонстрация символического единства с США: «До сих пор каждый год 15 февраля около сотни людей в местечке Серная Бухта (Sulphur Bay), обнаженные по пояс, с буквами “USA”, написанными красной краской на груди, вооруженные бамбуковыми палками, заостренными наподобие ружей, маршируют под развевающимся звездным флагом...» [Tabani 2008: 17]. Этот флаг символизирует независимость от англо-французских колониальных властей. Аналогия более чем очевидна. Можно также добавить, что в настоящее время на Танне вместе с американским флагом можно видеть флаги независимых меланезийских государств: собственно Вануату (куда входит Танна), Папуа — Новой Гвинеи, а также флаг аборигенов Австралии [ПМА 2010].

В предании, зафиксированном в 1971 г. Б.Н. Путиловым, акт дарения определенных товаров является основным моментом в легенде. Следует еще раз упомянуть о том, что это предание было записано от старейшего жителя деревни Бонгу Таного, лично помнившего младших современников Миклухо-Маклая, которых он узнал на рисунках ученого. Встреча с Миклухо-Маклаем описывается так: «И тогда папуас Тоя обнаружил Маклая. Обнаружил Маклая, подошел поближе. Маклай тоже заметил, как Тоя подходил. Тойе было страшно. Он боялся гнева Маклая. Но он шел, шел, наконец подошел к прибывшим. Все хотели дотронуться до него, что-то говорили. Он решил присесть. Ему дали табак, соль, рис, закурили, стали

немного есть, дали попробовать и папуасу Тою. Тоя взял, что ему предлагали, смотрел, думал, прибывшие улыбались ему, он улыбался им и за едой немного разговаривали. Он вернулся в деревню, рассказал обо всем старейшинам, и через две ночи на рассвете они пришли посмотреть на Маклая» [Путилов 1981: 54].

Уже в этом предании Миклухо-Маклай выступает в качестве дарителя всех европейских нововведений: табака, соли и риса. Введение риса в культуру папуасов Берега Маклая не может быть связано с деятельностью русского ученого, поскольку еще в начале XX в. Б. Хаген писал о деревнях Богатым и Бонгу: «Рис — главный продукт питания азиатских народов — здесь не выращивается» [Hagen 1899: 198]. Да и сам Н.Н. Миклухо-Маклай описывает первую встречу несколько иначе: «В то время как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и ринулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Оглянувшись и видя, что я один, без всякого оружия, и знаками прошу его подойти, он остановился. Я медленно приблизился к дикарю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с видимым удовольствием и повязал себе на голову» [Миклухо-Маклай I: 78–79].

Как видно, дарение табака, соли и риса не имеет отношения к историческим событиям первой встречи Миклухо-Маклая с Туем. Вместе с тем в этой истории много общего с другими историями, зафиксированными во второй половине XX в. Так, в одной истории, записанной М. Меннис, дарителями европейских товаров выступают немцы: «После того как Маклай уехал, пришли немцы и сделали огромную плантацию, вырубив лес. Они сажали табак, каучуковые деревья и кокосы. Люди из деревни работали на плантации, и им платили немецкими марками. Сначала они думали, что это просто камни, и выбросили их, сказав, что у них и так уже много камней. Рис описывался как яйца муравьев и также выбрасывался, пока не поняли его ценности» [Mennis 2006: 258]. Таким образом, в легенде о дарении Маклай выступает как обобщенный символ всех европейцев, а его подарки Тую — как европейские товары, которые регулярно передавались местным жителям.

В рассматриваемых легендах Миклухо-Маклай представлен в виде мифологизированного существа, хозяина европейских благ

(мяса и консервированной рыбы), который дарит жителям острова Кранкет (Грагер в дневниках Миклухо-Маклая) флаг, магический символ восстановления справедливости, закона предков. Мотив восстановления исторической справедливости путем возвращения на исконные земли уже упоминался в разделе географических преданий. Итак, образ Миклухо-Маклая в преданиях 1950–1970-х годов изменился в соответствии с новыми представлениями о роли божеств в «карго-мифологии».

Современные предания. Наконец, в преданиях, собранных нами в 2010 г., образ Миклухо-Маклая вновь изменяется. В истории, рассказанной папуасом Горефу из вемуна Горендук, говорится следующее: «Поскольку он не стал жениться, они решили убить его. Но Туй сказал: “Не убивайте его”, и они его не убили. Туй взял Маклая, и они ходили вокруг деревни, чтобы показать, что они друзья. Они были в Горендук, Гумбу и Бонгу. Жители поняли, что они друзья».

На смену божеству, которое посылает карго и дает флаг местным жителям, приходит гораздо более человекоподобное существо. Маклай в этом предании (и надо сказать именно в этом конкретном предании) перестает быть Килибобом, Ротеем и Каарам-тамо и приобретает черты реального человека. Он становится на один уровень с Туем. Дружба Маклая и Туя является символом дружбы европейцев и папуасов. Более того, частично эта дружба — мифологическое отражение независимости Папуа — Новой Гвинеи: на смену отношениям «колония — метрополия» пришли отношения «суверенное государство — суверенное государство». Другими словами, на рубеже XX–XXI вв. на смену одностороннему одариванию пришло взаимовыгодное сотрудничество, что и отразилось в преданиях.

Гораздо более активной выглядит роль Туя и при первом контакте: «Туй делал магические действия (Туй был, по свидетельствам его потомков, рыболовным магом. — А.Т.) для того, чтобы поймать рыбу и привлечь ее к побережью. И в это время Туй увидел Маклая. Он увидел корабль и постарался все сделать, чтобы узнать, что это такое. Он посмотрел и вернулся в деревню и сказал жителям, что увидел Буга. Его называли Джилеб-Буга. Когда Туй вернулся и сказал людям, что видел, все пошли смотреть на Маклая. Сначала он их не видел, но они его видели. Он обернулся, увидел их и позвал их жестами подойти. Когда Маклай всех позвал, все убежали, но Туй остался и постарался поговорить» [ПМА 2010].

В данном случае именно Туй обнаруживает Маклая и зовет всех старейшин смотреть на заморского гостя. Активная роль Туя связана с двумя факторами. Во-первых, с уже названным выше изменением типа отношений «европеец — папуас», в которых роль папуасов становится намного более активной. Во-вторых, с тем, что легенды о Маклае являются обоснованием особого статуса клана Горендук. Общение с Маклаем и особая роль Туя в этих отношениях позволяет клану претендовать на более значимое место в общине и в настоящее время.

Активная роль Туя прослеживается и в последнем эпизоде истории — расставании с Маклаем перед отъездом в Россию. «После того как они утопили человека⁵¹, он (Миклухо-Маклай. — *А. Т.*) уехал в Россию и долго жил в Сиднее. Туй хотел дать ему что-то, чтобы он помнил о своем *аба-даму*⁵². Он дал ему магический *билум*⁵³ для того, чтобы Маклай мог заниматься рыболовством. Он называется *аре джамбир* — это магический билум. “Это память обо мне, — сказал Туй, — твоим аба-даму”». После завершения рассказа сын Гасома Каму — Бонем Гасом — подошел к нам и сказал: «Вы должны сказать своему правительству, что аба-горенду очень надеются на помощь аба-русс, ведь Туй подарил Маклаю очень важные магические знания. Вы тоже должны для нас что-то сделать».

Хотя это предание, по сравнению с преданиями эпохи каргокультов, выглядит намного более реалистичным, оно в значительной степени мифологизированное. Суть его заключается в том, что он легитимирует в сознании жителей Бонгу необходимость получения денежных субсидий «от России». Законность этих субсидий доказывается своеобразным обменом магическими знаниями: Туй дарит Маклаю *аре-джамбир*, а тот увозит его в Россию (в которой, как видно из предания, расположен город Сидней). И теперь бонгуанцы ждут ответного дара от тамоле-русс.

⁵¹ По всей вероятности, речь идет о похоронах матроса судна «Цветок тысячелистника» по имени Абуи в 1877 г.

⁵² Слово «аба» обозначает «брат», «даму» — «настоящий». Поскольку словом «аба» все мужчины называют людей примерно одного с ними возраста, то для обозначения более близких отношений — настоящего родства или дружбы, связывающей двух «аба», — используется термин «аба-даму».

⁵³ Плетеная из волокнистых корней растений сумка, вместилище магической силы.

В другой раз тема подарков бонгуанцев России была поднята за день до этого, когда мы договаривались с Бонемом Гасомом об интервью с его отцом. Он сказал: «Давным-давно Маклай увез из Горенду ай-теллум⁵⁴. Где он находится в настоящее время? Для нас это очень важно». Здесь опять же мифологические тамоле-русс выступают в качестве реципиентов, а бонгуанцы — в качестве дарителей.

Схожая модель взаимоотношений местных жителей и европейцев прослеживается в рассказе о миссионере Августе Ханке. Ее описал Сет Багун, который присутствовал на интервью с Гасомом Каму, поэтому эта история строилась отчасти по аналогии, а отчасти на противоречии образов Ханке и Миклухо-Маклая. «Ханке не жил с людьми Бонгу, он жил отдельно в миссии, которая была расположена там, где сейчас находится школа. Он ежедневно приходил в деревню, беседовал со стариками, дарил им рис и другую еду. Люди не считали его *аба*, но были благодарны за еду. Однажды старики посоветовались и решили подарить ему знание магии войны. Через несколько дней он уехал в Германию, а потом началась Первая мировая война. С тех пор Германия нападает на все страны, но люди Бонгу знают контрмагию, поэтому у немцев ничего не получается». В данной истории вновь европейцы выступают как реципиенты магических знаний, которыми обладают тамоле-бонгу.

* * *

Подведем итог. Во-первых, можно констатировать, что мифологизированные истории, в которых фигурирует Миклухо-Маклай, появляются почти сразу (1906) после отъезда ученого с Берега Маклая (1883), в то время, когда еще были живы люди, которые лично помнили тамо-русс. Иными словами, мифологические тексты не являются позднейшей трансформацией исторических преданий, а существуют параллельно с ними.

Во-вторых, эти мифологические тексты гораздо больше связаны с мировоззрением или общей культурно-идеологической, мифологической ситуацией того времени, в которое они формулируются. Можно выделить три образа Миклухо-Маклая. В текстах начала XX в. он выступает как классический культурный герой, устанавливающий «нынешний порядок жизни»: дарит топоры, предлагает переселиться на материк и т. д. В текстах 1950–1970-х годов Мик-

⁵⁴ Ай-теллум — идол, изображение божества ай.

лухо-Маклай предстает в качестве владельца карго и дарителя флага. Он рассуждает о независимости папуасов от колониальной администрации и дарит им пищу и другие европейские товары. Наконец, в текстах начала XXI в. уже сам становится получателем магических знаний бонгуанцев, а не только одаривает местных жителей. Этот новый образ обосновывает необходимость сотрудничества с европейцами, а не одностороннего получения вещей и продуктов папуасами. Такая «экономическая», или «социально-экономическая», основа нового мифа прекрасно осознается.

Отдельно следует отметить истории о существах Магруае и Макарае, которые появились у жителей внутренних районов Новой Гвинеи в начале XX в.

В завершение отметим, что приведенные предания наиболее подчинены законам мифологического мышления. Однако оставшиеся типы воспоминаний также включаются в мифологические повествования. Например, географическое предание о месте, где стояла хижина Миклухо-Маклая, и местонахождении деревни (более точно: вемуна. — *А.Т.*) Горендук в 1870-е годы также становится фактором, определяющим действия папуасов в настоящее время. Земли клана горенду считаются своеобразной «землей обетованной», на которой скоро разместится деревня клана отдельно от Бонгу.

На этом мы завершим краткий обзор воспоминаний о Н.Н. Миклухо-Маклае. Можно констатировать, что предания о русском ученом глубоко укоренились в культуре папуасов и составляют значимый пласт в их мифологии. Более того, этот пласт имеет тенденцию к расширению: появляются новые «русские слова», а также новые географические названия, связанные с Миклухо-Маклаем. Образ Миклухо-Маклая в мифах в значительной степени не совпадает с тем, который формируется после прочтения его дневниковых записей. Этот образ трансформируется вместе с изменением папуасского мировоззрения. Можно сказать (хотя это и не всегда верно), что Н.Н. Миклухо-Маклай олицетворяет европейскую цивилизацию.

ЛЕГЕНДЫ ПАПУАСОВ ДЕРЕВНИ БОНГУ ОКРУГА МАДАНГ ПАПУА – НОВОЙ ГВИНЕИ. ОТРЫВКИ ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА

Представленные в публикации легенды были собраны в ходе пятидневной поездки в деревню Бонгу, на Берег Маклая, в мае 2010 г. сотрудниками кафедры Московского государственного университета А.А. Винецкой и А.В. Титорским. Поездка включала два этапа. В ходе первого, с 13 по 17 мая, был обследован остров Танна (архипелаг Вануату), на котором были зафиксированы рассказы о Джоне Фруме и его современных пророках. В ходе второго этапа, с 23 по 27 мая, участники работали в деревне Бонгу, где были собраны предания о Н.Н. Миклухо-Маклае (рис. 21).

За время работы было зафиксировано три предания о Миклухо-Маклае, предание о пророке Яли и рассказ о миссионере Августе Ханке, которые и представлены в настоящей публикации. Авторы

Рис. 21. Общий вид вемуна Горендук. На протяжении XX в. он являлся частью дер. Бонгу. Фото А.А. Винецкой. 2010 г.

не считают эту работу полноценным исследованием преданий дер. Бонгу. Это только начало планомерных исследований. Вместе с тем зафиксированные тексты представляют собой определенный интерес для этнографов с двух точек зрения. Во-первых, как продолжение исследования воспоминаний о русском ученом, которое было начато еще в первые годы XX в. [Хаген 1903]. Наши материалы дополняют «Истории о Маклае», собранные Б.Н. Путиловым и Д.Д. Тумаркиным [Путилов 1981; Тумаркин 1997].

Во-вторых, они демонстрируют общую «логику мифа» на определенном этапе развития мифологических представлений. Все эти истории имеют ряд сходств независимо от того, является главным персонажем Миклухо-Маклай, А. Ханке или пророк Яли. Таким образом, корпус устных историй, зафиксированных в одно время в одном месте, имеет целый ряд общих свойств. Например, активная роль жителей Бонгу, которые «обучали» и Миклухо-Маклая, и Ханке. Или рационализация, своеобразная демифологизация, то есть отказ от сверхъестественных элементов в повествованиях о Маклае и Яли.

Заключительная часть предания о Яли почти дословно воспроизводит часть предания, рассказанного о Джоне Фруме Маливаном Кельма на острове Танна. Кельма является вождем деревни Серный залив (Sulphur bay) и принадлежит к фрумистам-ортодоксам. Он так описывает предание о прибытии карго: «Джон Брум говорил, что скоро наступят времена, когда наши братья будут водить грузовики, носить часы и европейскую одежду, управлять судами и самолетами. Богатства сами будут прибывать на остров. Так говорил Джон Брум. Сейчас мы водим машины, носим футболки и шорты, люди из Вилы работают летчиками и капитанами. Пророчество осуществляется. К нам на Танну приезжают белые туристы, они живут здесь и платят нам деньги. Это и есть карго. Вы — туристы, вы и есть карго, о котором рассказывал Джон. Раньше старейшины думали, что богатства будут прибывать в виде одежды или еды. Но теперь мы понимаем, что богатства прибывают с туристами, которые привозят деньги, дают людям работу» [ПМА 2010]. За исключением «признания туристов карго», этот текст схож с рассказом о Яли. В обеих историях есть мотив неправильной трактовки указаний пророка. В обеих историях есть описание жизни папуасов, как у европейцев, рассуждения об осуществлении предсказаний.

Изначальная программа предполагала поиски новой «исторической» информации о пребывании русского ученого на Новой Гвинее.

Именно поэтому среди предложенных историй большую часть занимают различные пересказы «истории о Маклае». В ходе работы стало очевидно, что предания о Маклае неисторичны. С одной стороны, в них очень много вкраплений из современной реальности. В качестве примеров можно привести эпизоды с дарением «упаковки соли» (24.05) или «фотографированием» (25.05), то есть тех вещей, которые были невозможны в конце XIX в., но обыденны сейчас.

С другой стороны, относительно точная привязка к датам в «полном предании о Маклае» заставила задуматься об аутентичности таких точных исторических сведений. Как показали дальнейшие расспросы, «полное предание» — форма, создаваемая преимущественно для туристов. Предание, приносящее деньги в наше монетизированное время. Для «дополнения» информации о Миклухо-Маклае рассказчик пользовался англоязычным изданием книги Б.Н. Путилова [Putilov 1982], а также рядом других книг, например «Историей лютеранской церкви Новой Гвинеи» [Renck б.г.].

Таким образом, зафиксированные тексты показывают, что предание о Н.Н. Миклухо-Маклае неисторично, а мифологично. При этом следует учитывать, что мифологические воззрения начала XXI в. отличаются от мифологических воззрений XIX и XX вв.

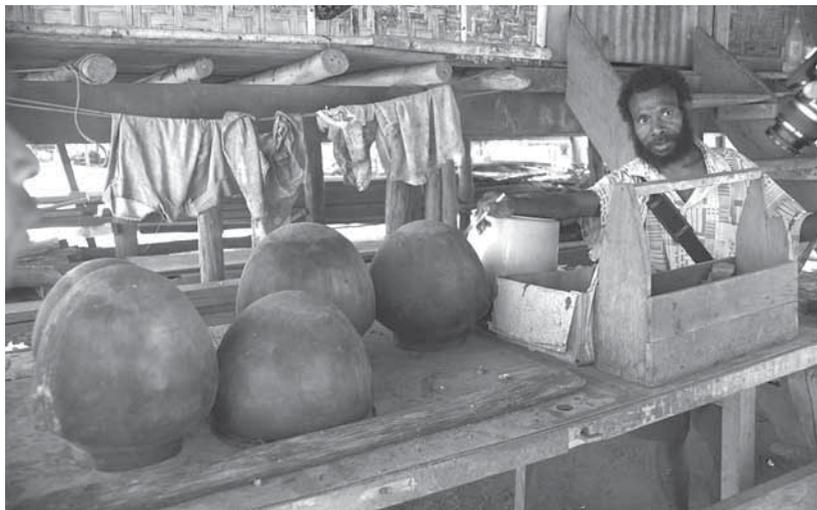

Рис. 22. Горефу, житель вемуна Горендук, показывает горшки, сделанные в дер. Били-Били. Эта глиняная посуда до настоящего времени используется тамо-бонгу. Фото А.А. Винецкой. 2010 г.

24 мая 2010 г.

Рассказ о прибытии советского корабля в Бонгу (Горефу, 1946 г.р.)

Люди, которые приезжали, ходили группами: кто-то пошел в лес наблюдать бабочек, кто-то сидел в деревне записывал что-то и задавал вопросы, кто-то ходил вокруг и собирал растения. Кто-то собирал изделия. Например, *лоб-лоб*, деревянные украшения, которые закрепляются вдоль руки от плеча до локтя, различные деревянные тарелки, бамбуковые флейты, перья для украшений, используемых во время *синг-синга*, плетеные сумки (рис. 22, 25).

Люди, которые собирали все это, жили на корабле. Все, что они насобирали, они забрали на корабль. Те, кто жил в деревне, ели *гарен фуд* (по всей видимости, гарен фуд — от слова «гаре» — «европейский» на языке бонгу и «фуд» — «еда» на английском. — *А.В., А.Т.*), *аян* (батат), *сень* (ямс), *мога* (бананы), *попо* (папайя), *джэп* (сахарный тростник). Они оставались здесь примерно месяц.

Для них сделали *синг-синг*. Когда они приехали, для них сделали *синг-синг*. Потом сделали большой праздник, который называется *морор*. Все люди с корабля пришли поучаствовать в празднике и угощении (рис. 23). Все положили рыбу и угощение на тарелки и ели. Они сделали *монги гамба* (чашки) и *каи* (ложки), а кто-то из куска дерева. Они использовали их для того, чтобы есть. Тогда люди Бонгу не использовали ложек для еды.

Рис. 23. Традиционный способ приготовления пищи. Запекание мяса в яме из-под костра. Фото А.А. Винецкой. 2010 г.

Потом они пригласили людей Бонгу на корабль. Они пили с ними чай и русский ром, *ацтан* (водку). Им очень понравилось. Русских поехало очень много. Когда русские вышли на берег и познакомились со многими людьми, стали друзьями. Всех друзей они пригласили на корабль.

Ирина, когда пришла из леса, попросила женщин научить ее плести сумки. Она сама приготовила традиционную еду и раздала ее своим коллегам и людям Бонгу, которые были вокруг. Ирина начала делать сумку, но не успела ее доделать. Так и уехала.

История о Маклае (Горефу, 1946 г.р.; рис. 24)

Когда Маклай впервые приехал, наше население ходило в традиционной одежде: мужчины — из тапы, женщины — из листьев. Первое, что дал Маклай Туу, была соль, небольшую упаковку. Туй принес соль своим знакомым и родственникам, и они ее попробовали. Они попробовали и сказали: «О, это вкус морской воды». Остальное я расскажу вам завтра.

25 мая 2010 г.

Краткое предание о Маклае (Горефу, 1946 г.р.)

Во время первого приезда его никто не заметил, поскольку он не бродил здесь по окрестностям. Он выходил только ночью, он фотографировал, зарисовывал, делал свои научные вещи, которых мы не знаем. Потом он уехал в Россию.

Во второй раз люди увидели лодку, и все побежали к ней, поскольку верили, что возвращаются духи (по всей видимости, мифологические персонажи Мануп и Килибоб, братья, один из которых уплыл и обещал вернуться. — *А.В., А.Т.*), которых мы назвали вчера. Маклай дал залп, и все испугались и разбежались.

Тогда он встретил Туу, это был его первый друг. Туй пришел (в деревню. — *А.В., А.Т.*) и сказал: «Это человек, как мы». У него была белая кожа, коричневые глаза, другие волосы. Они решили, что пришел один из злых духов. Они дали ему имя Буга-тамо. Дух, который уже умер. Он тоже был белым, а глаза — коричневые. Значит, и Маклай тоже был дух. С этого времени Маклай старался подружиться с Туем. Туй сказал, что там, у залива Гарагасси, живет такое существо. Когда он сказал жителям, что кто-то там живет, жители отправились туда с копьями и луками, чтобы убить его. Но Туй сказал: «Не убивайте его. Он хочет с нами подружиться!»

Он (Маклай. — *А.В., А.Т.*) дал попробовать людям Бонгу соль, табак и рис. Все попробовали, попытались проглотить это, но их стошнило. Табак показался им экскрементами свиней, и они выбросили его. Соль они попробовали, и их стошнило, и они тоже выбросили ее. После этого они стали с Маклаем друзьями.

Как только они познакомились, то стали называть друг друга *аба-даму* — настоящий брат. И все люди Бонгу называли Маклая *аба-даму*. Когда он стал их братом, они решили дать ему жену. Маклай не хотел жениться. Он спал на земле со снятыми ботинками. Это был знак, что он не хочет жениться. Тогда, поскольку он не захотел жениться на женщине, они захотели убить его. Но Туй сказал: «Не убивайте его!» И они его не убили. Туй взял Маклая, и они ходили вокруг деревни, чтобы показать, что они друзья. Они были в Горенду, Гумбу и Бонгу. Их жители поняли, что они друзья. Когда Туй ходил с Маклаем по деревням, люди стали знать Маклая. Они знали его, но не гуляли вместе с ним. Только Туй ходил вместе с ним.

Тогда Маклай пришел с коровой и человеком по имени Ноу, который был из этой деревни и следил за коровой. Они сидели там, где сейчас находится церковь, на камнях на берегу около этого места. Он сказал Ноу смотреть за коровой. Он (Ноу. — *А.В., А.Т.*) был пастух. Когда он во второй раз пришел в Бонгу, он отдал ее Ноу и сказал следить за ней. Он отдал ее всем людям Бонгу, но Ноу следил за ней. Маклай ушел на несколько месяцев. Ноу сказал, что Маклай отдал нам большую свинью. Они все хотели сделать свиньей праздник с этой большой свиньей. По нашим традициям мы кладем свинью, связываем ей передние и задние ноги, потом убиваем копьем. Это же попытались сделать с коровой, но она ударила людей ногой и потом убежала. Когда корова убежала, в нее метнули копье, но она не умерла, потому что очень большая. Они попытались ее поймать, но не смогли. Тогда они приготовили еду без мяса. Они ели ничего.

Маклай больше никогда не возвращался.

Интервьюер (далее — И): Он участвовал в обрядах деревни?

Горефу: Когда Маклай пришел сюда, он несколько раз возвращался. Один из старейшин хотел жениться. Его звали Буа. Люди Бонгу хотели заплатить выкуп за невесту. Маклай тоже захотел заплатить часть выкупа за невесту. Он хотел поучаствовать в традиционной церемонии, он был другом с Буа. И он сказал старейшинам, если у него (Буа. — *А.В., А.Т.*) когда-нибудь будет сын, то назовите

его моим именем. И теперь мы используем это имя, и сейчас в деревне есть «Маклай». Он (настоящий Маклай. — А.В., А.Т.) никогда не жил здесь просто так, он делал то же, что и люди этой деревни, он кооперировался с людьми Бонгу. Он заплатил украшениями часть выкупа, с тех пор его звали *аба-даму*, что значит настоящий брат, настоящий друг. Когда он был здесь и люди устраивали угощение, он всегда был с людьми.

И.: Его звали «каарам-тамо» или «гаре тамо»?

Горефу: Его звали *хам-тамо*, наш человек. Сначала Туй называл его *каарам-тамо*, человек с Луны. Теперь все знают, что он человек, и называют его *аба-даму*.

Рис. 24. Горефу, житель вемуна Горендук, рядом с аналоем, сделанным в виде фигуры священника. Подобные традиции изготовления человеческих фигур в культовых целях восходят к ай-теллумам, которые наблюдал в XIX в. еще Н.Н. Миклухо-Маклай.

Фото А.А. Винецкой. 2010 г.

Рис. 25. Бонгуанские дети за плетением игрушек из листьев кокосовой пальмы. Фото А.А. Винецкой. 2010 г.

26 мая 2010 г.

Предание о Яли

Рассказ о пророке Яли (Джон Синада, 1938 г.р.)

Яли считается одним из пророков здесь. Его деревня Сор находится здесь на побережье Рай (Rai-coast). Когда он родился, пуповину ему перекусил орел. Когда он стал молодым человеком, тогда еще он не был пророком, он был обыкновенным молодым человеком, до 1942 г., пока не началась Вторая мировая война. Он пошел в компанию служащим. Когда он работал одним из служащих, началась Вторая мировая война. Он присоединился к американским солдатам и сам стал одним из солдат. Он был одним из тех, кто вел войска в бой. Он дрался не здесь, а на западе острова Новая Британия, около Рабаула. Затем сражения пришли на большую землю. Они прокатились по западной части Папуа — Новой Гвинеи, в западном Сепике и т. д. После японцев они прошли по тому же пути. Он не знал, куда они идут, он просто шел по джунглям.

Именно тогда он получил силу пророка. Он начинал получать силу пророка. Он потерялся в лесу после битвы. У него не было воды

и пищи, он остался совсем один. Поскольку американцы не видели его мертвым, они объявили его пропавшим без вести. Потом он вернулся на побережье Рай. Он рассказал, что он видел в джунглях. Он не сделал ничего примечательного, но у него была духовная сила. Эта энергия была у Яли. Но люди стали почитать его самого.

Сначала он проповедовал только Слово Божье, рассказывал людям о Боге. До этого никаких пророчеств не было, Яли начал их. Первое пророчество было о Боге, но к нему шли люди, которых посылали третьи люди, чтобы почитать Яли. Они начали неправильно его понимать. Ему стали приводить молодых девушек и почитать его самого.

Он пошел проповедовать в Сепик, в те места, где он воевал. Все его очень сильно уважали. Когда он приходил в общину, все начинали почитать его, делать большие праздники в его честь. Если кто-то в него не верил, то терял сознание. Когда он приходил в общину, делали большие праздники, *синг-синги*. Когда люди говорили с ним, многие падали в обморок. Яли подходил к ним, клал руку на них, и они снова приходили в сознание.

Это происходило во всех деревнях, в которые он попадал. Все его сильно почитали. Все общины давали ему женщин. То, что называли культом, началось в то время.

Когда начались все эти вещи, правительство решило арестовать его. Люди пошли по своим деревням. Он держал речь перед судом, и суд освободил его. Он говорил, что надо хорошо себя вести, руководствоваться христианскими ценностями. Все, что есть плохого в традиционной культуре, надо отбросить, а хорошее — оставить: не красть, не уничтожать окружающую среду, не рубить ножом деревья, кусты. Он сказал, что это творения Божьи и не надо их уничтожать. Потом он вернулся в Сор (свою деревню. — *А.В., А.Т.*) и жил там, пока не умер.

Если вы будете верить в мои пророчества, вы будете жить долго, намного дольше, чем сейчас. Одно из пророчеств: в будущем ваш стиль жизни изменится. Вы будете носить штаны, ботинки, будете ходить в школу, будете использовать свои собственные деньги. То развитие, которое есть сейчас, он предсказал тогда. Он сказал: «Когда придут изменения в ваши края, то будут и достоинства и недостатки».

Он был очень высокий, такой как вы, европейцы. Он говорил на пиджине. Он проповедовал Слово Божье, но люди понимали его на свой лад и стали почитать самого Яли. Ему давали женщин.

Он говорил, что надо ходить в школы. Говорил: «У вас будет почта. Вы будете путешествовать на лодках и машинах. Большие корабли будут приходить в гавань». Его пророчества будут сбываться до конца света. И когда все это произойдет, будет конец света.

В 2000 г. многие христиане ждали конца света, но мы встретили новое тысячелетие. Многие люди ходили смотрели на его кости.

27 мая 2010 г.

Полное предание о Маклае (Гасом Каму, 1956 г.р.; рис. 26)

Корабль Маклая прошел между двумя мысами Гарим и Габин. Он прошел между двумя мысами и высадился в районе мыса Гаратасси. Это было не на том мысу, где сейчас стоит памятник. Деревня

Рис. 26. Старейшина вемуна Горендук Гасом Каму с женой.
Фото А.А. Винецкой. 2010 г.

Горендук находилась там, на берегу, а не где сейчас (примерно в 100–150 м от моря. — *А.В., А.Т.*).

Туй совершал магические обряды для того, чтобы привлечь рыбу к побережью и поймать ее. И в это время Туй увидел Маклая. Он увидел корабль и постарался все сделать, чтобы узнать, что это такое. Он посмотрел, вернулся в деревню и сказал, что увидел Бугá. Его назвали Джилеб-Бугá. Когда Туй вернулся в деревню и все рассказал людям, все пошли смотреть на Маклая. Сначала он их не видел, но они видели его. Он обернулся, увидел их и подозвал их жёстами подойти.

Когда Маклай всех позвал, все убежали, но Туй остался и постарался поговорить. Сначала он побежал, но потом вернулся и взял у Маклая рис, соль и табак. Маклай насыпал соль на руку, попробовал ее и позвал Туя сделать то же самое. Туй был весьма напуган, но подошел и попробовал ее. Когда он попробовал, он позвал всех людей попробовать соль. Не все пробовали соль. Только женщины и дети не попробовали соль. Они говорили, что еда духа может их умертвить, вот о чем они говорили.

После того как они попробовали соль, они попробовали рис. Когда они увидели рис, они сказали, что это не еда, а яйца муравьев. Они сказали: «Дух старается нас убить». Туй попробовал рис. Рис был хороший. Он позвал всех попробовать его. Многие попробовали, но женщины и дети не пробовали. Было поверье, что если все попробуют, то все умрут и оставят все наши ресурсы. (По всей вероятности, все — земельные, рыболовные, охотничьи — ресурсы клана. — *А.В., А.Т.*)

Последнее, что он им дал, был табак. Когда они увидели табак, то подумали, что это экскременты свиней. Маклай свернул сигарету и закурил, Туй закурил вторым. Тогда он сказал всем остальным, что это не экскременты свиней, а это такой же табак, как наш «казь».

Так они познакомились, но говорили только языком жестов.

Попробовав все это, они пригласили его в деревню. Они стали звать его *аба-даму* (в Горендук), *аба* (в Бонгу), *абайи* (в Гумбу). Туй сказал: «Ты — аба-даму» и привел его в деревню. Когда они общались, Маклай свистел, а жители понимали, что он хочет сказать. Маклай оставил других людей на лодке и пошел сам в Горендук. Поговорив с людьми Горендук, он уехал обратно на корабль. Маклай жил здесь месяц, и Туй позвал жителей Гумбу и Бонгу посмотреть на него.

Он жил здесь примерно два года и потом уехал в Россию.

Перед тем как входить в деревню, Маклай свистел, и все жители знали, что *аба-даму* идет.

Когда он стал жить дальше, люди Горендук решили дать ему жену. Но они не сказали Маклаю, что собираются женить его. Они украсили женщину традиционным способом и привели к Маклаю. Но он лег и снял ботинки. Люди Горендук захотели убить его, но он снял ботинки. Так он показал, что не хочет жениться. Затем он занулся. Тогда Туй сказал, что это его *аба-даму*, и не дал его убить. Тогда они поняли, что он не хочет жениться, и снова стали друзьями.

Он оставался здесь более года и везде ходил. Он ходил в деревни Маракум, Сонгум, Калику, Бурам, Били-Били и во все деревни вдоль залива Астролябии. Он посетил всех людей провинции Маданг. Он узнал людей, например Каина из Били-Били. Он рисовал картины и т.п.

Рядом с домом Маклая стояло дерево. В нем с помощью топора он сделал тайник, чтобы хранить там документы.

После того как он прожил здесь несколько лет, он решил уехать в Россию. Кто-то умер на корабле. Тот, кто пришел вместе с ним. Его завернули в матерью и его затопили где-то между островами Джомба и Трака. Это было в 1884 г.

После того как они утопили человека, он уехал в Россию и долго жил в Сиднее. Туй хотел дать ему что-то, чтобы он помнил о своем *аба-даму*. Он дал ему магическую плетеную сумку для того, чтобы заниматься рыболовством. *Аре-джамбир* — это магический *билум*. «Это память обо мне, Туйе, твоим *аба-даму*», — сказал Туй.

Когда Маклай был здесь, Туй пригласил его в *тамо-таль*. Поэтому, что бы они ни делали в мужском доме, они считают, что он всегда в мужском доме. Все, что нужно было сделать Маклаю, можно было сделать в *тамо-таль*.

Маклай был в мужском доме и стал *тамо-бонгу*. Он видел магические действия, которые происходят там, видел ритуалы, после которых мальчики становятся мужчинами. У них не было медикаментов, и они все делали сами (малопонятная фраза. — *А.В., А.Т.*). Этим магическим действиям тоже обучили Маклая, и он стал еще большим братом жителям Горендук.

В 1885 г. он снова вернулся в Горендук. Он увидел, что Джомба и Треке ушли под воду. Мысы разошлись, и он не узнал местности на карте. Ему пришлось переделывать карту. Во второй раз он привез корову на корабле. И он решил переделать все свои карты.

Он встретил Агú, человека из Габина. Агу ловил рыбу, используя сеть *ненир*. Агу был племянником Туя. В море Маклай курил. Агу увидел человека, у которого изо рта выходил дым. Он сорвал лист *мармаай-багхи* и помахал им Маклаю. Маклай не пристал к Гарагас-си и поехал сразу в Бонгу. Он высадился на месте, которое называется Бугарлом. Там он встретил человека из Бонгу по имени Йоу. Йоу дал ему небольшой участок земли для того, чтобы держать корову. Он оставался всего один месяц, а потом уехал.

Когда он уехал, он сказал Йоу, что отдает корову ему. «Ты должен смотреть за ней, потом ты можешь убить ее и сделать праздник». В один из праздников люди выбрали двух людей, чтобы поймать корову, но корова ударила этих людей задними ногами и убежала в лес раньше, чем они успели достать ножи. Она убежала в лес около деревни Сонгум. Потом ее убили и принесли обратно в деревню и сделали большой праздник.

Предание об Августе Ханке (Сет Багун, 1982 г.р.)

Ханке не жил с людьми Бонгу, он жил отдельно в миссии, которая была расположена там, где сейчас находится школа. Он ежедневно приходил в деревню, беседовал со стариками, дарил им рис и другую еду. Люди не считали его *аба*, но были благодарны за еду. Однажды старики посоветовались и решили подарить ему знание магии войны. Через несколько дней он уехал в Германию, а потом началась Первая мировая война. С тех пор Германия нападает на все страны, но люди Бонгу знают контрмагию, поэтому у немцев ничего не получается.

**СИСТЕМАТИЗИРОВАННЫЙ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК
МАКЛАЕВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ
БИБЛИОТЕКИ МАЭ РАН**

I. Статьи, письма Н.Н. Миклухо-Маклая

1. Beitrag zur vergleichenden Anatomie des Gehirnes: (Vorläufige Mittheilung) / von Miklucho-Maclay. — [Jena], [1868]. — S. 553–569: il. — Отд. отт. из: Jenaische Zeitschrift für Medicin und Naturwissenschaft. 1868. Bd. 4. Heft 3. u. 4.

Шифр Б-90; 18859 (91).

2. Eine zoologische Exkursion an das Rothe Meer, 1869 / Von N. v. Miklucho-Maclay. — [Gotha], [1870]. — S. 124–126. — Отд. отт. из: Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesammtgebiete der Geographie / Von Dr. A. Petermann. 1870. Bd. 16, Ht. 4.

На полях надпись карандашом: Из Petermann's Mittheilungen.

Шифр: В-396; 22295 (1115).

3. Eine correction zur Seite 459 von Theill XX / von N. von Maclay. — Batavia: Bruining & Wijt, 1874. — 2 S. — Отд. отт. из: Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde. 1874. D. 21. Bl. 120–121.

Поправки к статье А.Б. Майера, содержащей словарь диалекта папуасов Новой Гвинеи [Миклухо-Маклай III: 368].

Шифр: Б-96; 18862 (93).

4. Ueber Brachycephalität bei den Papuas von Neu-Guinea / von N. von Maclay. — [S.l.], [S.d.]. — 3 S. — Отд. отт. из: Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch-Indië. 1874. D. 34 Afl. 4. Bl. 345–347.

Шифр: Б-92; 18865 (92).

5. Письма Н.Н. Миклухи-Маклая к секретарю Общества: (Проект первой зоологической станции в Азии) / Н.Н. Миклухо-Маклай. — [СПб.], [Б.г.]. — 6 с. — Отд. отт. из: Известия РГО. 1875. Т. XI. Вып. 4, отд. 3. С. 285–290.

Шифр: В-131; 18863 (2656).

6. An Ethnological Excursion in Johore (15th Dec., 1874 — 2nd Feb., 1875) / by Mikluho-Maclay; translated from the German. [S.l.], [S.d.]. — 5 p. — Отд. отт. из: Journal of Eastern Asia. 1875. № 1. P. 10–14.

На с. 1 сверху надпись чернилами: Reprinted from the Journal of Eastern Asia July 1875.

Шифр: Б-93; 18867 (1083).

7. Ethnologische Excursion in Johore (December 1874 — Februar 1879): (Vorläufige Mittheilung) / Von N. von Miklucho-Maklay. — Batavia: Ernst & Co., 1875. — 9 S. — Отд. отт. из: *Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch-Indië*. 1875. D. 35. Blz. 250–258.

Шифр: Б-88; 18856 (1081).

8. On brachycephality among the Papuans of New-Guinea: (Translated from the German under the Autor's Supervision / by N. Miklucho-Maclay. — [S.l.], [1875]. — P. 101–103. — Отд. отт. из: *Journal of Eastern Asia*. 1875. Vol. 1. № 1. С. 101–110.

Шифр: В-395; 22294 (1114).

9. Ein Opiumrauchversuch: (Physiologische Notiz) / von N. von Miklucho-Maclay. — Batavia: Ernst & Co., 1875. — 7 S. — Отд. отт. из: *Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch-Indië*. 1875. D. 35. Afl. 3. Bl. 261. S. 243–249.

Шифр: Б-91; 18861 (1092).

10. Über die grosszahnigen Melanesier / v. Miklucho-Maclay. — [Berlin]: [Druck von Gebr. Unger (Th. Grimm)], [S.d.]. — S. 34–38: 1 Taf. — Отд. отт. из: *Verhandlungen der Berliner Gessellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. 1876. Bd. 8. S. 290–291.

На 1-й с. владельческая запись: Maclay.

Шифр: В-129; 18857 (1044).

11. Einiges über die Dialecte der Melanesischen Völkerschaften in der Malayschen Halbinsel / von N. von Miklucho-Maclay. — Batavia: W. Bruining, 1876. — 10 S. — Отд. отт. из: *Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1876. D. 23. Afl. 3. Bl. 309–312.

Пометы карандашом, сноски в переводе на русский язык, перевод списка диалектных слов, сделанные при подготовке двухтомника. Прикреплен перевод на русский язык последнего абзаца на с. 4 (рукопись чернилами, почерк А.Б. Пиотровского).

На русском языке статья впервые полностью опубликована в 1941 г. [Миклухо-Маклай 1941: 223].

Шифр: Б-89; 18858 (90) (рис. 27).

12. Острова Адмиралтейства: Очерки из путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию / Н. Миклухо-Маклай. — [СПб.]: Типография В. Безобразова и Комп., [Б.г.]. — 47 с. — Отд. отт. из: *Известия РГО*. 1878. Т. 14. Вып. 5. С. 409–455.

Правка карандашом, сделанная при подготовке двухтомника. На с. 1 подчеркнута дата (1877), на полях знак вопроса. Ошибку заметили,

6

Dialecte der Oran-Ulang von Johor.

холодно	Kalt	tkat	----
тёпло	Heis	khob	gohom.
смерть	Todt	kobs	----
есть	Essen	intia, ntia	ndia.
пить	Trinken	diao	----
спать	Schlafen	ietek	----
ходить	Gehen	swag	----
бежать	Laufen	palo	----
резать, резать	Hauen, schneiden	nako	----
сумитан	Sumpitan	blahan	----
стрелы и	Pfeil	dama	----
один	1.	Moi	moi.
два	2.	npotn	dua.
три	3.	npe	npe.
четыре	4.	prui	npun.
пять	5.	---	massokn.
шесть	6.	---	pru.
семь	7.	---	tempo.

Nach den Aussagen der Malaien haben die Oran-Ulang

по сведениям малайцев, ^(малайцев) брах-улан
 Тахана, куда я теперь собираюсь отпра-
 виться, еще сохранил ^(свои) родные языки,
 которые абсолютно неизвестны
 малайцам. Так как там с бедными
 лесными индийцами очень много брахманов,
 и поэтому они живут еще более цивилизованно,
 чем здесь (в Уохоре), и в надежде
 добить больше и более красивые лангунг
 как живут исчезающее племя...

Устана - Уохор.

28 мая 1875 г.

Рис. 27. Страница с рукописными вставками А.Б. Пиотровского
(Einiges über die Dialecte... Б-89)

но не исправили, так и был сделан набор. В двухтомнике (т. 2, с. 7) исправлено чернилами на 1876.

Шифр: В-125; 18851 (1818).

13. Ethnological excursions in the Malay Peninsula — November 1874 to October 1875 (preliminary communication) / By N. Von Miklucho-Maclay // Journal of the straits branch of the Royal Asiatic Society. — Singapore, 1878. — № 2. — P. 205–221.

Переpleтeнный номер журнала (239 с.). На обложке журнала владельческая запись: Maclay; на титульном листе: M. Maclay. Переpleт советского времени. В футляре из бескислотного картона (1990-е годы) (рис. 28).

Шифр: К-216; 18870 (130).

14. Острова Агомес (Гермит): Очерки из путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию / Н. Миклухо-Маклай. — [СПб.], [Б.г.]. — 19 с. — Отд. отт. из: Известия РГО. 1879. Т. 15. Вып. 1. С. 25–43 (раздел «Географические известия»).

Правка карандашом, сделанная при подготовке издания 1940–1941 гг.

Шифр: Б-86; 18850 (1816).

15. Über die Mika-Operation in Central-Australien / N. von Miklucho-Maclay. — [Berlin], [1880]. — S. 84–87. — Отд. отт. из: Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft. 1880. Bd. XII. S. 83–96. — В отт. также: Stellung des Paares beim Coitus und das Ausschleudern des Sperma's vom Weibe nach demselben. S. 87–88: II.; Geschlechtlicher Umgang mit Mädchen vor der Geschlechtsreife derselben. S. 88–89; Langbeinigkeit der Australischen Frauen. S. 89–90: II.; Einige Worte über die sogenannte "gelbe Rasse" im Süd-Osten Neu-Guinea's. S. 90.

На полях на с. 84 карандашом дата «1879».

Шифр: В-399; 22299 (1116).

16. Bericht über Operationen australischer Eingeborner / von N. von Miklucho-Maclay. — [Berlin], [1881]. — S. 26–29: II. — Отд. отт. из: Verhandlungen der Berliner Gessellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1882. Bd. 14. — Содерж.: Ueber Ovariectomie bei den Australiern. S. 26–27; Weiters über die Mika-Operation. S. 27–29: II. — Отт. вклеен в обложку: Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Sonder-Abdruck. Berlin: Verl. von Paul Parey, 1881.

Шифр: В-133; 18866 (996).

17. Cranial deformation of new-born children at the Island Mabiak, and other islands of Torres Straits, and of women of the S.E. Peninsula of New Guinea / By N. de Miklouho-Maclay. — [S.l.], [S.d.] — P. 5–7. — Отд. отт.

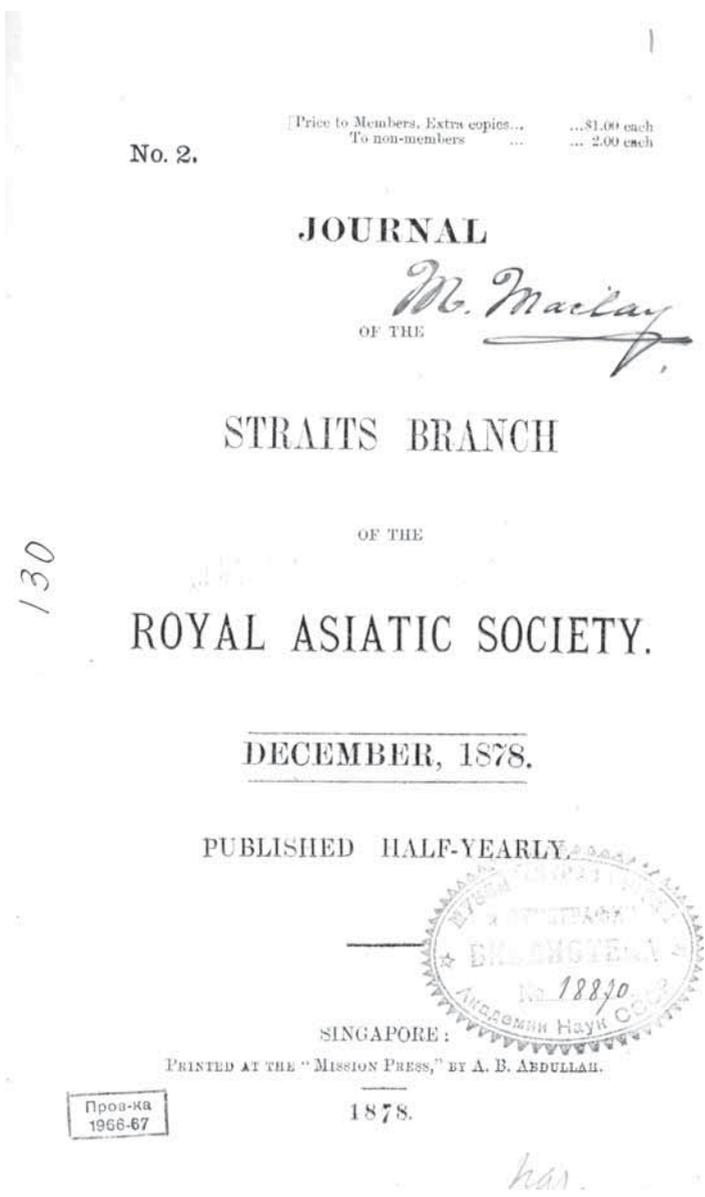

Рис. 28. Титульный лист с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая (Journal of the straits branch of the Royal Asiatic Society, K-216)

из: Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1881. Vol. 6. Pt. 4. P. 627–629. — В отг. также: On the practice of Ovariotomy by the Natives of the Herbert River, Queensland. P. 1–3; Remarks about the Circumvolutions of the Cerebrum of Canis dingo. P. 3–4. Переплетено не по порядку страниц, табл. отсутствуют. По содержанию — дублет Б-363 (см. № 24).

Шифр: Б-364; 22292 (166).

18. Eine kurze Zusammenstellung der Ergebnisse anthropologischer Studien während einer Reise in Melanesien (März 1879 bis April 1880). — [Berlin], [1881]. — [2] S. — Отд. отг. из: Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1881. S. 205–235.

Шифр: В-394; 22293 (1110).

19. On the practice of Ovariotomy by the Natives of the Herbert River, Queensland / By N. de Miklouho-Maclay. — [S.l.], [S.d.]. — P. 1–3. — Отд. отг. из: Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1881. Vol. 6. Pt. 4. P. 622–624: pl. — В отг. также: Remarks about the Circumvolutions of the Cerebrum of Canis dingo. P. 3–5; Cranial deformation of new-born children at the Island Mariak, and other islands of Torres Straits, and of women of the S.E. Peninsula of New Guinea. P. 5–7.

Неразрез. страницы, табл. отсутствуют. По содержанию — дублет Б-364 (см. № 17).

Шифр: Б-363; 22292 (165).

20. Über haarlose Australier / N. von Miklucho-Maclay. — [Berlin], [1881]. — S. 143–149: 1 Taf. — Отд. отг. из: Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gessellschaft. 1881. Bd. 13.

Табл. на вклеенном листе: великолепная литография с рисунка Н.Н. Миклухо-Маклая.

Шифр: В-132; 18864 (2681).

21. Сообщение о путешествиях Н.Н. Миклухо-Маклая / Н.Н. Миклухо-Маклай. — [СПб.], [Б.г.]. — 52 с. — Отд. отг. из: Известия РГО. 1882. Т. XVIII, отд. II. С. 296–347.

На с. 1 сверху надпись карандашом «1882», ниже — «4 лекции, что [прочитаны в Геогр. общ.] в Спбурге».

На с. 7 исправлено слово «жителями» на «животными»; подробно об этом см. статью А.Я. Массова [Массов 2013]. Редакторская правка карандашом, сделанная при подготовке издания 1940–1941 гг.

Шифр: Б-87; 18851 (1817).

22. A short resumé of the results of Anthropological and Anatomical reseaches in Melanesia and Australia (March, 1879 — January, 1881) / by N. De Miklouho-Maclay. — [Sydney], [S.d.]. — 5 p. — Отд. отг. из:

Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1882. Vol. 6, Pt. 2. P. 171–175.

Шифр: Б-359; 22287 (161).

23. Remarks on a Skull of an Australian Aboriginal from the Lachlan District / by Baron N. de Mikloucho-Maclay. — [Sydney], [1883]. — P. 395–396. — Отд. отт. из: Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1883. Vol. 8. Pt. 3. С. 395–410. — В отт. также: On a very Dolichocephalic Skull of an Australian Aborigina. P. 401–403.

Табл. отсутствуют; вложен 2-й экз. с. 401–404.

Шифр: Б-361; 22289 (163).

24. The “Barometro Araucano” from the Chiloe Islands / by N. de Miklouho-Maclay. — [Sydney], [1884]. — P. 462–463. — Отд. отт. из: Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1884. Vol. 8, Pt. 4. P. 450–465.

Неразрезанные страницы, сложены не по порядку; начало статьи отмечено карандашом на полях.

Шифр: Б-360; 22288 (162).

25. On a complete debouchement of the Sulcus Rolando into the Fissura Sylvii in some brains of Australian Aborigines / by N. de Miklouho-Maclay. — [Sydney], [S.d.]. — 3 p.: pl. — Отд. отт. из: Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1885. Vol. 9, Pt. 3. P. 578–580.

Шифр: Б-95; 18869 (995).

26. List of plants in use by the natives of the Maclay-Coast, New Guinea / By N. de Miklouho-Maclay; with some botanical remarks by baron Ferd. von Mueller. — [Sydney], [1886]. — 13 p. — Appendix: Edible fruits from the Maclay-Coast / by Baron Ferd. von Mueller: p. 10–13. — Отд. отт. из: Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1886. Vol. 10, Pt. 3. P. 346–354.

Шифр: Б-94, 18868 (1084).

27. Note of the “keu” of the Maclay-Coast, New Guinea / by N. de Mikloucho-Maclay. — [Sydney], [1886]. — P. 687–689. — Отд. отт. из: The Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1886. Vol. 10. Pt. 4.

Шифр Б-358; 22286 (160).

28. A Second Note on “Macrodontism” of the Melanesians / by N. de Miklouho-Maclay. — [Sydney], [S.d.]. — 5 p.: pl. — Отд. отт. из: Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1886. Vol. 10, Pt. 4. P. 682–686.

Шифр: Б-362; 22290 (164).

29. Островок Андра: (Из дневника 1879 г.) / Н. Миклухо-Маклай. [СПб.], [Б.г.]. — Отд. отт. из: Северный вестник. 1887. № 12. С. 153–175; 1988. № 1. С. 199–230.

Правка карандашом, сделанная при подготовке издания 1940–1941 гг.

Шифр: В-126; 18852, В-127; 18853 (3718).

30. На несколько дней в Австралию. I / Н. Миклухо-Маклай // Новое время. — 1887. — № 4175.

Газетная вырезка. Красным карандашом надписаны выходные данные.

Шифр: В-398; 22296 (2840).

На несколько дней в Австралию (Из путевых заметок 1887 г.). II / Н. Миклухо-Маклай // Новое время. — 1888. — № 4833.

Газетная вырезка. Синим карандашом надписаны выходные данные и номер.

Шифр: В-398; 22296 (2840).

При вторичном внесении в инвентари в 1953 г. обе вырезки записаны под одним инвентарным номером.

II. Статьи, книги других авторов

II.1. Библиография

31. **Конер В.** Литература антропологии, этнологии и науки о древностях за 1876 г. / В. Конер. — СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1878. — 54 с. — Первоначально на нем. яз.: *Uebersicht der Literatur für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte im Jahre 1876 / Zusammengestellt von W. Koner // Zeitschrift für Ethnologie. 1877. Bd. 9. S. 203–241.*

Разрезаны только страницы раздела «Австралия и острова Тихого Океана» (с. 52–54).

Шифр: В-388; 22259 (2212).

II.2. История. Путешествия

32. **Schrenk L.** *Lettres de M. Léopold Schrenk à M. Secrétaire perpétuel, 1854–1856 / L. Schrenk [S.l.], [S.d.]. — 74 с. разд. паг. — Отд. оттиски из: Bulletin de l'Académie impériale des sciences. Mélanges physiques et chimiques; Mélanges russes. SPb., 1854–1857.*

Подборка писем Л. Шренка. На немой обложке наверху тушью, с виньеткой: *L. von Schrenk. Briefe an die Kaiserlich-Russische Academie der Wissenschaften zu St.Petersburg während seiner Reise nach dem Amur-Lande geschrieben. Zu den Jahren 1854–1856. (Aus den Melanges physiques et chimiques Tome II.).* Внизу владельческая запись: *Maclay 1870.*

На 1 с. дарственная надпись: *Hrn. Dr. Miklucho-Maclai zur freundlichen Erinnerung vom Autor. StPet[ersburg] October 1870.*

На последней стороне обложки виньетка карандашом, тушью, синим и белым карандашами; ясно читается монограмма «НМ».

Шифр: В-391; 22262 (5090) (рис. 29, 30, 31).

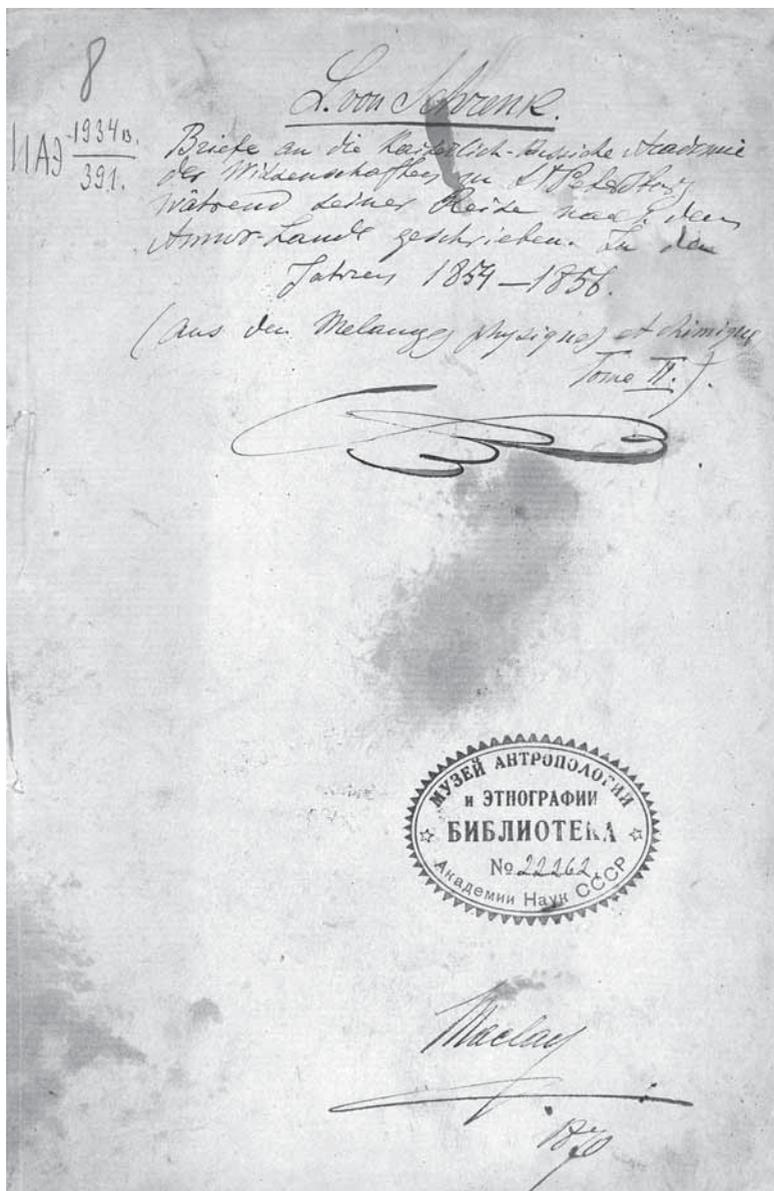

Рис. 29. Обложка с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая
 (Schrenk L. Lettres... В-391)

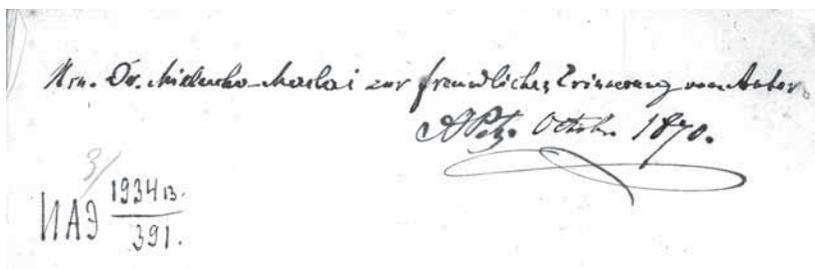

Рис. 30. Дарственная надпись Л. Шренка (Schrenk L. Lettres... В-391)

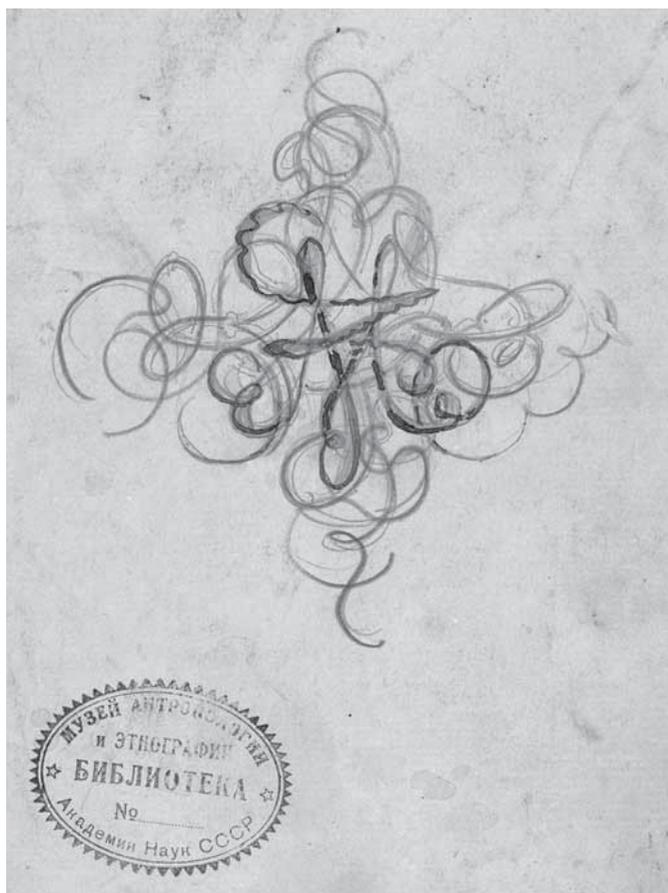

Рис. 31. Виньетка (Schrenk L. Lettres... В-391)

33. **Fritsch G.** Der Unabhängigkeitskampf der südafrikanischen Boeren / Prof. Dr. G. Fritsch. Berlin, 1881. — 14 S. — Отд. отт. из: Verhandlungen der Gessellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1881. № 2 u. 3.

Шифр: Б-356; 22257 (159).

II.3. Антропология. Этнография

34. **Huxley T.H.** On two widely contrasted forms of the human cranium / by Thomas H. Huxley. — [S.l.], [S.d.]. P. 60–76: il. — Отд. отт. из: Journal of Anatomy and Physiology. 1867. № 1.

На немой обложке надпись карандашом: From the Author. London, 1870. Там же тушью, стилизованным почерком, с росчерками — автор, название статьи.

Шифр: В-390; 22261 (1107) (рис. 32).

35. **Notes and queries** on anthropology, for the use of travellers and residents in uncivilized lands / [Drawn up by a Committee by the British Association for the Advancement of Science]. — L.: Edward Stanford, 1874. — 146 p.: il. (см. рис. 7–11).

В тексте и на полях пометки карандашом.

На 1-м форзаце надпись: С. Mayo March 1875 to N. M.-Maclay. Istana Johore, 2 May 1875. Владельческая запись на 2-м форзаце: M. Maclay.

На обороте титула набросок карандашом: хижины. На последней странице едва заметный набросок карандашом: вид берега с моря, надпись “Kalo”. На 3-м форзаце рисунок синим карандашом: два образца татуировки, надпись “Kageruna”. На 4-м форзаце рисунок карандашом: хижины, надпись вверху справа “Balina”, надпись внизу справа синим карандашом “Kalo”.

О пребывании Н.Н. Миклухо-Маклая в деревнях Карепуна и Кало и эпизоде, связанном с изучением татуировки, см.: [Миклухо-Маклай II: 316–320].

Шифр: И-100; 22250 (81).

36. **Ecker A.** Ueber abnorme Behaarung des Menschen, insbesondere über die sogenannten Haarmenschen: Gratulationsschrift, herrn Carl Theodor von Siebold zur Feier seines 50 jährigen Doctorjubiläums am 22. April 1878 dargebracht von Alexander Ecker, Professor in der Anatomie auf der Universität Freiburg / Alexander Ecker. — Braunschweig: Druck und Verlag Friedrich Vieweg und Sohn, 1878. — 21 S.: il. — Mit in den Text eingedruckten Abbildungen.

Шифр: Г-29; 22265 (2924).

37. **Bischoff T.-L.W.** Vergleichend anatomische Untersuchungen über die äusseren weiblichen Geschlechts- und Begattungs-Organе des Menschen

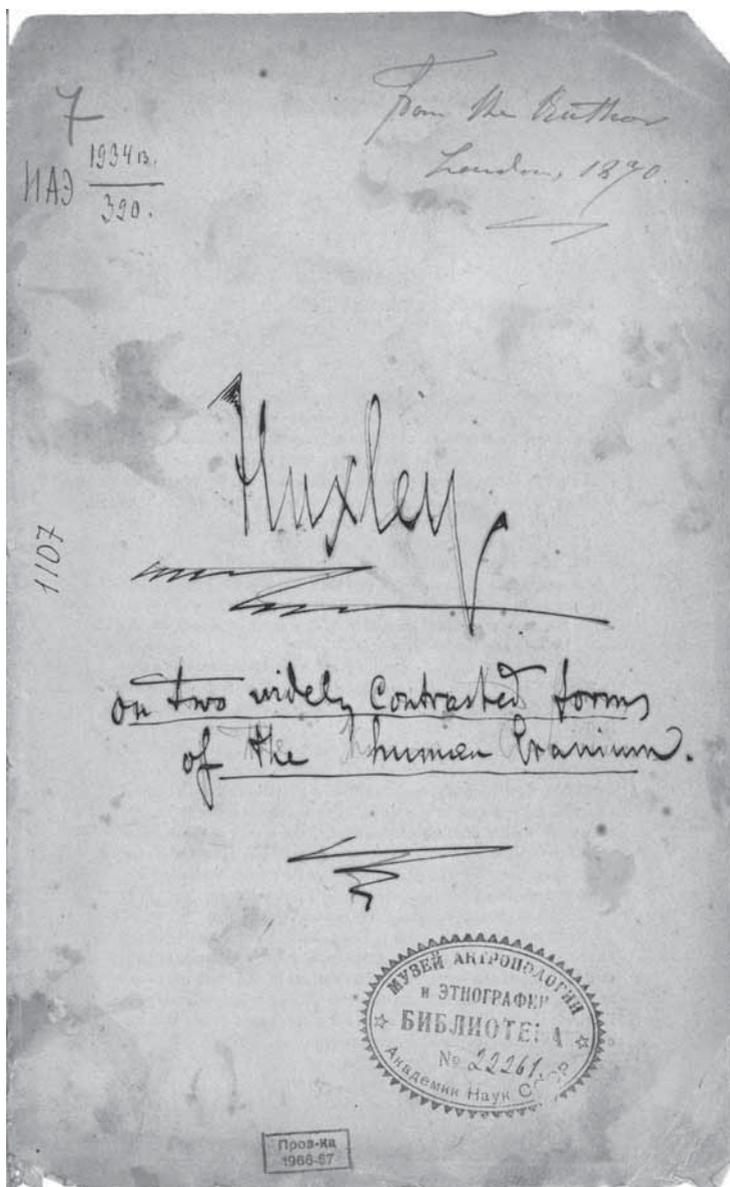

Рис. 32. Обложка с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая (Huxley T.H. On two widely... В-390)

und der Affen, insbesondere der Anthropoiden / von Dr. Th.L.W. v. Bischoff. — [München], [1879]. — S. 209—273: Mit 6 litograph. Taf. — Отд. отт. из: Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XIII.

На обложке чернилами и на титульном листе синим карандашом владельческая запись: Maclay.

Шифр: Г-30; 22266 (2925).

38. **Roepstorff Fr.Ad.** Notiz über auffällig grosse Zähne der Nicobaresen / Fr. Ad. de Roepstorff. — Berlin: Verl. von Paul Parey, 1881. — S. 218—219. — Отд. отт. из: Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1881. S. 205—235.

На обложке владельческая запись «Maclay» и заголовок в квадратных скобках, с подчеркиванием: [Macrodontismus]. На с. 218 на полях отметка синим карандашом: NB, заглавие подчеркнуто.

Журнал был получен Н.Н. Миклухо-Маклаем в Сиднее в январе 1881 г. [Миклухо-Маклай III: 289—290].

Шифр: В-130; 18860 (2680) (рис. 33).

II.4. Исследование Австралии и Океании

39. **A Brief account** of the natives of Western Australia, their characters, manners, and customs: Prepared under instructions from His Excellency Major-General Sir H.St. George Ord, K.C.M.G., C.B., Governor of the Colony, to illustrate the collection of weapons, implements, etc., sent to the Exhibition at Sydney, N.S.W., A.D. 1879. — Perth: by authority: Richard Pether, Government Printer, 1879. — 15 p.: foto, map. — Загл. обл.: A Brief Account of The Natives of Western Australia.

Переplet — синий коленкор, заглавие вытеснено золотом. Приплетены два плотных листа с наклеенными фотографиями группы западноавстралийских аборигенов. На титульном листе надпись карандашом: From N.W. Foelsche P. Darwins Mai 1884 и владельческая запись «Maclay».

Шифр: Б-354; 22255 (157) (рис. 34).

40. **Chalmers J.** Explorations in South-Eastern New Guinea / By Rev. J. Chalmers (Read at the Evening Meeting, January 17th, 1887). [L.], [1887]. P. 71—82. — Отд. отт. из: Proceedings of the Royal Geographical Society of London. 1887. Vol. 9. P. 71—86; map, p. 140. Нет с. 83—86.

Шифр: В-387; 22258 (1105).

* * *

41. **Wickham W.** [Рецензия]. [L.], 1875. P. 595—596. Рец. на кн.: Forrest John. Explorations in Australia. I. Explorations in Search of Dr. Leichardt and Party; II. From Perth to Adelaide, around the Great Australian

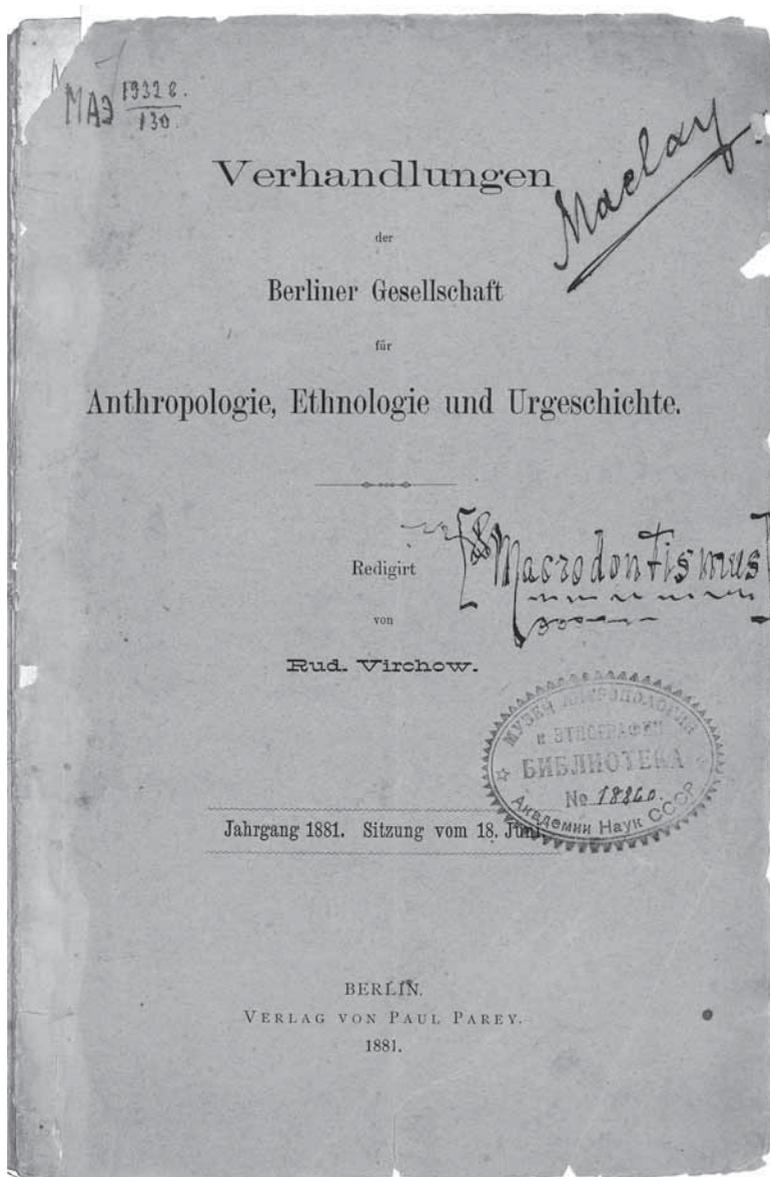

Рис. 33. Обложка с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая
(Roeppstorff Fr. Ad. Notiz... B-130)

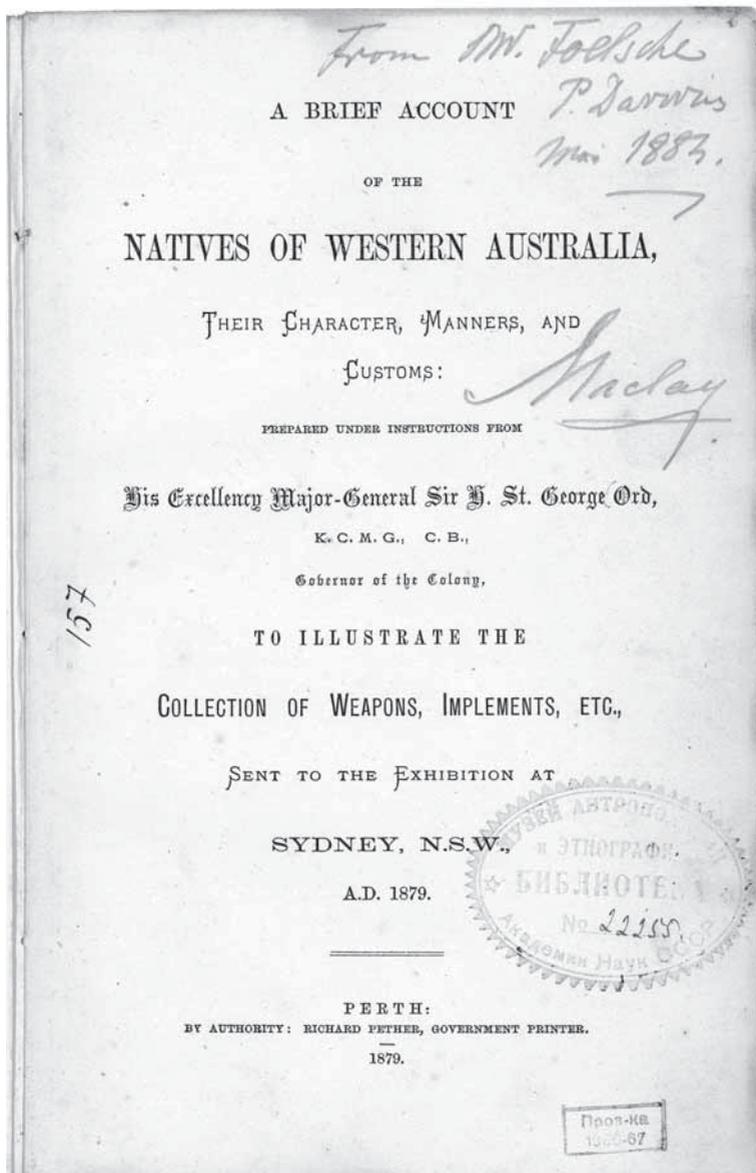

Рис. 34. Обложка с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая
(A Brief account... Б-354)

Bight; III. From Champion Bay, across the Desert to the Telegraph and Adelaide. L.: Sampson Low, Marston, Low & Searle, 1875. — Отд. отт. из: The Academy. 1875. Dec. 11. С. 593–608.

Рецензия на монографию Д. Форреста, возглавившего экспедиции по Австралии в 1869–1974 гг. Название рецензии подчеркнуто карандашом.

Шифр: Г-31; 22267 (2927).

II.5. Общественно-политическая деятельность

42. **Aboriginal Natives' Evidence.** — New South Wales, 1849. — 4 р.

Официальная переписка по вопросу о том, должны ли учитывать-ся в суде свидетельские показания аборигенов (выдержки из документов, 1839–1844).

На обложке синим карандашом владельческая запись «MacLay».

Шифр: Г-32; 22268 (2928).

43. **Lockhart Ch.** Aborigines (Report from commissioner of crown Lands, Darling District, respecting): Ordered by the Legislative Assembly to be Printed, 9 March, 1869 / Charles G.N. Lockhart; Legislative Assembly. — New South Wales, 1869. — 1 р.

Сообщение чиновника об изменениях, произошедших, по его наблюдениям, среди аборигенов Австралии за 17 лет.

Шифр: Г-35; 22271 (2931).

44. **Hamilton E.L.** Report of Sub-Protector of Aborigines, for year ending December 31st, 1875 / E.L. Hamilton. — [Adelaida], [1876]. — 10 р.

Доклад о положении аборигенного населения (состав, занятия, смертность и рождаемость, преступность, деятельность миссионеров, школы для детей и взрослых).

Шифр: В-392; 22263 (1108).

45. **Return** showing social condition and ages of Chinese and Polynesians in Colony of Queensland, according to the Census Enumeration of 1881. — [S.l.], [1881]. — 11.

Типографская таблица, заполненная вручную черными и красными чернилами. Приложено письмо на служебном бланке (рукопись чернилами), адресованное барону Маклаю: General Registry Office. Brisbane, 24 September 1881. Memorandum from the Registrar General Brisbane to Baron Macleay Esq. Queensland Club. Подпись неразборчива.

Шифр: Г-39; 22275 (2932).

46. **Des Vœux G.W.** Memorandum on the future on New Guinea and Polynesia, with reference to the question of Australasian annexation or protectorate / G. William Des Vœux, Governor of Fiji, and H.B.M.'s Acting

High Commissioner for the Western Pacific. — [Suva, Fiji], [1883]. 14 p. — Без тит. л.

Пометки, подчеркивания, вопросительные знаки карандашом в тексте и на полях.

Шифр: Г-33; 22269 (2929).

47. **Imperial and Colonial** Acts relating to the Pacific Island Labour Trade; and Regulations and Instructions for the guidance of Government Agents, appointed under “The Pacific Island Labourers Act of 1880”. — Brisbane: Ermund Gregory, Acting Government Printer, 1884. — 53 p.

На обложке владельческая запись «Maclay».

Шифр: Б-352; 22253 (155).

48. **Report** of a commission appointed to inquire into the working of the Western Pacific orders in Council, and the nature of the measures requisite to secure the attainment of the objects for which those orders in council were issued: presented to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty, February 1884 / [Arthur Gordon, A.H. Hoskins, J.C. Wilson]. — L.: printed by Eyre and Spottiswoode, 1884. — 35 p. — Appendix: p. 29–35.

На с. 15 подчеркнуто синим карандашом упоминание о Н.Н. Миклухо-Маклае и его влиянии на обитателей северо-восточной Новой Гвинеи; в сноске на той же с. приведен рассказ Х.Х. Ромилли о посещении им Берега Маклая. Этот отчет был прислан Н.Н. Миклухо-Маклаю по его просьбе [Миклухо-Маклай V: 356, 715–716].

Шифр: Г-34; 22270 (2930).

II.6. Этноботаника

49. **Bankroft J.** Pituri and Duboisia: Paper read before the Queensland Philosophical Society / by Joseph Bankroft. — Brisbane: by authority: James C. Beal, Government Printer, 1877. — 14 p.: 3 pl.

На титульном листе вдоль корешка владельческая запись «Миклухо-Маклай».

Шифр: Б-350; 22251 (153) (рис. 35).

50. **Bankroft J.** Pituri and Tobacco: Read before the Queensland Philosophical Society, September 4th, 1879 / by Joseph Bankroft. — [Brisbane], [1879]. — 14 p.: 2 pl.

На шмуцтитуле надпись карандашом: With JBancroft compliments. На обложке и на с. 3 владельческая запись «Maclay».

Шифр: Б-351; 22252 (154) (рис. 36).

51. **Boulbee F.R.** Table Giving Names, Relative Values, Characteristics and Uses of the Principal Johore Timbers: From the Johore steam saw mills, Johore near Singapoure (straits settelments). Malayan Peninsula / F.R. Boulbee, Superintendent. — [S.l.], [S.d.]. — 1 l.

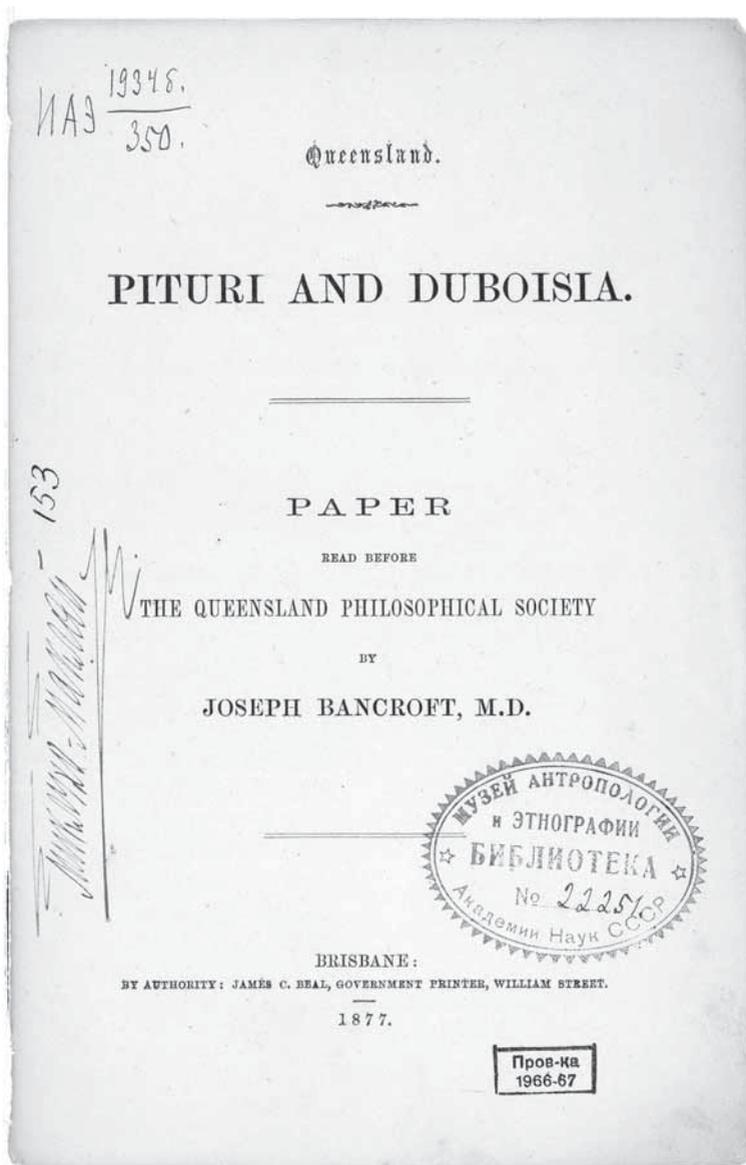

Рис. 35. Обложка с автографом Н.Н. Миклухо-Макляя (Bankroft J. Pituri and Duboisia. Б-350)

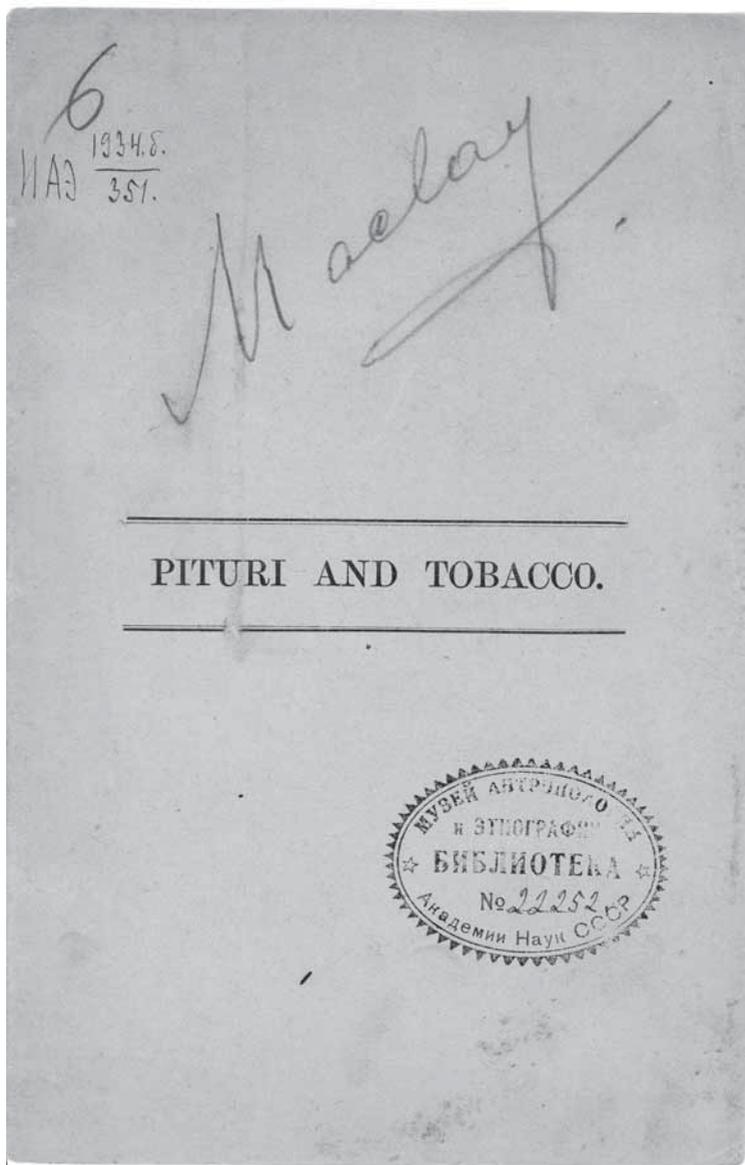

Рис. 36. Обложка с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая (Bankroft J. Pituri and Tobacco. Б-351)

Таблица на разворот листа с описанием свойств ценных древесных пород.

Сверху справа карандашом рукой А.Б. Пиотровского перевод заглавия: Таблица: Цена и употребление главных сортов джохорского леса (п/о-в Малакка).

Шифр: В-393; 22264 (1109).

II.7. Карты, атласы

52. **Atlas van kaarten** over Nieuw Guinea: behoorende tot het natuurhistorisch en ethnographisch verslag daarover. — Amsterdam: Frederik Muller, 1862. — 7 l. — (Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde van Nederlandsch Indië. Nieuwe serie. Deel 5.)

Карты на семи листах: путешествие голландского парохода «Этна» вокруг Новой Гвинеи. Карандашом нанесен маршрут Н.Н. Миклухо-Маклая в 1874 г.; надписи и даты, относящиеся к путешествию. Приложена одна фотография берега с неясной надписью карандашом на обороте (на нем. яз.).

В картонной папке. На 1-й крышке сверху поврежденная надпись: [... | 1870; ниже — владельческая запись «Maclay 1874». На задней крышке карандашом виньетка с надписью «Rapua Koiwiai Mars et Avril 1874».

Шифр: Р-917; 22279 (рис. 37, 38, 39).

53. [**Карта** Берега Маклая — Maclay Coast] (фотография).

Фотокопия карты из книги: Thomassen E.S. A Biographical Sketch of Nicholas de Miklouho-Maclay (см. № 55).

Шифр: Г-328 (Карт. I-39); 22277 (106).

54. **Map** of Australia and New Guinea, showings British & German annexations. — Melbourne: G. Hammond, [1885].

На обложке владельческая запись «Maclay».

После реставрации (БАН, 1980-е годы).

Шифр: Г-327 (Карт. I-38); 22276 (91) (рис. 40).

II.8. Personalia

55. **Thomassen E.S.** A Biographical Sketch of Nicholas de Miklouho Maclay, the Explorer: Communicated to the Royal Geographical Society / comp.: E. S. Thomassen. — Brisbane, 1882. — 46, VIII p.; 1 map. — Appendix: [Lettres, 1875–1881]: p. I–VIII. — Загл. обл.: A Biographical Sketch of Nicholas de Miklouho Maclay, Member of the Imperial Russian Geographical Society.

В приложении (с. I–VIII) опубликованы выдержки из переписки Н.Н. Миклухо-Маклая о необходимости защитить жителей Океании от насилия со стороны белых завоевателей и отрывок из письма автора к

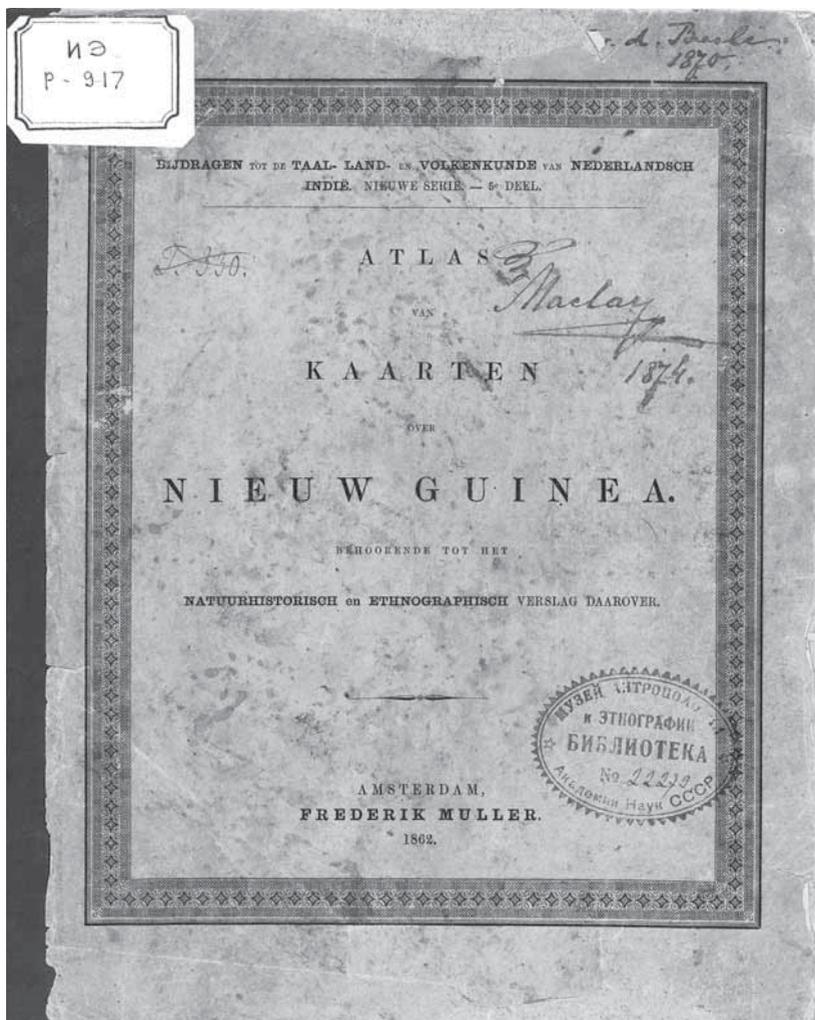

Рис. 37. Обложка с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая
(Atlas van kaarten over Nieuw Guinea. P-917)

своим друзьям, содержащий несколько эпизодов из рассказов Н.Н. Миклухо-Маклая. На обложке дарственная надпись чернилами: With the compliments of the compiler. По тексту правка карандашом (ошибки в географических названиях, именах).

Шифр: Б-355; 22256 (158) (рис. 41).

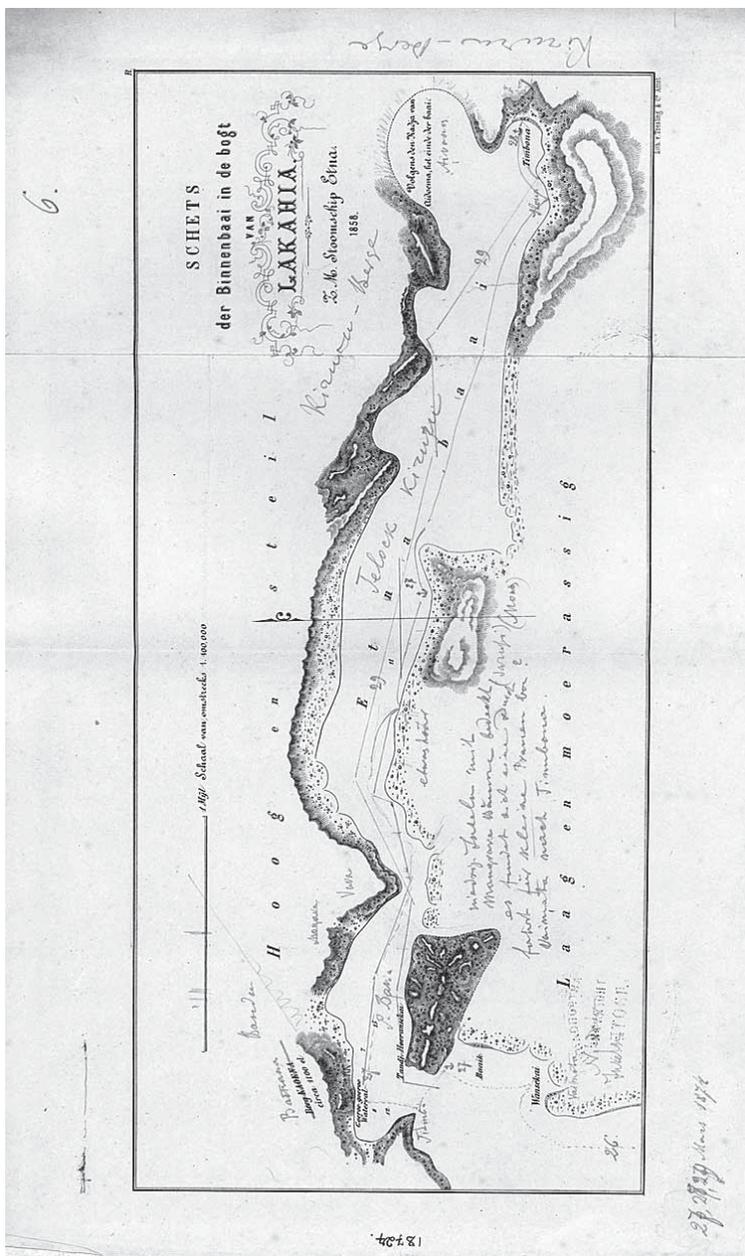

Рис. 38. Карта с латировкой и рукописными вставками Н.Н. Миклухо-Маклая (Atlas van kaarten over Nieuw Guinea. P-917)

56. **Monod G.** La Nouvelle-Guinée : les voyages de M. de Mikluho-Maclay / G. Monod. — [Paris], [1882]. — 25 p. — Отд. отт. из: La Nouvelle Revue. 1882. Т. 19. P. 223–247.

На обложке автограф автора: À Madame de Miklouho-Maclay hommage respectueux. E. Monod. На первой странице правка чернилами (корректирный знак): Mikluho исправлено на Miklouho. На с. 4 на полях знак вопроса: отмечены неточности в биографических данных Н.Н. Миклухо-Маклая.

Шифр: Б-389; 22260 (1106) (рис. 42).

57. **Deniker J.** Les Papous de la Nouvelle-Guinée et les voyages de M. Miklouho-Maclay / Par M. Deniker. — [P.], [1883]. — 18 p. — Отд. отт. из: Revue d'Anthropologie. P., 1883. 15 juillet.

На полях пометки карандашом.

Шифр: Б-353; 22254 (156).

58. **Н.Н. Миклухо-Маклай** // Нива. — 1883. — № 46. — С. 1081–1082: портр.

Весь номер журнала (с. 1081–1096), в современном переплете.

На с. 1 краткий очерк о Н.Н. Миклухо-Маклае, с портретом.

Шифр: Г-38; 22274 (4871).

59. **Пресс А.** Миклухо-Маклай (По поводу 25-летия со дня его кончины) / Очерк Аркадия Пресса // Нива. — 1913. — № 16. — С. 314–319: ил., портр.

Весь номер журнала (с. 301–320е).

Шифр: Г-36; 22272 (4869).

60. **Пресс А.** Миклухо-Маклай (По поводу 25-летия со дня его кончины): Окончание / Очерк Аркадия Пресса // Нива. — 1913. — № 17. — С. 333–335: ил., портр.

Весь номер журнала (с. 321–340е).

Шифр: Г-37; 22273 (4870).

61. **Янчук Н.А.** Николай Николаевич Миклухо-Маклай и его ученые труды: К 25-летию его кончины (1846–1888). — СПб.: Сенатская тип., 1913. — 34 с.: портр.

В библиотеке МАЭ три экземпляра этого издания. Первый поступил до 1918 г. (в числе книг, подаренных библиотеке В.В. Радловым). Предположительно к Маклаевской коллекции принадлежит экземпляр, зарегистрированный в 1937 г. (инв. № 30998) с пометкой «дублетный». Третий экземпляр (инв. № 41932; с надписью карандашом на обложке «Л.Я. Штернбергу») поступил в 1948 г. от неизвестного дарителя.

Шифр: Л-2014; 30998 (1517).

62. **Русский** на острове Новая Гвинея: [Плакат] / Худож. А.Е. Куликов. — М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. — На 1 л.

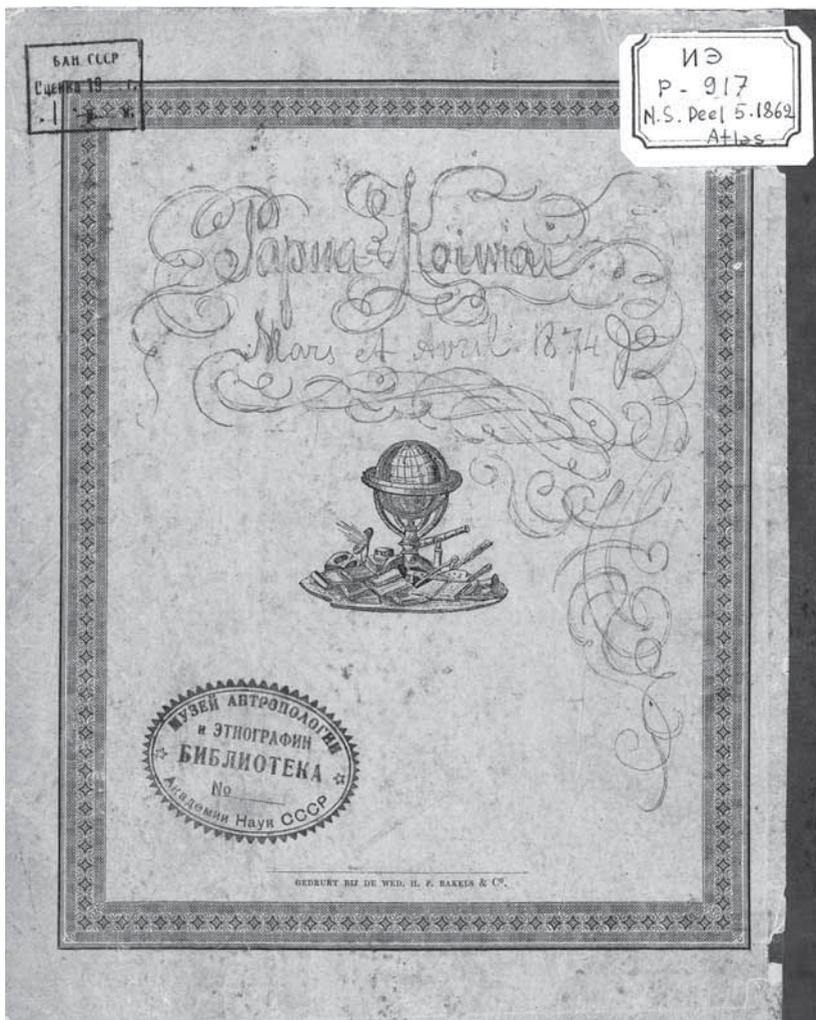

Рис. 39. Виньетка (Atlas van kaarten over Nieuw Guinea. P-917)

На листе 106×71 см краткая история первого путешествия Маклая на Новую Гвинею изображена на 13 картинках, расположенных как на житийной иконе, с текстами-пояснениями. Об этом плакате подробно [Воронина 1987].

Шифр: Г-332 (В-3686); 22281 (6093).

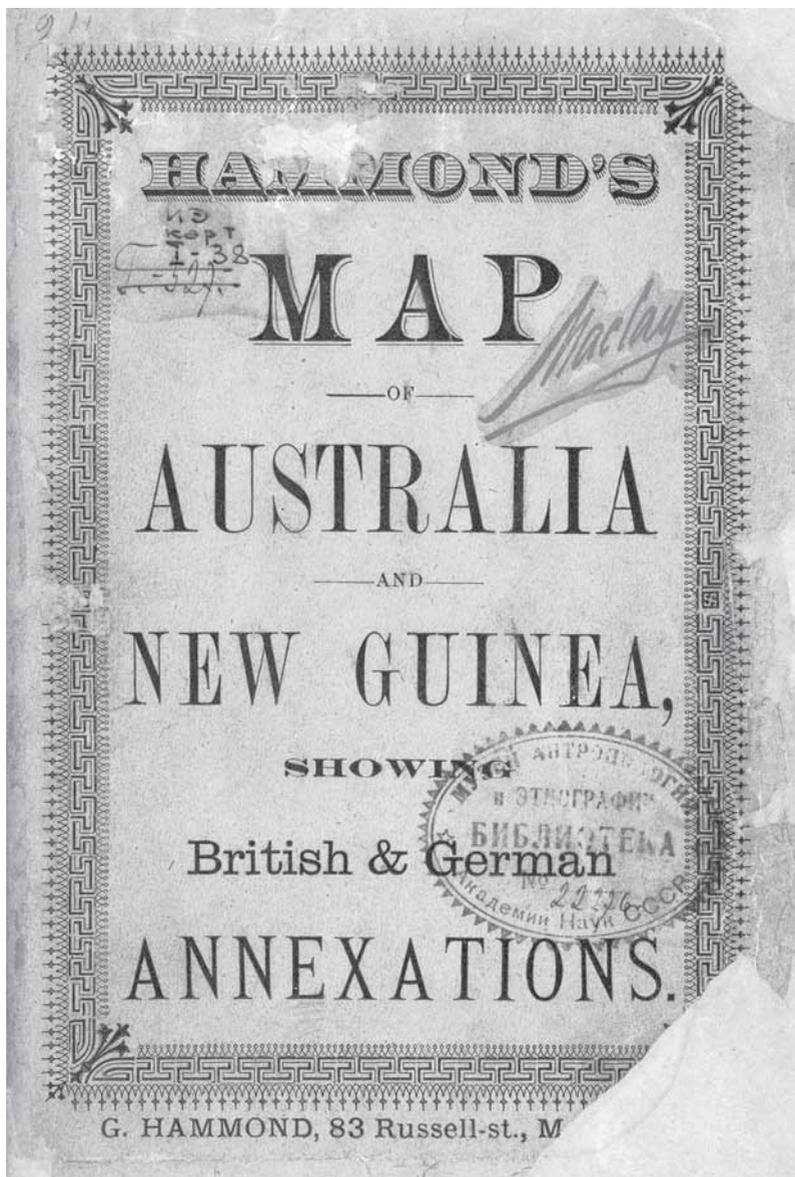

Рис. 40. Обложка с автографом Н.Н. Миклухо-Маклая
(Map of Australia... Карт I-38)

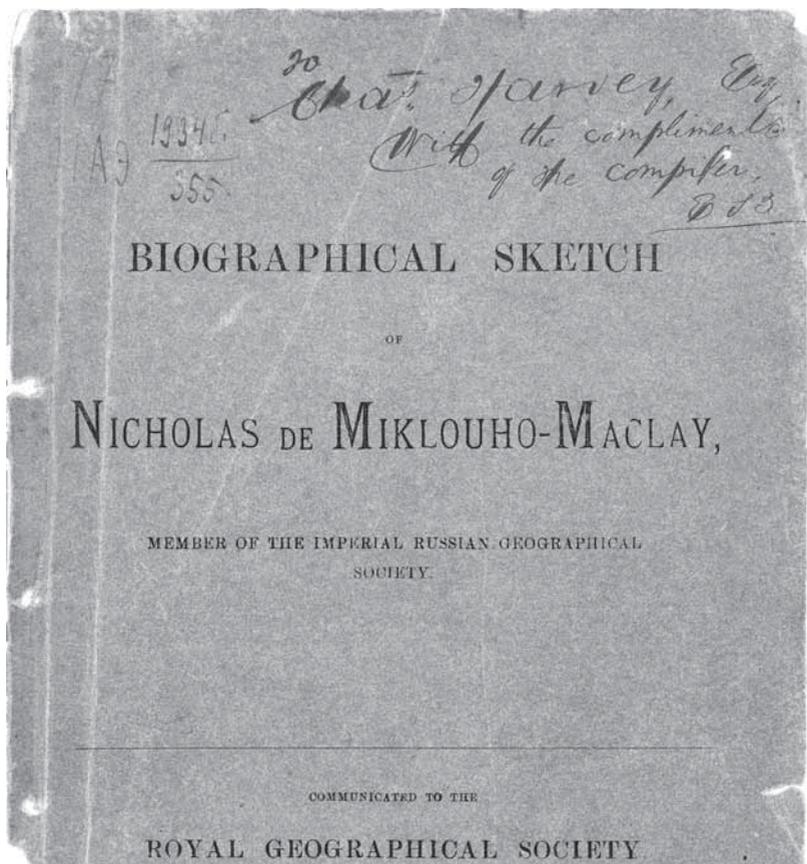

Рис. 41. Обложка с автографом Томассена (Thomassen E.S. A Biographical Sketch. Б-355)

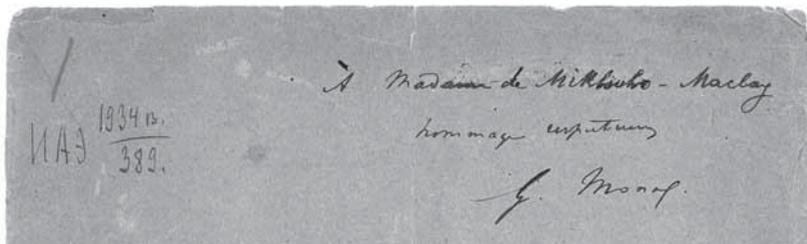

Рис. 42. Обложка с автографом Моно (Monod G. La Nouvelle-Guinée... Б-389)

СПИСКИ К РАЗДЕЛАМ 12 И 13 КОЛЛЕКЦИОННОЙ ОПИСИ

12. Список книг, не имеющих в Музее (работы М.-М.)

1. Программа исследований во время путешествий на острова и побережья Тих. Океана.

2. «Острова Агомес (Гермит)». Очерки из путешествия в Зап. Микронезию и Сев. Меланезию.

3. «Острова Адмиралтейства». Очерки из путешествия.

4. «Письма М.-М. к секретарю Общества».

5. «Острова Андра» (из дневника 1879 г.). I–II.

6. «Сообщение о путешествиях М.-М.».

7. «Следы искусства у папуасов бер. Маклая Новой Гвинеи». Ст. М.-М. в журнале «Искусство» (18 дек. 1883 г.).

1. “Aus den Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft”. 1880.

2. “Ethnologische Excursion in Johore”.

3. “Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte”. 1876. Über die grosszahnigen Melanesier.

4. “Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft”. 1881.

5. “Einiger über die Dialecte der melanesischen Volkerschaften in der Malayischen Habbinsel”.

6. “Beitrag zur vergleichenden Anatomie des Gehirnes”.

7. “Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte”.

8. “Ein Opiumsrauchversuch (Physiologische Notes)”.

9. Eine Correction.

10. Über Brachycephalitat bei den Papuas von New-Guinea.

11. Bericht über operationen australischer Eingeborner.

12. An ethnological excursion in Johore.

13. Note on the “keu” of the Maclay-Coast New-Guinea.

14. A short resume of the results of Anthropological and Anatomical researsches in Melanesia and Australia.

15. The “Barometro Araucano” from the Chiloe Islands.

16. Remarks on a Skull of an Australian Aboriginal from the Lachlan District.

17. Second note on “Macrodontism” of the Melanesians.

18. On Brachycephality among the Papuans of New Guinea.

19. On the practice of Ovariectomy by the Natives of the Herbert River, Queensland.

20. List of Plants in use by the Natives of the Maclay-Coast, New Guinea.

21. On a complete Debouchement of the Sulcus Rolando into the Fissure in Some Brains of Australian Aboriginal.

22. Ethnological excursions in the Malay Peninsula — November 1874 — to October 1875 (Preliminary communication) (Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society December 1878).

23. Eine zoologische Excursion an das Rothe Meer, 1869. Вырезка из “Petermann’s Mitteilungen”.

24. Cranial deformation of new-born children an the Island Mabian, and other islands of Torres Straits, and of women of the S.E. Peninsula of New-Guinea.

25. «На несколько дней в Австралию» из путевых заметок. «Новое время». I. 13 окт. 1887; II. 22 марта. 1888.

26. Ethnologische Excursion in der Malayischen Halbinsel (с рукописными примечаниями автора)⁵⁵.

13. Книги, статьи, карты по антропологии и этнографии, представляющие интерес для Музея, а также касающиеся биографии Миклухи-Маклая

1. Monod G. La Nouvelle-Guinée. Les voyages de m. de Miklucho-Maclay. Оттиск из: “La nouvelle Revue”. 15 novem. 1882.

2. Joseph Bancroft Pituri and Dubosia.

3. A. Ecker. Ueber abnorme Behaarung des Menschen insbesondere über die sogenannten Haarmenschen.

4. V. Bischoff. Vergleichend anatomische Untersuchungen über die äusseren weiblichen Geschlechts- und Begattungs-Organе des Menschen und der Affen, insbesondere der Anthropoiden.

5. Lettre sur Mantra, Tribu sauvage de la Presqu’île Malaise. (Рукопись в переплете).

6. Bancroft. Pituri and Tobacco.

7. Huxley. On the widely contrasted forms of the human cranium.

8. L. von Schrenk. Briefe an die Kaiserlich-Russische Academie der Wissenschaften zu StPetersbourg während seine Reize nach den Amur-Lande geschrieben. Zu dem Jahren 1854–1856.

9. Wickham W. Explorations in Australia: By John Forrest. (рецензия) “The Academia” Dec. 11, 1875.

⁵⁵ В инвентарную книгу этот оттиск не записан. Имеется эта статья на английском языке (см. № 22); экземпляр этой статьи на немецком языке «с рукописными примечаниями автора» не удалось обнаружить ни в библиотеке МАЭ, ни в СПФ АРАН.

10. Imperial and Colonial Acts relating to the Pacific Island Labour Trade (1884).
11. Aboriginal Natives Evidence (1849).
12. Atlas van Kaarten over Nieuw-Guinea.
13. Deniker M. Les papuas de la Nouvelle-Guinee et les voyages de M. Miclouho-Maclai (Revue Critique).
14. Chalmers J. Explorations in South Eastern New-Guinea.
15. Таблица, представляющая изменения, происходящие в скелете человека от рождения до глубокой старости⁵⁶.
16. A brief account of the Natives of western Australia.
17. Thomassen A. A Biographical Sketch of Nicholas de Mikloucho Maclay.
18. Fritsch G. Der Unabhängigkeitskampf der südafrikanischen Boeren.
19. De Vœux G.W. Memorandum on the future of New Guinea and Polynesia with reference to the Question of Australiasian, Annexation or Protectorate.
20. Report of a commission appointed to inquire into the working of the Western Pacific orders in Council.
21. Lockhart Ch. Report from commissioner of crown Lands, Darling District, respecting.
22. Report of Sub-Protector of Aborigines, for year ending Dec. 1875.
23. Notes and queries on anthropology, for the use of travellers and residents in uncivilized Lands.
24. Map of Australia and New Guinea.
25. Карта берега Маклая (фотография).
26. Конер Литература Антропологии, этнологии и науки о древностях за 1876 г.
27. Пресс А. Миклухо-Маклай (по поводу 25-летия смерти). «Нива». 1913. № 16.
28. «Нива». 1913. № 17 (продолж).
29. «Н.Н. Миклухо-Маклай». Статья в «Ниве» за 1883 г. № 46.
30. Янчук Н.А. Николай Николаевич Миклухо-Маклай и его ученые труды. К 25-летию его кончины (1846–1888).
31. Плакат Государственного издательства «Русский на острове Новая Гвинея».
32. «Социальное положение и возраст китайцев и полинезийцев в Колонии Квинсленд, составленная по данным переписи 1881 г.» (таблица).
33. Цена и употребление главных сортов Дрокорского леса (п/о-в Малакка) — таблица.
34. Карта Новой Гвинеи.

⁵⁶ Передана в БАН.

КОММЕНТАРИЙ А.Б. ПИОТРОВСКОГО К КОЛЛЕКЦИОННОЙ ОПИСИ

Из материалов к биографии Н.Н. Миклухо-Маклая

После смерти сотрудника Геологического музея Михаила Николаевича Миклухо-Маклая дочь покойного, Серафима Михайловна, передала в МАЭ архив своего отца. Архив был мною разобран, и выяснилось, что он содержит весьма интересный, частью совершенно неиспользованный в печати материал к биографии брата покойного, путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая.

Правда, многие из писем и документов имеются лишь в копиях; оригиналы были переданы в Географическое общество, а последнее, как известно, передало их для подготовки к печати Д.Н. Анучину (в 1897 г.). Очень небольшую часть этого материала Д.Н. Анучин опубликовал в 1923 г. Какова судьба остальных документов, в чьих руках они теперь находятся — неизвестно; поэтому и копии благоразумно сохранить.

Весь материал, представляющий интерес в биографическом отношении, а также содержащий более или менее ценные этнографические сведения, был мною отобран, и студенткою ЛГУ Н.А. Жебуневой произведена, под моим наблюдением, его опись.

В описи материал распределен по следующим отделам:

1. Завещание и другие личные документы Н.Н. Миклухо-Маклая (5 NN).
2. Письма Н.Н. Миклухо-Маклая к разным лицам на русском языке (151 письмо).
3. Письма Н.Н. Миклухо-Маклая к разным лицам на иностранных языках (12).
4. Письма разных лиц к Н.Н. Миклухо-Маклаю на русском языке (54).
5. Письма разных лиц к Н.Н. Миклухо-Маклаю на иностранных языках (15).
6. Материалы, относящиеся к выдвинутому Н.Н. Миклухо-Маклаем проекту организации русской колонии в Океании (15 NN).
7. Материалы по вопросу о работорговле в Океании (под видом найма рабочих по долгосрочным контрактам), о жестокостях европейцев, об установлении европейского протектората над Берегом Маклая

на Новой Гвинее, об аннексии Новой Гвинеи европейскими державами (26 NN).

8. Разные рукописи, заметки Н.Н. М.-Маклая, выписки и т.п. (22).

9. Газетные вырезки и другие печатные материалы к биографии Н.Н. Миклухо-Маклая (57).

10. Фотографии (120).

11. Рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая (16).

12. Печатные труды Н.Н. Миклухо-Маклая по антропологии и этнографии, не имеющиеся в библиотеке МАЭ (26).

13. Книги, оттиски статей разных авторов, карты, представляющие интерес для МАЭ (34).

14. Предметы (3).

15. Рукописные материалы к биографии путешественника, не вошедшие в предыдущие отделы (6 NN).

Всего опись содержит 562 NN.

В настоящем кратком докладе я могу остановиться лишь на некоторых, наиболее интересных из поступивших документов.

В отделе 1-м интересно завещание Н.Н., составленное в Батавии 20 ноября 1874 г. (подлинник) на французском языке.

Из этого завещания видно, что наиболее близким другом путешественника был Ал.Ал. Мещерский, которому он поручил заботу о своих рукописях.

Не забыт в завещании папуасский мальчик Ахмат (см. фотографию), подаренный Н.Н.-чу султаном Тидорским в 1873 г. Ахмату оставлено 1000 руб. Все остальное имущество (кроме коллекций, поделенных между Геогр. общ. и Академией наук) завещано сестре, Ольге Николаевне, которую Н.Н. очень любил.

Во 2-м отделе находим письмо к Л.Н. Толстому от 29 января 1886 г. (копию), являющееся ответом на письмо Л.Н. от 25 сентября 1885 г. Из письма видно, что и Н.Н. испытал на себе могучее влияние Толстого. «Письмо, — говорит он (т.е. хорошо известное, неоднократно перепечатывавшееся «Письмо Л.Н. Толстого к Н.Н. Миклухо-Маклаю»), — не только было для меня интересно, но результат чтения его повлияет немало на содержание книги о моих путешествиях».

Как сказано, это письмо мы имеем только в копии. По-видимому, оригинал не попал и к Д.Н. Анучину, по крайней мере, Д.Н. Анучин в краткой биографии, приложенной к I тому «Путешествий» Н.Н. М.-Маклая, изданному в 1923 г., замечает: «Неизвестно, какое впечатление произвело на Н.Н.-ча это письмо, исходившее от великого писателя и признававшее пребывание путешественника среди папуасов выдающимся подвигом, но выражавшее пренебрежение к науке и при-

глашавшее отстранить, как неважное и ненужное, все научные наблюдения, а заняться только описанием походов среди дикарей».

Теперь пробел, о котором говорит Д.Н. Анучин, можно считать восполненным. В ответном письме отношение Н.Н-ча ко взглядам Толстого достаточно выявлено.

Н.Н. просто игнорирует как нечто совершенно ему чуждое и непонятное нападки Л.Н. Толстого на науку: «Разумеется, — пишет он, — я не буду возражать на Ваши нападки на науку, ради которой я работал всю жизнь и для которой я всегда готов всем пожертвовать».

Но наряду с этим письмо Л.Н. Толстого побудило его несколько изменить план подготовлявшегося им к изданию описания своих путешествий; он решает не ограничиваться изложением достигнутых научных результатов, но остановиться подробнее на своих отношениях к туземцам. Иными словами, под влиянием Толстого Н.Н. решает уделить большое внимание не только чисто научным, но и социально-этическим вопросам.

Здесь уместно будет упомянуть также о копии заметки Н.Н-ча (до сих пор совершенно неизвестной), озаглавленной «Воспоминание о Тургеневе».

Здесь Н.Н. рассказывает о своем свидании с И.С. Тургеневым в Париже, перед отъездом Н.Н. в Австралию (по-видимому, в 1883 г.).

Н.Н. передает свой разговор с Тургеневым о том, в какую пору жизни человек бывает наиболее счастлив.

Мнение Тургенева совпало с мнением Шопенгауэра (философско-этические воззрения которого были весьма близки Н.Н-чу): он решил вопрос в пользу старости как такого периода в жизни человека, когда он свободен от желаний, неудовлетворение или неполное удовлетворение которых исключает возможность счастья.

Этот взгляд Н.Н. излагает с видимым сочувствием, но все же он был слишком активной натурой, чтобы успокоиться на философии квиетизма.

«Я подумал про себя, — говорит он, — что мне еще далеко до счастья, так как было много, много впереди, чего я добивался, зная при этом, что, добившись желаемого, я непременно захочу большего».

Действительно, Н.Н. никогда не довольствовался уже достигнутым, он неустанно расширял сферу своих исследований, обогащая нашу науку все новым и новым чрезвычайно ценным материалом; только болезнь и преждевременная смерть помешали Н.Н-чу надлежащим образом обработать собранный материал.

Большой биографический интерес представляют письма к матери, охватывающие период с 1864 по 1879 г. Здесь он говорит о своих

путевых впечатлениях, планах новых путешествий и исследований; иногда прорываются жалобы на то, что на родине о нем, по-видимому, забыли.

В письмах к сестре Ольге (с 1869 по 1882 г.) Н.Н. рассказывает о посещенных им странах, о своих работах, высказывает свои взгляды по разным философско-этическим вопросам.

В этих письмах выявляется отрицательное отношение Н.Н. к европейской буржуазной культуре (весьма характерны в этом отношении презрительные замечания Н.Н. об австралийской «демократии», брошенные в одном из писем).

Ярко проявляется в некоторых письмах влюбленность Н.Н. в тропики: только в тропических странах и по возможности дальше от «благ» цивилизации он считает жизнь сносной.

В некоторых письмах довольно резко звучат мотивы антифеминизма.

В отделе 3-м находим письма к Гёксли, Вирхову, известному зоологу Дорну (директору зоологической станции в Неаполе). В одном из писем Гёксли Н.Н. высказывает мысль о желательности учреждения в разных тропических странах антропологических исследовательских станций (в параллель зоологическим станциям).

В отделе 4-м наибольший интерес представляют письма секретаря Географического общества Ф.Р. Остен-Сакена, касающиеся подготовки первого путешествия Н.Н-ча на Новую Гвинею. Они ярко характеризуют скептическое отношение Геогр. общ. к «утопичным» планам Н.Н-ча, отношение, которое так трудно оказалось преодолеть путешественнику. Помимо «утопичности», планы Н.Н-ча не встретили особого сочувствия в Геогр. общ. еще и потому, что, как замечает Остен-Сакен в одном из писем, «Императорское Русское географическое общество по своему уставу должно содействовать изучению России». Изучение тропических стран представлялось неподходящим делом для русского ученого.

В отделе 5-м обращает на себя внимание письмо от А. Норденшёльда от 1 июня 1868 г. Из этого письма видно, что Н.Н. намеревался принять участие в 4-й экспедиции А. Норденшёльда на Шпицберген на пароходе «София», но получил отказ, так как все вакансии уже были замещены.

Отдел 6-й содержит между прочим: наброски правил для желающих поселиться на о-вах Тихого океана, памятную записку по вопросу об организации Русского тихоокеанского товарищества, ряд писем от лиц, пожелавших поселиться в проектированной Н.Н-чем колонии.

Письма весьма интересны. Тут и письмо от богатого помещика, мечтающего при содействии Н.Н-ча учредить на Новой Гвинее истинно христианскую общину из русских переселенцев, и «воплъ души» какого-то неудачника, вдовца с 5-ю детьми, вынужденного заниматься хлебопашеством на хуторе в Новгородской губернии и почему-то решившего, что делать то же самое на Новой Гвинее для него будет легче и приятнее.

Справедливость требует заметить, что Н.Н. в ответном письме деликатно отговаривает энтузиаста от его намерения присоединиться к колонистам, главным образом из-за детей, но тот продолжает упорно держаться за мысль о переселении, ссылаясь, между прочим, и на «высшие соображения»: колония-де должна явиться образцом идеального общественного строя; в ней все увлекающиеся революционными утопиями смогут, никому не вредя, пытаться проводить в жизнь свои идеалы.

Отдел 7-й содержит материалы, характеризующие ту упорную, далеко не всегда безуспешную борьбу, которую Н.Н. вел с «людокрадством» (Kidnapping — [киднеппинг]) и рабством в Океании.

Здесь мы находим нашумевшее в свое время письмо Верховному комиссару Западного Тихого океана сэру Артуру Гордону, в котором Н.Н. так горячо выступил в защиту прав туземцев Берега Маклая на их землю.

В отделе 8-м особое внимание привлекают конспекты лекций, читанных Н.Н-чем в Географическом обществе, и рукопись на английском языке, озаглавленная “Fragment of Pelew’s History”.

Конспекты лекций в значительной части использованы в упомянутой книге, изданной под редакцией Д.Н. Анучина, но наряду с уже использованным материалом мы находим в рукописи весьма интересные данные, которые, сколько мне известно, нигде напечатаны не были.

Наибольший интерес представляет лекция 6-я, посвященная верованиям меланезийцев. Во введении Н.Н. указывает, что полная картина верований меланезийцев никем до сих пор не дана и дать таковую можно лишь на основании гораздо более глубоких исследований, чем имевшие место до сих пор.

«Я откровенно сознаюсь, — говорит Н.Н., — что мое продолжительное пребывание между туземцами Берега Маклая, главным образом вследствие далеко для этой цели не хватающего знания языка, было недостаточно для того, чтобы достигнуть вполне удовлетворительного понимания миросозерцания и примитивной формы т. наз. религиозных идей папуасов. Я предпочитаю поэтому дать вам далеко не целое,

а, единственно, ряд наблюдений, которые при хорошем знакомстве с туземцами и их полном доверии мне удалось сделать».

Наблюдения Н.Н-ча не утратили интереса и в настоящее время.

Мы берем лишь некоторые, наиболее интересные, места, притом не перепечатанные в упомянутой книге под редакцией Д.Н. Анучина.

Сюда относятся прежде всего наблюдения Н.Н-ча над колдовством у папуасов.

Всякая болезнь и смерть приписывается папуасами, по наблюдениям Н.Н., употреблению врагом данного человека колдовских средств против него, носящих название «оним» (понятие, соответствующее малайскому «помали»). В других случаях «оним», напротив, талисман, приносящий счастье, в третьих — средство защиты от воров и т.д. Словом, все колдовские средства объединяются папуасами Берега Маклая под названием «оним». «Оним» была и та тонкая нитка, которою Н.Н. завязывал дверь своей хижины или обвязывал свои вещи, получая этим путем полную гарантию от кражи.

Местами существуют специалисты колдовства — люди, которым приписывают особую силу причинять людям болезни и даже смерть. «В таких случаях колдун, достав что-нибудь принадлежащее человеку, которого он хочет сделать больным, например волосы, ногти, даже объедки, оставленные этим человеком, начинает жечь эти остатки, смешав их с чем-нибудь, медленно горящим, и зажигает их так, чтобы они только тлели». «Люди, видящие эту процедуру, содрогаясь, говорят вокруг шепотом: “Смотри, он жжет нахак (то же самое, что “оним”). Кто-нибудь заболит”. И все ждут, что что-нибудь случится. Вдали скоро слышится звук трубы из раковины Triton. Тогда колдун говорит своим друзьям: “Вот он, человек, нахак которого я жгу. Он болен. Подождем. Потушим пока. Увидим, что он пришлет завтра”. И действительно, на другой день подарки являються. Всякий человек, заболевший какой-нибудь болезнью, убежден, что колдун жжет его “нахак”. Он немедленно зовет кого-нибудь из своих друзей, чтобы последний потрубил в трубу из раковины. Звук этой трубы — сигнал или род просьбы, чтобы колдун прекратил сжигание нахака и тем прервал болезнь.

Чем сильнее боль, тем сильнее и продолжительнее звуки трубы, которые сообщают колдуну, что подарки непременно будут, если он прекратит сжигание. Если на другой день боль продолжается, то это происходит оттого, что колдун недоволен подарками и продолжает жечь нахак. И снова слышится звук трубы, и колдун может ожидать новых подарков.

Если человек умирает, это значит, что колдун, несмотря на подарки, сжег нахак до конца.

Туземцы Берега Маклая очень боялись оставлять объедки валяющиеся где-нибудь. Н.Н. часто видел, как все объедки бережно собирались, завертывались и зарывались где-нибудь в стороне, или же, привязанные к камню, бросались в море, чтобы как-нибудь не послужить оным'ом, сжигание которого дурными людьми могло бы причинить болезнь и смерть».

Интересно сообщение об обычае погребения живыми стариков на о. Фате (Ново-Гебридский архипелаг). «Когда старик чувствовал себя нездоровым, слабым и близким к смерти, он говорил своим детям и друзьям, чтобы они приготовили все для его похорон. Тогда выкапывали круглую глубокую яму, завертывали старика в несколько тонких цыновок и опускали в сидячем положении в могилу. Так как полагали, что на том свете ему будет сделан лучший прием, если он будет сопровождать добрым числом свиней, то приводили несколько свиней. От шеи каждой из них идет веревка, которая привязана к руке живого покойника. Но веревка эта перерезается, и так как конец ее остается прикрепленным к руке старика, то предполагается, что он берет свиней с собой. На голову старика бросается еще несколько цыновок, и могила быстро засыпается». Не только стариков зарывали живыми, но также и детей. «Женщинам, которым приходится работать на плантациях, неудобно иметь более 2–3 детей, почему на о. Фате было обыкновение зарывать остальных детей при появлении их на свет». Зарывание живыми стариков встречается также на южном берегу Новой Гвинеи.

Неоконченный рассказ об одном событии в истории архипелага Палау записан Н.Н.-чем на о. Бабельтоп в 1876 г. со слов «английского креола» («Creole English») мистера Гиббона. Н.Н. предполагал перевести этот рассказ на немецкий язык, что видно из надписи на обложке рукописи: “Mitquor oder die Rache einer Schwester. Ein Fragment aus der Geschichte der Pelau-Inseln... übersetzt durch N. von Maclay, 1876”. Далее следует эпитафия из Мольера (“Ecole de femmes”): “Dans le monde on fait tout pour ces animaux-la”. Эпитафия взята весьма подходящая к содержанию рассказа. В последнем повествуется о том, как сестра одного князька, убитого по приказу короля, терпеливо готовила королю жестокую месть. Для осуществления этой мести она не останавливается ни перед чем. Она подстраивает убийство своего трусливого мужа и, став свободной, искусно обольщает вожда, назначенного ею как орудие для осуществления задуманного плана мщения.

К сожалению, рассказ не окончен, но рукопись все же представляет интерес, так как дает яркую картину нравов туземной микронезийской аристократии, тех жестокостей и коварства, к которым прибегали туземные князьки в борьбе друг с другом за власть.

Отдел 9-й содержит собрание некрологов, помещенных в петербургских газетах после смерти Н.Н-ча и ряд NN юмористических журналов с карикатурами на путешественника. Особенно богатую пищу юмористическим журналам дал выдвинутый Н.Н-чем проект основания русской колонии в Океании.

Вот две наиболее любопытные карикатуры.

В отделах 10 и 11 мы находим снимки с корвета «Витязь», на котором Н.Н. предпринял свое первое путешествие на Новую Гвинею в 1870 г., и с клипера «Изумруд», который зашел за Н.Н-чем в бухту Астролябии в 1872 г., фотогравюру (с рисунка Н.Н.): жилище Н.Н-ча в Гарагасси на Берегу Маклая, портрет Н.Н. с братом, Михаилом Николаевичем, рисунки Н.Н-ча (комната Н.Н. в Петербурге в 1870 г. перед отъездом путешественника на Новую Гвинею, статуя с о. Пасхи, вид близ г. Кема в резидентстве Менадо, где Н.Н. приобрел участок земли [разрешение приобрести таковой, данное генерал-губернатором Нидерландской Индии, имеется в бумагах, а в «Проекте Тихоокеанского т-ва» Н.Н. упоминает о принадлежащих ему землях на Берегу Маклая, на о. Бабельтот, близ Сингапура и около г. Кема на Целебесе]).

Любопытен плакат, выпущенный Госиздатом, представляющий удачную попытку популяризации сведений о путешественнике.

Отдел 12-й содержит печатные труды Н.Н., не имеющиеся в нашей библиотеке.

В отдел 13-й включены две интересные рукописи: одна на французском языке (отчет миссионера), озаглавленная “Lettre sur les Mantra, tribu sauvage de la Presqu’ile Malaise”⁵⁷, и рукопись неизвестного автора

⁵⁷ Этот документ был записан в инвентарную книгу библиотеки 26.01.1934 с инв. № 22249, причем Миклухо-Маклай (в латинской транскрипции) ошибочно указан как автор. После окончания Отечественной войны в библиотеке была проведена тотальная проверка фонда, все сохранившиеся книги были записаны в новые инвентари, но эта рукопись в новые инвентари не вписана — иначе говоря, в 1953 г. не обнаружена. Ни в библиотеке, ни в СПФ АРАН пока что отыскать ее не удалось.

Подлинное имя автора рукописи легко обнаруживается в текстах Миклухо-Маклая. Исследуя Малаккский полуостров, в феврале 1875 г.

на английском языке, посвященная сравнению восточно-полинезийских языков с малайским⁵⁸.

Отдел 14-й содержит два образца листьев Piper Methysticum, из которого готовится кофе (Н.Н.-чу принадлежит честь открытия употребления этого напитка на Новой Гвинее), и образец волос тасманийца.

В отдел 15-й вошел, между прочим, биографический очерк, составленный братом путешественника Михаилом Николаевичем и содержащий небезыңтересные данные (о воспитании, полученном Н.Н., характеристика отца путешественника и др.). В общем, поступивший в МАЭ материал представляет значительный интерес и дает возможность заполнить многие пробелы в биографии путешественника.

А. Пиотровский
20.V.27 г.

путешественник посетил католическую миссию близ г. Малакка, где наблюдал нескольких представителей очень немногочисленной народности оран-мантра. Миклухо-Маклай сообщает: «...основатель миссии господин Борри написал небольшую статью об оран-мантра, которую я благодаря любезности преподобного отца Дезбон'а имел возможность прочесть в рукописи. Эта статья переведена на английский язык» [Миклухо-Маклай IV: 20]. Очевидно, Миклухо-Маклай не только прочел рукопись, но и получил ее экземпляр. Сама статья к этому времени уже давно вышла в свет [Borie 1860].

⁵⁸ Ни в списках 12 и 13, ни в библиотечных инвентарях такой рукописи нет. Небольшая литографированная рукопись с соответствующим названием "A Comparaison of the Malay and eastern Polynesian languages, Sources Marsden's Malay grammar and dictionary. Wallace Malay Archipelago" хранится в Архиве [СПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–4].

ИСТОЧНИКИ

АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Ethnologia.

АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. № 2 (1871). № 5 (1878).

АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 70. Меланезия 1879. Album N 21.

АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 72. № 3 Polynesia (Juni–August 1871).

АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 92. Mikluho-Maclay. N. Guinea. 1871–1877.

АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 99. Ethnologische Excursion in Johore.

МАЭ РАН. Опись колл. И-2085.

МАЭ РАН. Опись колл. № 7425.

ПМА 2010 (раздел 6) — Полевые материалы автора (А.В. Туторский) из поездки на Берег Маклая (округ Маданг, Папуа — Новая Гвинея) в мае 2010 г.

ПМА 2010 (раздел 7) — Полевые материалы авторов (А.В. Туторский, А.А. Винецкая) из поездки на остров Танна (Вануату) в мае 2010 г.

СПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. № 53.

Das Archiv der VEM, Feld “Kaiser-Wilhelmsland / Papua-Neu-Guinea”, Feldakte 2.148 Helmich Heinrich, Bd. 2.

Das Archiv der VEM, Feld “Kaiser-Wilhelmsland / Papua-Neu-Guinea”, Feldakte 2.149 Hanke August, Bd. 4.

Das Archiv der VEM, Feld “Kaiser-Wilhelmsland / Papua-Neu-Guinea”, Feldakte 2.996 Amele.

Das Archiv der VEM, Feld “Kaiser-Wilhelmsland / Papua-Neu-Guinea”, Feldakte 2.997 Bogadjim.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анучин Д.Н. К антропологии украинцев (Ф.К. Волков. Антропологические особенности украинского народа». Ст. во II т. издания «Украинский народ». Пг., 1916) // Русский антропологический журнал. 1918. № 1–2. С. 49–62.

Анучин Д.Н. Н.Н. Миклухо-Маклай, его жизнь и путешествия // Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. М., 1923. Т. I: Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. С. 8–80.

Байбурин А.К., Левинтон Г.А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // Acta ethnographica Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1983. Т. XXXII. Fs. 1. P. 3–31.

Бутинов Н.А. Рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая // Сборник МАЭ. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 213–231.

Бутинов Н.А. Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников // Миклухо-Маклай Н.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950. Т. II.

Бутинов Н.А. О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии // Советская этнография. 1951. № 2. С. 179–181.

Бутинов Н.А. Миклухо-Маклай и Эрнст Геккель // Маклаевские чтения (1998–2000). Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия: народы, культура, история. СПб., 2001. С. 5–10.

Бутинов Н.А., Розина Л.Г. Коллекции с о. Пасхи в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // Сборник МАЭ. 1958. Т. XVIII. С. 305–323.

Бэр К.Е. Человек в естественно-историческом отношении. СПб., 1851.

Варшавский С.Р. Легенда о тополе // Русская речь. 1968. № 6. С. 85–89.

Воробьев Н.Н. Н.Н. Миклухо-Маклай и арабский мир: Становление ученого (1866–1869) // Человек из легенды. К 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая (Малайско-индонезийские исследования, VIII). М., 1997. С. 8–16.

Воронина Т.А. Забытый плакат-лубок о Н.Н. Миклухо-Маклае // Советская этнография. 1987. № 5. С. 125–136.

Гурецкий В.О. По следам Миклухо-Маклая // Природа. 1969. № 3. С. 80–89.

Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. М., 1880. Т. 1—4.

Иванова Л.А. Источниковедческие проблемы изучения этнографического собрания Н.Н. Миклухо-Маклая // Человек из легенды. К 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1997. С. 19—30. (Малайско-индонезийские исследования. VIII).

Иванова Л.А. Об экспонатах с Малаккского п-ва из коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 100—110.

Известия РГО. 1888. Т. 24. Вып. 6. С. 510.

Козинцев А.Г. Эволюция человеческих популяций в южной части Тихоокеанского бассейна: новые факты и обобщения // Маклаевские чтения (1998—2000). Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия: народы, культура, история. СПб., 2001. С. 90—96.

Козинцев А.Г. Индонезийцы, индейцы и протоморфные монголоиды Западной Сибири // Маклаевский сборник—1. Индонезийцы и их соседи. СПб., 2008. С. 355—359.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

Лебедева А.А. Материалы и документы, хранящиеся в отделе Австралии, Океании и Индонезии // Сборник МАЭ. СПб., 2007. Т. LIII: Культура и быт австронезийских народов: История коллекций и их собиратели. С. 321—333.

Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960.

Массов А.Я. Неизвестный автограф Н.Н. Миклухо-Маклая // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 111—117.

Меннис М. На острове Били-Били (По следам Миклухо-Маклая) // Советская этнография. 1989. № 5. С. 117—123.

Миклухо-Маклай Н.Н. Острова Рапа-Нуи (Пасхи), Питкерн и Мангарева // Известия РГО. СПб., 1872. Т. VIII. № 2. С. 42—55.

Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. М., 1923. Т. I.

Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия / подгот. к печати И.Н. Винникова и А.Б. Пиотровского. М.; Л. 1940. Т. 1; 1941. Т. 2.

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 5 т. М.; Л., 1950—1954.

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1990—1999. Т. 1—6.

Ольдерогге Д.А. Параллельные тексты таблиц острова Пасхи «*кохау ронго ронго*» // Сборник МАЭ. М.; Л., 1949. Т. XI. С. 222—236.

Путилов Б.Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981.

Ревуненкова Е.В. У каких племен Малаккского полуострова был Н.Н. Миклухо-Маклай? // Маклаевские чтения. СПб., 1992. С. 16—19.

Ревуненкова Е.В. Н.Н. Миклухо-Маклай об аборигенах и малайцах Малаккского полуострова // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 134–148.

Решетов А.М. К истории формирования личных фондов Н.Н. Миклухо-Маклая в архивах РГО и АН СССР // Маклаевский сборник. СПб., 2010. Вып. 3: Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории. Статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг. С. 15–21.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978.

Розина Л.Г. Мемориальная выставка, посвященная Н.Н. Миклухо-Маклаю. Отдельный оттиск // Советская этнография. 1971. № 6. С. 159–162.

Такер Р. От Иерусалима до края Земли: биографические истории о христианских миссионерах. СПб., 1998.

Токарев С.А. История русской этнографии (Дюктябрьский период). М., 1966.

Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

Толстов С.П. Значение трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии // Советская этнография. 1950. № 4. С. 3–23.

Тумаркин Д.Д. По следам «тамо русс» (Советские ученые в Бонгу) // На Берегу Маклая. М., 1975.

Тумаркин Д.Д. К истории топонима Берег Маклая // Советская этнография. 1984. № 5. С. 102–106.

Тумаркин Д.Д. «Вторая жизнь» Н. Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа — Новой Гвинее // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 158–169.

Тумаркин Д.Д. Рец. на: Schneider F. Mikloucho-Maclay und die heroische Ethnologie. Die Neuguinea Tagebücher. Neusweiler, 1997 // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 149–152.

Тумаркин Д.Д. Николай Николаевич Миклухо-Маклай // Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1999. Т. 6. Ч. I. С. 553–673.

Тумаркин Д.Д. Белый Папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М., 2011.

Тэйлор Э. Первобытная культура: в 2 т. СПб., 1872. Т. I.

Фрэнзер Дж.Ф. Золотая ветвь. М., 1983.

Хаген Б. Воспоминания о Н. Н. Миклухо-Маклае у жителей бухты Астралабии на Новой Гвинее // Землеведение. 1903. Кн. II–III. С. 245–252.

Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М., 1991.

Шаскольская Т.И. Маклаевская коллекция библиотеки МАЭ РАН // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 261–265.

Albertis L.M. d'. New Guinea: What I did and what I saw. L., 1880.

Albertis L.M. d'. La Nouvelle-Guinée: ce que j'y ai fait, ce que j'y ai vu. P., 1883.

Bastian A. Bemerkungen zu den Holztafeln von Rapa-Nui // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1872. Bd. VII. S. 81–89.

Bastian A. Allgemeine Begriffe der Ethnologie // Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen / Hrsg. von G. Neumauer. Berlin, 1875. S. 516–533.

Borie P. Notice sur les Mantras, tribu sauvage de la peninsula Malaise // Tijdschrift voor indische taal-, land- en volkenkunde. Batavia, 1860. D. 10. P. 413–443.

Crawford J. Dictionary of the Indian Islands & Adjacent Countries. L., 1856.

Crawford J. On Classification of the Races of Man // Transactions of the Ethnological Society of London. New Series. L., 1861. Vol. I. P. 354–378.

Dempwolff O. Beiträge zur Kenntnis der Sprachen von Deutsch-Neuguinea // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Berlin, 1905. Jg. VIII. S. 182–254.

Dempwolff O. Beiträge zur Kenntnis der Sprache von Bilibili // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Berlin, 1909. Jg. XII. Abt. I. S. 221–261.

Deniker J. Les Papous de la Nouvelle-Guinée et les voyages de M. Miklouho-Maclay. P., 1883.

Earl G.W. On the leading characteristics of the Papuan, Australian, and Malayu-Polynesian Nation // The Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia. 1850. Vol. IV. P. 1–10.

Finsch O. Samoafahrten. Reisen in Kaiser Wilhelmsland und, Englisch Neuguinea in den Jahren 1884–1885 an Bord des deutschen Dampfers “Samoa”. Leipzig, 1888.

Gerland G. Die Micronesier und nordwestlichen Polinesier. Ethnographisch und culturhistorisch dargestellt // Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Funfter Theil. Leipzig, 1870.

Haeckel E. Anthropogenie. Leipzig, 1903. Bd. 1.

Hagen B. Unter den Papua's. Beobachtungen und Studien über Land und Leute, Thier und Pflanzenwelt in Kaiser-Wilhelmsland. Wiesbaden, 1899.

Hanke A. Die Sprachverhältnisse in der Astrolabe-Bai in Deutsch-Neuguinea // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Berlin, 1905. Jg. VIII. Abt. I. S. 255–262.

Hanke A. Grammatik and Vocabularium der Bongu Sprache. Berlin, 1909.
Hannemann E.F. Village life and social change in Yam society. Madang, Papua New Guinea, 1996.

Hoffman A. Woerterliste der bogadjimsprache // B. Hagen Unter den Papua's. Beobachtungen und Studien ueber Land und Leute, Thier und Pflanzenwelt in Kaiser-Wilhelmsland. Wiesbaden, 1899. S. 293–299.

Hoffman A. Lebenserrinerungen eines rheinischen Missionaers. Barmen, 1948. Bd. 1.

Hunt J. Introductory Address on the Study of Anthropology // The Anthropological Review. 1863. Vol. I. P. 1–20.

Hunt J. On the Negro's Place in Nature // Memoirs read before the Anthropological Society of London. 1863–1864. L., 1865. Vol. I. P. 1–64.

Hunt J. On Phisio-Anthropology, its Aim and Method // Journal of the Anthropological Society. 1867. Vol. 5. P. ccix–cclvii.

Jenkins C. The Amele and Dr. Braun: A History of Early Experience with Western Medicine in Papua New Guinea // A Continuing Trial of Treatment. Medical Pluralism in Papua New Guinea. Springer Netherlands, 1988. P. 181–198.

Journal of the Anthropological Society. 1867. Vol. 5.

Lawrence P. Road belong cargo: a study of the Cargo Movement in the Southern Madang District, New Guinea. Manchester, 1971.

Lawrence P. Miklouho-Maclay // Royal Anthropological Institute News. 1982. № 52. P. 13.

Lawrence P. Rev.: The Moon Man: a Biography of Nikolai Miklouho-Maclay by E.M. Webster // The Journal of the Polynesian Society. 1986. Vol. 95. № 4 (December). P. 537–541.

Lindt J.W. Picturesque New Guinea. With an Historical Introduction and Supplement on the Manners and Customs of the Papuans; accompanied with Fifty Full-Page Autotype Illustrations from Negatives of Portraits from Life and Groups and landscapes from Nature. L., 1887.

Logan J.R. The Ethnology of the Indian Archipelago: Embracing Enquiries into the continental Relations of the Indo-Pacific Islands // Journal of the Indien Archipelago and Eastern Asia. 1850. Vol. IV. P. 252–347.

Maclay N. von. Ueber die Rohau rogo rogo oder die Holztafeln von Rapa-Nui // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1872. Bd. VII. S. 79–81.

Malinowski B. The Family among the Australian Aborigines. L., 1913.

Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. L., 1922.

Malinowski B. Journal d'ethnographie. P., 1985.

McSwain R. Kulbob and Manub: past and future creator deities of Karkar island // Pacific Studies. 1994. № 4. (Vol. 17). P. 11–28.

Meinicke C. Die Holztafeln von Rapanui // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1871. Bd. VI. S. 548–551.

Mennis M. Oral testimonies from coastal Madang / Oral history. Madang, 1980. Vol. VIII.

Mennis M. A potted history of Madang. Traditional culture and Change on the North Coast of Papua-New Guinea. Brisbane, 2006.

Monod G. La Nouvelle-Guinée: les voyages de M. de Mikluho-Maclay. P., 1882.

Müller Fr. Reise der Österreichischen Fregatte Novara um die Erde in den Jahren 1857, 1858, 1859. Anthropologischer Theil. Dritte Abtheilung. Ethnographie. Wien, 1868.

Notes and Queries on anthropology, for the use of travelers and residents in uncivilized lands. L., 1874.

Philippi R. Ein inschriftliches Denkmal von der Oster-Insel // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. 1870. Bd. VI. S. 469–470.

Prichard J.C. Naturgeschichte des Menschengeschlechtes. Nach der dritten Auflage des englischen Originals mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegebenen von Dr. Rudolf Wagner und Dr. I.G. Friedrich Will. Leipzig, 1848. Bd. 4.

Prichard J.C. The Natural History of Man. L., 1855. Vol. I.

Putilov B.N. Nikolai Miklouho-Maclay; traveller, scientist and humanist. M., 1982.

Rambo K.F. Jesus Came Here too: the Making of a Culture Hero and Controle over History in Simbu (Papua-New-Guinea) // Ethnology. 1990. Vol. 29. № 2. P. 177–178.

Renck G. Histori bilong luteran sios bilong Papua-Nugini. Б.г.

Ross J.C. Entdeckungsreise nach dem Sud-Polar-Meere in den Jahren 1839–1843. Leipzig, 1847.

Schrenk L. von. Reisen und Forschungen in Amur-Lande. SPb., 1860. Bd. I. Zweite Lieferung: Vögel des Amur-Landes.

Stocking G.W. Maclay, Kubary, Malinowski. Archetypes from the Dreamtime of Anthropology // History of Anthropology. The University of Wisconsin, 1991. Vol. 7. Colonial Situations. Essays on the Contextualization of Ethnographic Knowledge. P. 9–74.

Strehlow T.G.H. Aranda Traditions. Melbourne, 1947.

Sullivan N. Cargo and condescension // Contemporary PNG studies. Madang, 2005. Vol. 3. P. 1–13. URL: www.nancysullivan.net/pdf/article-cargoandcondescension.pdf (дата обращения: 10.02.2011).

Tabani M. Une pirogue pour le paradis. Le culte de John Frum à Tanna (Vanuatu). St-Just-la-Pendue, 2008.

Thomas J.W. Von Nias nach Kaiser-Wilhelms-Land und ueber Australien zurueck nach Deutschland. Guetersloh, 1892. Bd. II.

Thomassen E.S.A Biographical Sketch of Nicholas de Miklouho Maclay, the Explorer: Communicated to the Royal Geographical Society. Brisbane, 1882.

Trompf G. Religions of Melanesia: a bibliographic survey. Westport, 2006.

Tumarkin D.D., Fedorova I.K. Nikolai Mikloucho-Maclay and Easter Island // *Pacific Studies*. 1990. Vol. 13. № 2. P. 103–117.

Urry J. “Notes and Queries on Anthropology” and the Development of Field Methods in British Anthropology, 1870–1920 // *Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1973. N [1972]. P. 45–57.

Urry J. Englishmen, Celts and Iberians. The Ethnographic Survey of the United Kingdom, 1892–1899 // *History of Anthropology*. The University of Wisconsin, 1984. Vol. 2. Functionalism Historicized. Essays on British Social Anthropology. P. 83–105

Virchow R. Anthropologie und prahistorische Forschungen // Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen / Hrsg. von G. Neumauer. Berlin, 1875. S. 571–590.

Virchow R. The Freedom of Science in the Modern State. L., 1878.

Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Vierter Theil. Die Amerikaner. Ethnographisch und culturhistorisch dargestellt. Zweite hälfte. Leipzig, 1864.

Waitz Th. Die Völker der Südsee. Ethnographisch und culturhistorisch dargestellt. Zweite hälfte // *Waitz Th.* Anthropologie der Naturvölker. Funfter Theil. Leipzig, 1865.

Wallace A.R. Discussion. In: Hunt J. On Phisio-Anthropology, its Aim and Method // *Journal of the Anthropological Society*. 1867. Vol. 5. P. cclvi–cclvii.

Zraggen J.A. The languages of the Madang district Papua New Guinea // *Pacific linguistics*. Series B. Canberra, 1979. № 41. P. 5–12.

Zöllner H. Deutsch Neuguinea und meine Ersteigung des Finisterre-Gebirges. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1891.

Научное издание

**Старое и новое
в изучении этнографического наследия
Н.Н. Миклухо-Маклая**

Очерки по историографии и источниковедению

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *Т.В. Никифорова*
Корректор *Е.З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 15.05.2014. Формат 60×84/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonPS Normal. Усл.печ л. 15. Уч.-изд. л. 17.
Тираж 200 экз. Заказ № 3254.

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
izd_lemma@mail.ru

ISBN 9785884312470

